

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сборник статей по итогам Международной
научно-практической конференции
18 октября 2017 года, приуроченной к 60-летию принятия
государствами – членами Совета Европы
Европейской Конвенции о выдаче 1957 года

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018

ISBN 978-5-9694-0530-1

Москва
2018

ББК67.412

Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции 18 октября 2017 г., приуроченной к 60-летию принятия государствами – членами Совета Европы Европейской Конвенции о выдаче 1957 г. / под общ. ред. Д. Д. Шалягина. (3,58 МБ). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 271 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R). – Систем. требования: CUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0530-1

Сборник подготовлен на основе материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью», приуроченной к 60-летию принятия государствами – членами Совета Европы Европейской Конвенции о выдаче 1957 г., проходившей в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя 18 октября 2017 г.

ББК67.412

Рецензенты: начальник отдела по взаимодействию с международными организациями Управления многостороннего международного полицейского сотрудничества ДДО МВД России полковник внутренней службы ***Е. Е. Бардина***; старший оперуполномоченный 1 отдела НЦБ Интерпола МВД России кандидат юридических наук капитан полиции ***И. Н. Царев***.

В авторской редакции

Научное
электронное издание

Усл. печ. 15,75 л.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
[http: //www.mosu.mvd.ru](http://www.mosu.mvd.ru), e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово начальника Московского университета	6
Алисиевич Е. С. Вопросы экстрадиции в практике Европейского Суда по правам человека	8
Алтунина О. С. Сепаратизм и самоопределение в странах Европы: основные причины	16
Бадамшин С. К. Международное сотрудничество в сфере формирования международной стратегии предупреждения терроризма	19
Башлуева Н. Н. Домашнее насилие против женщин и детей не имеет национальности	27
Бондарь Е. О. Совершенствование взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и полицейских ведомств зарубежных стран на современном этапе	35
Борисов С. В., Жеребченко А. В. Международно-правовые основы противодействия преступлениям, направленным на возбуждение ненависти либо вражды	41
Ботвин И. В. Законодательство некоторых стран Совета Европы об ответственности за преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием	55
Василенко Г. Н. Финансовый контроль в России и ЕС: перспективы развития	61
Вертлиб Ф. О. Передача материалов для возбуждения уголовного дела в рамках международной правовой помощи по уголовным делам	72
Галиев Р. С. Правовые основы сотрудничества Организации Объединенных Наций с Международной организацией уголовной полиции	76
Галкина У. В. Некоторые аспекты международного сотрудничества по защите объектов интеллектуальной собственности	82
Грицаев С. А., Коренухина А. А. Международно-правовые проблемы передачи лиц органам международной уголовной юстиции	87
Дементьев А. А. Вопросы уголовной ответственности в международном воздушном праве	91
Дроздов Д. Е. Зарубежный опыт предупреждения преступлений, вызывающих общественный резонанс	101

Зикунков К. Е., Симонова А. Е. К вопросу о степени угрозы отдельных видов оружия массового уничтожения: понятие и содержание.....	110
Иванов П. И. Криминальный экстремизм и его финансирование	116
Иванцов С. В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции: современное состояние и тенденции.....	125
Клевцов К. К. Правовые механизмы привлечения к уголовной ответственности лиц, не подлежащих выдаче по запросу Российской Федерации	134
Козлова А. А. К вопросу об обеспечении прав человека в контексте международного сотрудничества по противодействию незаконному обороту человеческих органов	142
Коннов В. А. Правовая помощь по административным и уголовным делам в рамках деятельности Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO)	146
Котляров И. И. Ключевые вопросы ответственности за совершение международных преступлений	150
Кулик О. В. Легализация практики международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции	156
Кунев Д. А. Об участии Следственного комитета Российской Федерации в международном антикоррупционном сотрудничестве.....	161
Мазитов Р. Р. Информационно-правовые аспекты взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере борьбы с преступностью	168
Макаренко М. М. Проблемные вопросы противодействия незаконному обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ: мировой и отечественный опыт	173
Моргун Д. О. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью в контексте деятельности органов международной уголовной юстиции.....	178
Прудников А. С. Правовое регулирование выдворения иностранных граждан с территории Российской Федерации	182
Прудникова Т. А. Депортация иностранных граждан, совершивших правонарушения на территории Российской Федерации	188
Пузырев С. А. Миграционный кризис в Европе и его влияние на бюджетную политику Европейского союза	193

Пузырева Ю. В. Институты правовой помощи по уголовным делам: современные тенденции развития	200
Сидорьяк Н. В. Международно-правовые основы деятельности совместных следственно-оперативных групп на территории государств – участников Содружества Независимых Государств	204
Солнцев А. М., Букуру Ж.-Б. Некоторые аспекты взаимодействия международного уголовного суда и африканских государств	212
Стебенева К. И. Незаконный оборот медицинской продукции как угроза современному международному правопорядку.....	220
Угольников А. В. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (российский и зарубежный опыт)	225
Фадеев П. В. Проблемы реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при их экстрадиции.....	230
Федулов В. И. Механизм реализации постановлений Европейского Суда по правам человека в процессуальном законодательстве Российской Федерации	238
Халиуллин А. И. Международное сотрудничество в сфере противодействия киберпреступлениям: дилемма между свободным интернетом и государственным суверенитетом	242
Чувальникова А. С. Логика правового регулирования борьбы с преступностью	247
Шалягин Д. Д. Актуальные аспекты реализации Плана действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью на 2016–2020 годы в контексте Европейской Конвенции о выдаче 1957 года	253
Шленкова А. И. Международно-правовое регулирование сотрудничества по противодействию правонарушениям в спортивной сфере: проблемы понятийного аппарата	260
Шурухнова Д. Н. Взаимодействие в рамках СНГ по вопросам подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов	265

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**на открытии Международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы международного сотрудничества
в борьбе с преступностью», приуроченной к 60-летию
принятия европейской Конвенции о выдаче 1957 года
(18 октября 2017 г.)**

Приветствую участников международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью»!

Поводом для проведения нашего форума стал юбилей одного из знаковых международно-правовых актов в области противодействия преступности – Европейской Конвенции о выдаче, 60 лет тому назад предложенный к подписанию государствам – членам Совета Европы.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью за прошедшие десятилетия сделало колоссальный шаг вперед, а институт экстрадиции стал рутинным инструментом деятельности правоохранительных органов по всему миру. Сегодня мы готовимся обсудить большой круг проблем международного антикриминального взаимодействия, поэтому совершенно закономерно, что в нашей конференции принимают участие представители ключевых департаментов и управлений Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, ведущие эксперты, специализирующиеся на данной проблематике. Особо отмечу присутствие зарубежных гостей – представителей Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ и сотрудников правоохранительных органов иностранных

государств, обучающихся сейчас в российских вузах. В конференции также принимают участие представители академического сообщества, исследующие комплексные проблемы на стыке международного и уголовного права от таких вузов как Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Академия управления МВД России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский университет дружбы народов, а также профессорско-преподавательский состав, курсанты, слушатели и адъюнкты нашего Университета и его филиалов.

Позвольте пожелать успеха сегодняшней конференции, надеюсь, что ее результаты будут способствовать укреплению международного сотрудничества в борьбе с преступностью!

И. А. Калинин

начальник

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат педагогических наук, доцент,

генерал-лейтенант полиции

*Екатерина Сергеевна Алисиевич*¹,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры международного права,
Юридический факультет имени М. М. Сперанского,
Институт права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации

ВОПРОСЫ ЭКСТРАДИЦИИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская Конвенция 1950 г.), стороной которой Российская Федерация является с 5 мая 1998 г. [3], не содержит специальных положений о соблюдении прав человека при экстрадиции. Однако в ст. 5 Европейской Конвенции 1950 г. (право на свободу и личную неприкосновенность) в число установленных законом случаев лишения свободы включен законный арест или задержание лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче (п. «f»).

Подавляющее большинство жалоб на нарушение прав человека в связи с экстрадицией в практике Европейского Суда связаны со ст. 3 (запрет пыток) и ст. 5 Европейской Конвенции 1950 г.

Одна из первых жалоб на нарушение прав человека в случае экстрадиции была рассмотрена ЕСПЧ в 1989 году. В постановлении по делу «Серинг против Соединенного Королевства», Европейский Суд установил, что ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. будет нарушена в случае экстрадиции заявителя в США, поскольку существовал реальный риск того, что заявитель попадет в «камеру смертников» [10].

Дело «Серинг против Соединенного Королевства» примечательно не только тем, что открывает практику Европейского Суда по делам об экстрадиции, но и тем, что относится к группе дел о заявителях, которые в запрашивающем государстве могут быть приговорены к смертной казни. В основе правовых позиций ЕСПЧ по делам такого рода, равно как и по всем делам категории «соблюдение прав человека при экстрадиции и депортации» лежат критерии реальности риска для заявителя и предсказуемости таких последствий для экстрадирующего государства. При этом важно отметить, что ЕСПЧ также учитывает традиционные практики, существующие в запрашивающем государстве, в том числе основанные на религии. Так, в деле «Джабари против Турции» заявительни-

¹ © Алисиевич Е. С., 2018.

ца, гражданка Ирана, покинула Иран и скрылась в Турции, опасаясь смертной казни через забивание камнями или избиение плетью за супружескую измену – наказание согласно нормам шариата [11]. Европейский Суд констатировал нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. в случае депортации в Иран, сочтя риск вполне реальным.

Отдельную группу дел образуют дела о нарушении ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. после экстрадиции заявителя. К их числу относится дело «Гарабаев против России» [12]. ЕСПЧ признал нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. за бесчеловечные условия содержания под стражей заявителя, обвинявшегося в присвоении денежных средств, в Туркменистане после экстрадиции из России.

Среди дел о нарушении ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. в особую группу можно также выделить дела об экстрадиции лиц, обвиняемых в терроризме, членов незаконных организаций и политических оппозиционеров [13].

В деле «Искандаров против России» заявитель, один из бывших лидеров таджикской политической оппозиции, жаловался на незаконное задержание и высылку в Таджикистан, в результате чего он стал жертвой жестокого обращения и подвергся преследованиям за политические взгляды [14]. Европейский Суд констатировал нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г., указав, что хотя невозможно было установить, подвергся ли заявитель на самом деле жестокому обращению в Таджикистане, его биография позволяла властям Российской Федерации предвидеть, что заявитель может стать жертвой такого обращения в Таджикистане.

В деле о депортации оппозиционера и его семьи в Белоруссию Европейский Суд постановил, что по истечении времени опасность, которой заявитель и его семья могут подвергнуться в Белоруссии, не исчезла сама по себе, поскольку ситуация в запрашивающей стране остается нестабильной, особенно ввиду продолжающихся притеснений врагов режима [15].

Нарушение ст. 5 Европейской Конвенции 1950 г., как правило, имеет место в случае, когда для заявителя существует реальный и предсказуемый для экстрадирующего государства риск столкнуться с нарушением права на свободу и личную неприкосновенность в запрашивающем государстве. Однако в некоторых случаях нарушение ст. 5 Европейской Конвенции 1950 г. возникает по иным причинам.

13 июня 2017 г. ЕСПЧ вынес постановление по делу «Кашевой против России», где констатировал нарушение ст. 5 Европейской Конвенции

1950 г., поскольку суд не обозначил конкретный срок содержания под стражей заявителя, который полгода ожидал экстрадиции в Казахстан [16].

Реже в практике Европейского Суда по делам об экстрадиции поднимается вопрос о нарушении ст. 6 Европейской Конвенции 1950 г. (право на справедливое судебное разбирательство), например, если существует реальный риск того, что после исполнения решения об экстрадиции рассмотрение уголовного дела в запрашивающем государстве не будет соответствовать требованиям справедливости судебного разбирательства, как в деле «Муминов против Российской Федерации» [7].

В редких случаях заявители утверждали, что среди прочих нарушений стали жертвой нарушения ст. 8 Европейской Конвенции 1950 г. (право на уважение частной и семейной жизни). Примером такого дела может служить жалоба «Шакуров против России». ЕСПЧ рассматривал вопрос о том, будет ли нарушена ст. 8 Европейской Конвенции 1950 г. в случае экстрадиции заявителя, у которого в Российской Федерации уже сложилась семейная жизнь [17].

Анализ практики Европейского Суда по делам об экстрадиции свидетельствует о том, что в большинстве случаев речь идет о выдаче заявителей в государства, не входящие в состав Совета Европы, и, следовательно, не несущих обязательства по Европейской Конвенции 1950 г. В этой связи важное значение имеет позиция Европейского Суда, сформулированная в постановлении по делу «Серинг против Соединенного Королевства» в отношении ст. 1 Европейской Конвенции 1950 г., где четко определяется территориальная сфера действия этого договора. ЕСПЧ указал, что ст. 1 Европейской Конвенции 1950 г. не ограничивает право государств на экстрадицию, поскольку право выдавать или не выдавать обвиняемого или осужденного принадлежит каждому суверенному государству. Однако Европейский Суд признает, что государство может нести ответственность за нарушение обязательств по Европейской Конвенции 1950 г., то есть за нарушения прав человека, с которыми может столкнуться заявитель за пределами юрисдикции государства.

Таким образом, Европейский Суд уверенно ответил «да» на вопрос: может ли быть возложена на государство ответственность за принятие решения об экстрадиции лица, который может стать жертвой нарушения прав человека в запрашивающей стране, – и во всех последующих делах стремился установить: во-первых, имеются ли серьезные основания полагать, что заявитель реально рискует стать жертвой нарушения

прав человека и, во-вторых, являются ли в этой части предсказуемыми последствия выдачи заявителя для экстрадирующего государства.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» при принятии решения об экстрадиции реальность риска и предсказуемость неблагоприятных последствий для экстрадируемого, а равно депортируемого лица также должны учитываться [4] В пп. 12–14 Постановления со ссылкой на ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 3 Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания 1987 г. лицо не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто не только пыткам, но и иным видам жестокого обращения. В выдаче также может быть отказано, когда исключительные обстоятельства свидетельствуют о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния (ст. 9 УПК РФ, ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г.).

Запрашивающее государство, заинтересованное в выдаче обвиняемого (осужденного), часто предоставляет Европейскому Суду гарантии того, что права заявителя после экстрадиции не будут нарушены. В таких случаях ЕСПЧ выносит постановление с учетом того, насколько эти гарантии представляются ему убедительными.

В деле «Чахал против Соединенного Королевства» [18] ЕСПЧ решил, что активист сикхского сепаратистского движения после экстрадиции в Индию имеет все шансы стать жертвой жестокого обращения. При этом гарантии, предоставленные властями Индии, не убедили Европейский Суд, и ЕСПЧ признал нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г.

В деле «Байсаков и другие против Украины» о выдаче казахских оппозиционеров Казахстану Европейский Суд счел, что гарантии, предоставленные властями Казахстана не достаточно надежны. Кроме того, будет сложно проконтролировать их соблюдение властями Казахстана [9].

Рассматривая жалобы на нарушение прав человека в случае экстрадиции, ЕСПЧ часто обращается к докладам Специальных докладчи-

ков Совета ООН по правам человека, Комиссара СЕ по правам человека и иным авторитетным источникам.

В деле «Зохидов против России» [19] заявитель жаловался на то, что в случае его экстрадиции в Узбекистан он имеет все шансы пострадать от жестокого обращения в нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. Европейский Суд принял во внимание выводы международных организаций за 2002–2007 гг., свидетельствующие о тревожной ситуации с правами человека в Узбекистане. Более того, ЕСПЧ сравнил их с последующими докладами других международных организаций и пришел к выводу, что в Узбекистане существуют серьезные проблемы, связанных с жестоким обращением с задержанными. При этом, учитывая продолжительность такой неблагоприятной ситуации и отсутствие каких-либо положительных сдвигов в этом направлении, Европейский Суд пришел к выводу, что депортация заявителя в Узбекистан приведет к нарушению его прав по ст. 3 Европейской Конвенции.

Однако в некоторых случаях сам факт существования в запрашивающем государстве практики нарушения прав человека Европейский Суд не считает достаточным основанием для установления нарушения прав конкретного заявителя.

В делах «Камышев против Украины» [20] и «Пузан против Украины» [21] заявители утверждали, что в случае их выдачи в Беларусь, они подвергнутся жестокому обращению в нарушение ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г. Рассматривая данное дело, Европейский Суд обратился к докладам Специального докладчика ООН по вопросу о ситуации с правами человека в Беларуси, резолюции 1671 (2009) Парламентской ассамблеи Совета Европы о ситуации в Беларуси, отчетам *Amnesty International* за 2006 год и Международной Хельсинкской федерации по правам человека. Доклады свидетельствовали о том, что нарушения прав человека, в том числе существование ненадлежащих условий содержания лиц в следственных изоляторах и тюрьмах, в Беларуси носят системный характер. Европейский Суд постановил, что соответствующие международные документы доказывают позицию заявителей относительно существования серьезных проблем с правами человека в Беларуси. Однако указал на то, что общие ссылки заявителей на имеющиеся в государстве проблемы с соблюдением прав человека не являются достаточными основаниями для отказа в их экстрадиции.

Характерная черта дел о нарушении прав человека в случае экстрадиции – применение правила 39 Регламента Европейского Суда (Обеспечительные меры) [22]. В данном случае, обеспечительные меры, как

правило, состоят в запрете на экстрадицию заявителя на период рассмотрения жалобы в Европейском Суде. Важно подчеркнуть, что независимо от категории дел обеспечительные меры не определяют последующее решение ЕСПЧ относительно приемлемости или существа обращения. Сведения, которые заявитель или его представитель должен предоставить ЕСПЧ для применения Правила 39, определены в Практической инструкции «Ходатайства о принятии обеспечительных мер» [5].

Согласно Пленуму Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 в случае принятия Европейским Судом обеспечительных мер по жалобам против России, властям Российской Федерации необходимо воздерживаться от выдачи лица иностранному государству вплоть до отмены ЕСПЧ обеспечительных мер или вступления в силу постановления ЕСПЧ по существу дела, в связи с которым была применена соответствующая обеспечительная мера (п. 27).

Так, в деле «Кабулов против Украины» [8] заявитель – гражданин Казахстана подозревался в совершении убийства. В 2003 году он был арестован в Украине на основании международного ордера на арест. Заявитель обратился в Европейский Суд с просьбой принять обеспечительные меры, утверждая, что рискует подвергнуться жестокому обращению в период содержания под стражей в Казахстане. Рассматривая данное дело, ЕСПЧ обратился к докладам специальных процедур Совета ООН по правам человека, а также международных неправительственных организаций, включая *Amnesty International*, и при вынесении решения принял во внимание информацию об общих неудовлетворительных условиях содержания заключенных в казахстанских тюрьмах, а также случаях применения пыток. Европейский Суд указал, что заявитель не смог доказать, что лично он находится в опасности. Однако очевидно, что любой подозреваемый/обвиняемый в совершении преступления, содержащийся под стражей, подвергается серьезному риску пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, иногда без какой-либо цели или особенного намерения. В этой связи Европейский Суд указал, что сам факт задержания заявителя в качестве подозреваемого, как в данном случае, дает достаточные основания полагать, что для подозреваемого существует серьезный риск подвергнуться обращению, противоречащему ст. 3 Европейской Конвенции 1950 г.

Уважение прав и свобод человека – обязательное условие, которое должно соблюдаться при экстрадиции. Как справедливо отмечал Ян Брунли: «... выдача правомерна лишь в том случае, если при данных фак-

тических обстоятельствах она не представляет собой нарушения прав человека или в преступлениях против международного права...» [23].

Однако при экстрадиции эффективно обеспечить реализацию принципа уважения прав человека – одного из общепризнанных принципов международного права, иногда непросто. С одной стороны, государства связаны обязательствами по многосторонним и двусторонним международным договорам о сотрудничестве в области борьбы с преступностью, в том числе об оказании правовой помощи. К числу таких договоров можно отнести Европейскую Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., Европейскую Конвенцию о выдаче 1957 г., Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. и другие. С другой стороны, – обязательствами по международным договорам по правам человека, включая Европейскую Конвенцию 1950 г. Например, в процессе рассмотрения Европейским Судом жалоб против России, связанных с нарушением прав человека в случае экстрадиции заявителя в государства – члены СНГ, прежде всего, в Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Казахстан, Россия часто ссылается на свои обязательства по Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. [2].

Если Европейский Суд установит, что в случае экстрадиции государство нарушит свои обязательства по Европейской Конвенции 1950 г., заявитель не должен быть экстрадирован. Однако в этом случае государство может нарушить свои обязательства по международному договору о сотрудничестве в области борьбы с преступностью. Для Российской Федерации это актуальный вопрос, поскольку число жалоб против России от заявителей, ожидающих экстрадиции, для данной категории дел весьма значительно.

В этой связи важно отметить, что Европейский Суд, руководствуясь положениями Европейской Конвенции 1950 г. [1], отдает должное важной роли, которую играет экстрадиция в привлечении к ответственности обвиняемых в совершении преступлений или осужденных к лишению свободы, поэтому подходит к каждому делу индивидуально, учитывая личность заявителя, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, необходимость обеспечить защиту жертв преступлений и, наконец, реальность риска для заявителя столкнуться с нарушениями его прав в запрашивающем государстве.

Библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Защита прав человека в ЕСПЧ : практ. пособие / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич; под ред. А. Х. Абашидзе. – М. : Юрайт, 2017.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (07 октября 2002 г., г. Кишинев). URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=614> (дата обращения: 30.10.2017).
3. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Российская газета. – 1998. – 7 апр.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 г. Москва «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета. – 2012. – № 5814 (141). – 22 июня.
5. Практическая инструкция «Ходатайства о принятии обеспечительных мер» URL: http://www.echr.coe.int/Documents/PD_interim_measures_ENG.pdf (дата обращения: 30.10.2017).
6. Garabayev v. Russia // Judgment. – 2007. – June 7. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80960> (дата обращения: 30.10.2017).
7. Muminov v. Russia // Judgement. – 2008. – December 11. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90212> (дата обращения: 30.10.2017).
8. Kaboulov v. Ukraine // Judgment. – 2009. – November 11. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95771> (дата обращения: 30.10.2017).
9. Baysakov and others v. Ukraine // Judgment. – 2010. – February 18. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97437> (дата обращения: 30.10.2017).
10. Soering v United Kingdom // Judgment. – 1989. – July 7; 161 Eur. Ct. H. R. (ser. A) (1989).
11. Jabari v. Turkey // Judgment. – 2000. – July 11. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58900> (дата обращения: 30.10.2017).
12. Garabayev v. Russia // Judgment. – 2007. – June 7. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80960> (дата обращения: 30.10.2017).
13. Shamayev and others v. Russia // Judgment. – 2005. – April 12 ; Khaydarov v. Russia // Judgment. – 2010. – May 20; Khodzhayev v. Russia // 2010. – May 12.
14. Iskandarov v. Russia // Judgment. – 2010. – September 23. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100485> (дата обращения: 30.10.2017).

15. Y. P. and L. P. v. France // Judgment. – 2010. – September 1. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100306> (дата обращения: 30.10.2017).
16. Koshevoy v. Russia // 2017. – June 13. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174397> (дата обращения: 30.10.2017).
17. Shakurov v. Russia // Judgment. – 2012. – June 5. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-111177> (дата обращения: 30.10.2017).
18. Chahal v. United Kingdom // Judgment. – 1996. – November 15. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58004> (дата обращения: 30.10.2017).
19. Zokhidov v. Russia // 2013. – February 5. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116330> (дата обращения: 30.10.2017).
20. Kamyshev v. Ukraine // Judgment. – 2010. – May 20. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98784> (дата обращения: 30.10.2017).
21. Pusan v. Ukraine // Judgment. – 2010. – February 18. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97435> (дата обращения: 30.10.2017).
22. Регламент Европейского Суда по правам человека от 14 ноября 2016 г. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_ENG.pdf (дата обращения: 30.10.2017).
23. Броунли Я. Международное право. Кн. первая. – М. : Прогресс. – С. 448.

Ольга Сергеевна Алтунина¹,

студент 1 курса магистратуры
Дипломатической академии МИД России,
факультет Международные отношения и международное право

СЕПАРАТИЗМ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Сепаратизм сегодня является одной из наиболее актуальных угроз как для государств, так и для международной системы. Он подразумевает под собой стремления этнических меньшинств, регионов или отдельных групп населения выделиться из существующей политической системы и обрести государственную самостоятельность. Очень часто при исследовании вопросов, связанных с сепаратизмом, приходится сталкиваться с таким аспектом территориальной самоидентификации, как самоопределение. О непосредственной связи данных понятий говорить не приходится, так как сепаратизм выступает формой ложного трактования международного принципа права наций на самоопределение, закреплен-

¹ © Алтунина О. С., 2018.

ного во многих международно-правовых документах, в том числе и Уставе ООН. Несмотря на это, нет ни одного юридического документа, который мог бы стать основанием для каждого конкретного случая самоопределения. В современном мире вопрос о том, правомерно ли отделение территориальной единицы и его преобразование в самостоятельное государство, является риторическим. Большинство подобных проблем усугубляется еще и тем, что их разрешение длительное время ведется исключительно силами разрывающегося на части государства, так как это рассматривается как его внутренние дела и в этот момент вступает в силу принцип невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства. Обычно рассмотрение таких вопросов на международном уровне происходит, когда механизм отделения уже запущен и этот процесс не имеет обратного хода, а также в случае, если человеческих жертв избежать не удалось. Так случилось и в Алжире в 1950–1960-х годов, и в Анголе, война за независимость которой длилась почти три десятилетия, и в Южной Осетии и Абхазии в результате военных действий в 2008 году. На сегодняшний день это все еще актуально.

Сепаратизм часто связывают с такими понятиями, как экстремизм и терроризм. При этом, в официальных отраслевых документах (как, например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом) нередко утверждается, что все эти три явления не могут быть оправданы вне зависимости от каких-либо обстоятельств и мотивов [2], а в национальных законодательствах закрепляется уголовная ответственность за подобного рода деятельность. Но когда речь идет о практической невозможности разграничить понятия «сепаратизм» и «право на самоопределение», каким образом следует определять степень юридической ответственности за них? Разберем основные причины сепаратизма и самоопределения.

Одной из главных причин стремления народов отделиться от государства является непосредственно угроза существованию народа. Такая угроза наиболее характерна для процессов самоопределения, нежели для сепаратизма. Примером индпендистских настроений, вызванных именно вышеуказанной причиной, являются стремления к независимости Каталонии в период режима диктатуры Франко, особенно на раннем этапе его правления. Кроме того, эти настроения подогревались широкой культурной дискриминацией каталонцев вплоть до запрета использования каталанского языка и использования предметов национальной культуры. На сегодняшний же момент Каталонией движет скорее экономический

фактор в отношениях с Мадридом, что по понятным причинам расценивается последним как сепаратизм.

Явление экономического сепаратизма встречается в странах Европы чаще, но в большинстве случаев не повышает уровень напряженности в регионе. Исключениями на данный момент являются вышеупомянутое движение за независимость в Каталонии, а также ситуация в Шотландии, подхлестнувшаяся результатами референдума о *Brexit*. Кроме того, по экономическим причинам к сепаратизму тяготеют в частности провинции Венето, Ломбардия и Пьемонт (Италия), область Силезия (Польша), регион Фландрии (Бельгия), в меньшей степени земли Баварии (ФРГ). В основном это объясняется высоким уровнем экономического развития регионов и их вклада в государственную экономику при скромных бюджетных отчислениях со стороны государства. Иными словами, эти области отдают государству больше, нежели получают. Государства же становятся зависимыми от этих регионов, поэтому спокойнее идут на те или иные уступки в отношениях с ними. Однако, как говорилось ранее, ситуаций в Каталонии и Шотландии это не касается.

Отдельно следует упомянуть политические причины сепаратизма. Среди них недовольство правящим режимом или руководством государства, стремления отдельных лиц к власти (в данном контексте сепаратизм рассматривается как средство, а не как цель), стремление к расширению автономии региона и другие причины. Политические аспекты сепаратизма тесно переплетаются с экономикой, культурой и геополитикой, поэтому редко встречаются в качестве единственных причин.

Нередко выделяют также этнический и религиозный виды сепаратизма, которые сегодня обладают повышенными идеологизированностью и политизированностью [1]. На сегодняшний день в эпоху демократизации и толерантности говорить об угрозе жизни какому-либо этносу или представителям той или иной религии на европейском континенте не приходится. Поэтому этнические и религиозные причины сепаратизма в Европе чаще относят, как говорилось ранее, к политическим, а само движение за независимость в данном контексте расценивается как сепаратизм, а не самоопределение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что только реализация потребности в самосохранении и избежание угрозы жизни являются реальными причинами самоопределения. Однако, сегодня в Европе такой угрозы какой-либо части общества нет, поэтому чаще всего стремления к независимости квалифицируются как сепаратизм. У сепаратистских движений же основными являются экономические, политические, куль-

турные (включая этнические и религиозные) причины. Наиболее актуальны в европейском регионе сейчас ситуации в Каталонии и Шотландии, от разрешения которых зависит не только будущее развитие Испании и Великобритании соответственно, но и всей европейской системы в целом.

Библиографический список

1. Мамытов Т. Б. Этнический сепаратизм как угроза национальной безопасности // Известия вузов Кыргызстана. – 2016. – № 10. – С. 213–215.
2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 15 июня 2001 г. / Шанхайская организация сотрудничества // Сайт Министерства иностранных дел России. URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/579790 (дата обращения: 07.10.2017).

*Салават Курбангалиевич Бадамшин*¹,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской академии адвокатуры и нотариата

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

В п. 2 Декларации Организации Объединенных Наций о мерах по ликвидации международного терроризма [13] указано, что акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН и могут посягать на международный мир и безопасность, угрожать дружественным отношениям между государствами, создавать препятствия для международного сотрудничества, подрывать права человека, основные свободы и демократические основы общества. Данное положение обозначает повышенную общественную опасность и подчеркивает особенность объекта преступлений террористической направленности, который может включать в себя различные общественные отношения, в том числе и обеспечивающие мир и безопасность человечества. В таком случае эти деяния приобре-

¹ © Бадамшин С. К., 2018.

тают статус преступлений международного характера, причем это может быть любое посягательство данной группы, а не только нападения на учреждения и лиц, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ) (здесь и далее под УК РФ понимается Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г. (по состоянию на 1 октября 2017 г.), или акты международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Кроме того, последние две нормы, указаны наряду с другими статьями Особенной части УК РФ о преступлениях террористической направленности в диспозициях ч. 1 ст. 205¹, ч. 1 ст. 205³ и ч. 1 ст. 205⁴, а также в примечании 2 к ст. 205² этого Кодекса, что также подтверждает возможный международный характер противоправных деяний, связанных с содействием терроризму, прохождением обучения для участия в соответствующих посягательствах, организации террористического сообщества или террористической организации и участия в их деятельности.

Транснационализация и высокая организованность террористической деятельности, ее выход за пределы отдельно взятого или нескольких государств с распространением соответствующей криминальной активности и ее последствий в глобальных масштабах обуславливают необходимость формирования и постоянного совершенствования международного уровня предупреждения терроризма в целом и преступлений террористической направленности как его конкретных проявлений, в частности [6]. Именно на международном уровне должно формироваться концептуальное, стратегическое видение противодействия терроризму при взаимодействии максимального количества государств и учете новых способов совершения преступлений террористической направленности, в том числе с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Применительно к международному уровню предупреждения терроризма отметим, что понимание ООН и ее структурами глобализации и транснационализации данного негативного социально-правового явления в полной мере пришло после масштабной террористической атаки США, состоявшейся 11 сентября 2001 г.

Так, в Докладе Рабочей группы ООН по разработке политики по вопросу о роли данной Организации в связи с терроризмом от 31 июля 2002 г. [4], в частности, отмечалось, что грани между национальным и международным терроризмом стираются, поэтому система мер противодействия должна быть ориентированной на данное явление в целом. В этих целях членами данной Рабочей группы был выработан комплекс

практических предложений в следующих трех областях деятельности ООН: 1) сдерживание испытывающих недовольство групп от становления на путь терроризма; 2) лишение групп или отдельных лиц возможности совершать деяния террористической направленности; 3) поддержка широкого международного сотрудничества в борьбе с терроризмом на основе уважения прав человека и его основных свобод. Эти направления противодействия терроризму, преимущественно ориентированные на его предупреждения, можно признать элементами, составившими основу для построения соответствующей международной стратегии.

Выступая по поводу этого Доклада, Генеральный секретарь ООН [2] подчеркнул, что борьба с терроризмом соответствует интересам не только отдельных государств и различных межправительственных учреждений, но и гражданского населения на местном, национальном и глобальном уровнях. Также он назвал указанные выше направления трехсторонней стратегией противодействия терроризму, подготовленной Рабочей группой, и высказал одобрение относительно ее сущности и содержания.

Первая составляющая этой стратегии заключается в сдерживании потенциальных террористов посредством разработки и реализации эффективных норм, организации и осуществления активной кампании в области информирования общественности, обеспечения достижения и поддержания международного консенсуса в вопросах противодействия терроризму.

Как подчеркнул Генеральный секретарь ООН, сдерживание таких лиц и соответствующих групп одновременно не должно быть сопряжено с отступлениями от соблюдения основных прав и свобод человека, а также от обеспечения верховенства права. Поскольку проявления терроризма представляют собой наиболее опасные нарушения таких прав и свобод, поэтому обеспечение общественной безопасности за счет попрания прав человека изначально ущербно и ведет к возникновению указанных недовольных групп, которые с высокой долей вероятности могут встать на путь насилия или, по меньшей мере, будут одобрять действия террористов.

Второй элемент международной стратегии противодействия терроризму состоит в лишении потенциальных террористов возможности совершить планируемые общественно опасные деяния, что может быть, в частности, достигнуто посредством принятия комплекса мер, направленных на разоружение, разработку глобальных норм, ограничивающих применение и распространение оружия массового уничтожения, оказание технической поддержки тем странам, которые стремятся к пресече-

нию поставок оружия, финансовых средств и технологий террористическим сообществам и террористическим организациям.

Для обеспечения эффективности и устойчивости реализации данного направления стратегии необходимо, чтобы оно было основано не только на международном, но и на внутригосударственном праве [7]. При этом наряду с формированием и подписанием соответствующих международных договоров не менее важным направлением являются их согласованное, унифицированное применение и постоянный контроль за этой деятельностью.

С учетом возникновения и разрастания «Исламского государства» и других международных террористических организаций, предпринимающих попытки по захвату территорий отдельных регионов и даже целых стран и непрерывно увеличивающих частоту, дерзость и масштабность терактов и других преступлений террористической направленности, необходимо наращивать интернациональные меры по предупреждению последних, в том числе по предотвращению попадания в оборот оружия массового поражения и (или) его компонентов.

Не менее важным направлением международного предупреждения терроризма является борьба с подпитывающей его иной транснациональной организованной преступностью: с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, легализацией имущества, добытого криминальным путем, торговлей людьми, хищениями культурных ценностей и др. [8] Предупреждение и пресечение таких деяний необходимы для устранения или, по меньшей мере, минимизации источников и каналов финансирования террористической деятельности.

Третьим элементом рассматриваемой стратегии является международное сотрудничество в области противодействия терроризму, причем не только на широкой основе, но и с одновременными поощрением и поддержкой субрегиональных, региональных и глобальных организаций в целях объединения усилий в рамках общей, совместной деятельности по предупреждению террористических проявлений и борьбе с ними. Несмотря на значительные шаги в этом направлении, осуществленные под эгидой ООН, которые привели к созданию обширной международно-правовой базы, формированию структурных подразделений этой Организации и устойчивых связей между ними и национальными правоохрнительными органами сотрудничающих государств, в последние годы мы видим разрастание разногласий между последними, еще более актуализировавшихся в связи с геополитиче-

ским кризисом в Украине и борьбой с международными террористическими организациями, оккупировавшими Сирию и ряд других стран Ближнего Востока. Некоторые государства, которые, как казалось, должны были еще более сплотиться перед лицом международного терроризма, вопреки этим ожиданиям начали преследовать свои национальные или региональные интересы, рассматривая разрастание террористической активности крупных преступных объединений всего лишь как «сопутствующие издержки» в достижении крупных геополитических целей.

Изучение приведенной обобщенной стратегии, характеризующей международный (мировой) уровень противодействия терроризму, позволило нам сделать вывод о необходимости ее дополнения еще одним структурным элементом (направлением) – предупреждением формирования и распространения террористической и экстремистской идеологии. Если первая оправдывает террористическую деятельность, призывая к ней и вовлекая в нее, то вторая, экстремистская идеология, прежде всего, направлена на разжигание ненависти и вражды в обществе, зарождение и усиление в других людях соответствующих мотивов преступного поведения, доходящего в своей общественной опасности до убийств и терактов.

20 сентября 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН в форме резолюции была принята Глобальная контртеррористическая стратегия [10] с приложением к ней в виде Плана действий, что обозначило начало нового этапа международного противодействия терроризму. Впервые государства-члены ООН согласовали общий для них документ, направленный на формирование единого видения проблемы терроризма и унифицированного подхода к противодействию данному явлению.

Реализация компонентов Глобальной стратегии предполагает следующие направления деятельности сотрудничающих государств:

- 1) устранение условий, способствующих распространению терроризма;
- 2) пресечение и предотвращение терроризма;
- 3) укрепление национального потенциала в деле борьбы с терроризмом;
- 4) отстаивание принципов соблюдения прав человека и верховенства права в условиях борьбы с терроризмом.

Дальнейшие события в мире, связанные с терроризмом и противодействием данному негативному явлению, показали, что, несмотря на принятие Глобальной стратегии противодействия терроризму и пред-

принимаемые усилия по ее реализации на практике, показали отсутствие фактического восприятия положений данного международного документа рядом государств. Особенно заметной наметившаяся аномия данной Стратегии стала в последние три года, когда США, Канада и страны Евросоюза стали осуществлять экстенсивную санкционную политику в отношении России, нанеся тем самым непоправимый урон международному сотрудничеству в области противодействия терроризму.

Еще в 2013 г. специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и транснациональной организованной преступностью – А. В. Змеевский, выступая на специальном заседании Совета Безопасности ООН, посвященном формированию всеобъемлющего подхода к противодействию терроризму, особо отметил проблему, состоящую в отсутствии консолидированной позиции в этом Совете относительно осуждения терактов и других угроз в контексте сирийских событий, особенно в связи с наблюдающимся усилением там влияния в рядах оппозиции террористических структур, связанных с Аль-Каидой [1].

В условиях осложнения международных отношений и разобщенности ведущих стран мира по ключевым вопросам обеспечения глобальной безопасности все возрастающее значение имеет региональное сотрудничество между государствами, сохраняющими заинтересованность в согласовании усилий в противодействии терроризму и экстремизму [12]. Для Российской Федерации такие возможности в наибольшей степени имеются во взаимоотношениях с государствами-участниками (членами) СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС.

Так, в 2005 г. решением глав государств-участников СНГ была принята Концепция сотрудничества данных стран в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма [11], где, в частности, было подчеркнуто, что главным центром регулирования международных отношений является и должна продолжать оставаться Организация Объединенных Наций, под эгидой которой и на прочном фундаменте международного права мировому сообществу необходимо сформировать и реализовывать глобальную стратегию противодействия новым вызовам и угрозам.

В утвержденных Президентом Российской Федерации Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности [9] выделяется такое направление государственной политики России по формированию механизмов междуна-

родного сотрудничества в сфере противодействия угрозам использования информационных и коммуникационных технологий в террористических целях, как развитие сотрудничества с государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества, государствами – участниками СНГ и БРИКС, государствами – членами ОДКБ, способствующего предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию актов деструктивного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры, минимизации последствий реализации таких актов, а также противодействию использованию информационно-телекоммуникационных сетей в целях пропаганды терроризма и вовлечения в террористическую деятельность новых сторонников.

Вместе с тем, не умаляя значимость сотрудничества в рамках указанных и других межгосударственных объединений, все же подчеркнем, что именно за ООН должна сохраняться функция международного стратегического планирования и координации усилий государств-членов в области противодействия наиболее опасным проявлениям транснациональной преступности, в том числе терроризму.

В ООН необходимо и далее поддерживать интересы сотрудничества с международными партнерами в противодействии терроризму, содействовать достижению единства их целей и действий, обращать особое внимание на необходимость осуществлять урегулирование политических разногласий и давних конфликтов, обуславливающих поддержку терроризма и террористической деятельности на определенных территориях. Посредством упреждения и разрешения таких конфликтов возможно лишить участников террористических сообществ и организаций возможности оправдывать свои действия какими бы то ни было праведными целями, находить убежище в какой-либо стране.

Существующую сегодня Глобальную контртеррористическую стратегию целесообразно рассматривать как документ, на основе и в развитие которого может быть сформирована международная стратегия предупреждения терроризма, акцентирующая внимание именно на превентивной деятельности и создающая предпосылки для формирования единых подходов к определению причин и условий терроризма, а также к методам их устранения или минимизации.

Ключевым элементом международной стратегии предупреждения терроризма, от которого в первую очередь зависит эффективность ее практической реализации, должно быть именно сотрудничество государств-членов ООН, причем не только и даже не столько по уголовным делам, сколько при формировании комплекса мер, направленных на уст-

ранение детерминирующих факторов, в первую очередь тех, что обуславливают транснационализацию террористической деятельности.

Библиографический список

1. Амиров А. Э. Принципы глобальной контртеррористической стратегии ООН: проблемы реализации на современном этапе // Юридический мир. – 2015. – № 7. – С. 62–67.

2. Выступление Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2002/pv4618.shtml (дата обращения: 15.10.2017).

3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 9 декабря 1994 г. Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право : т. 3. – М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90–94.

4. Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом от 31 июля 2002 года. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/25099294/> (дата обращения: 12.10.2017).

5. Иванцов С. В. Использование международного опыта в системе контроля организованной преступности // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2010. – № 6. – С. 100.

6. Иванцов С. В. Основные тенденции российской организованной преступности XXI в. // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 83–86.

7. Иванцов С. В. Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности // Безопасность бизнеса. – 2017. – № 2. – С. 51–55.

8. Иванцов С. В. Правовые проблемы контроля над организованной преступностью: международный опыт // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 3. – С. 10.

9. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом Российской Федерации 24.07.2013 г. № Пр-1753) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 20 сентября 2006 г. «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных наций» // Официальный сайт ООН. URL:

<http://www.unodc.org/pdf/terrorism/Index/60-288ru.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).

11. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (принято в г. Казани 26 августа 2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федоров А. В., Сергеев Д. Н. Глобальный терроризм: национальные и международные возможности противодействия // Российский следователь. – 2017. – № 14. – С. 49–53.

13. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 9 декабря 1994 г. Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 3. – М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90–94.

Наталья Николаевна Башлуева¹,

доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных
дисциплин Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ ПРОТИВ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ НЕ ИМЕЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Основными источниками международных норм в области прав человека являются: договоры и конвенции, а так же общее международное право. К таким источникам относятся:

- 1) Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека;
- 2) Африканская Хартия прав человека и народа;
- 3) Американская Конвенция о правах человека;
- 4) Международный Пакт о гражданских и политических правах;
- 5) Американская Декларация прав и обязанностей человека;
- 6) Общая Декларация прав человека.

В последние годы участились случаи детской безнадзорности и жестокого обращения с детьми. Часто мы узнаем, сколько детей и подростков за закрытыми дверями страдают от насилия и произвола взрослых. Уверенность, что мы не должны закрывать наши сердца пе-

¹ © Башлуева Н. Н., 2018.

ред этой страшной проблемой не покидает как обычных равнодушных людей, так и служащих полиции, которые наиболее часто встречаются с подобными ситуациями. Преобразования, которые осуществляются в России, в последние годы обострили многие проблемы, в том числе и социальные. К их числу, несомненно, можно отнести и проблему роста насилия в различных его формах, в том числе и насилие в семье. Согласно статистике МВД, 40 % тяжких преступлений совершаются в семье над женщинами. В 70 % случаев от насилия страдают женщины и дети. Более 50 тысяч детей уходят из дома, спасаясь от собственных родителей. В 1,7 раза возросло число случаев умерщвления грудных младенцев матерями. Проблема насилия в семье отражает дисгармонию и перекосы, существующие во взаимоотношениях в обществе. Ее острота свидетельствует о нездоровой социально-нравственной обстановке в нашем обществе.

Внутри государств также есть свои нормативно-правовые акты, направленные на защиту жертв бытового насилия. Рассмотрим список нормативно-правовых актов, которые действуют в нашей стране:

1) Конституция Российской Федерации. В ст. 2 заявлено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В ст. 21 говорится о том, что достоинство личности охраняется государством, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность;

2) Семейный кодекс Российской Федерации ст. 56, в которой говорится, о том, что ребенок имеет право на защиту своих прав и интересов, кроме того, ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений, в том числе и со стороны родителей;

3) Уголовный кодекс Российской Федерации ст.ст. 134, 135. В этих статьях говорится об уголовной ответственности за половое сношение с лицом, не достигшим совершеннолетия, а так же за развратные действия с несовершеннолетним. К уголовной ответственности может быть также привлечен родитель, вовлекающий своего ребенка в систематическое употребление спиртных напитков, наркотиков, занятием проституцией, бродяжничеством, попрошайничеством. Кроме того в Уголовном кодексе установлена ответственность родителей и иных лиц, обязанных осуществлять надзор за детьми, за неисполнение или

ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей, если это сопряжено с жестоким отношением с детьми (ст. 156 УК РФ).

Ужесточена ответственность за умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан независимо от места совершения этих преступлений и наличия или отсутствия родства между преступником и жертвой. Однако нормативно-правовые акты, действующие сейчас в Российской Федерации в отношении домашнего насилия, направлены на ликвидацию последствий случившегося. К сожалению специальных законодательных актов, которые бы регулировали проблему насилия в семье, в нашей стране на данный момент не существуют. Из выше перечисленного можно сделать вывод, что права женщин и детей, подвергшихся бытовому насилию, документально защищены и на том и на другом уровнях общества. А вот соблюдаются ли эти конвенции в реальности – вопрос спорный. Проблема в том, что жертв насилия в семье становится не на много, но больше, что подтверждается результатом опроса по пункту «Знаете ли Вы женщину, которая становилась жертвой домашнего насилия в любой форме, в кругу Ваших друзей и родственников?». Результаты исследования показывают, что уровень роста домашнего насилия по сравнению с 2010 годом в странах ЕС поднялся к 2017 году до 6 процентов.

Реакция государства на насилие, как вне дома, так и в пределах семьи является знаковой – государство, допускающее насилие, которое воспринимается, как обыденность, тем самым разлагает и общество, и семью. Терпимость общества ко всякому роду насилия – это, по сути, отказ от создания современного цивилизованного общества. Мы привыкли видеть в средствах массовой информации, на телевидение и в кино, разного рода насилие. Так 4 августа 2015 года в Нижегородской области больной психикой отец многодетной семьи убил жестоким образом жену, свою мать и шестерых детей дошкольного возраста. Однако это не стало неожиданностью для их окружения. Все вокруг наблюдали тяжелую ситуацию в семье, жестокость отца по отношению к жене и детям. Но представители МВД и социальной опеки не предприняли никаких действий, чтобы предотвратить трагедию. Проблема насилия в семье является общенациональной. Поэтому нужно использовать любой положительный опыт для решения этой международной проблемы. Существуют следующие формы домашнего насилия: а) физическое (побои, другие формы причинения телесных повреждений); б) психологическое (словесное оскорбление, угрозы, унижения и т. п.); в) экономическое (за-

прещение поступить на работу или принуждение оставить работу, полный контроль за расходами женщины); г) сексуальное (навязанный сексуальный контакт). Что подразумевается под «домашним насилием» немецкими коллегами? Сотрудники Координационного центра Берлина «*Interventionsprojekte*» «против насилия в семье» определяют домашнее насилие как форму насилия на гендерной основе: «Термин насилие в семье включает в себя формы физического, сексуального, психологического, социального и эмоционального насилия, происходящие между взрослыми людьми, которые находятся или находились в тесной связи друг с другом. Это, прежде всего взрослые люди в брачных и внебрачных отношениях, а также другие семейные узы. Как свидетельствует опыт немецких коллег домашнее насилие в семье почти исключительно практикуется мужчинами в отношении женщин и детей. Это связано, как полагают немецкие коллеги со структурным балансом власти между мужчинами и женщинами. Дети женщин, подвергшихся насилию, относятся к детям, которые стали свидетелями неоднократных серьезных психологических или физических действий, насильственного характера в отношении своей матери. Термин «домашнее насилие» является точным переводом английского выражения «*domestic violence*», которое достаточно часто в течение некоторого времени встречается в англо-американской исследовательской литературе. Этот термин имеет свои преимущества и недостатки. Он справедливо критикуется за не конкретность, в отношении кого производится насилие, насилие в отношении женщин или детей. Термин не дает точной информации кто является виновниками и кто жертвами насилия в целом. Термин «*domestic violence*», а в немецком языке «*hausliche Gewalt*» имеет большое преимущество в том, что достигается консенсус для многих органов и учреждений, где не приняты бы условия, которые ранее использовались для уточнения природы насилия «насилие в отношении детей» или «насилие в отношении женщин», а также для термина «гендерного насилия». Данный термин имеет преимущество, называя насилие насилием, и представляет собой значительный шаг вперед во многих сферах деятельности и учреждениях, где до сих пор использовались обычные термины, такие как «семейных споры» или «супружеские проблемы», которые возможно заведомо отрицают насилие. Таким образом, например, крупным достижением, является что в земле Берлин (Германия) в законе о полиции больше не употребляются термины «семейный спор» и другие, но присутствует общий термин «домашнее насилие». Это также наделяет полицию полномочия-

ми вмешаться в данную ситуацию, так как присутствует фактор насилия. В ситуации «семейных споров» для работы полиции нет оснований.

Декларация прав ребенка гласит, что «ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью. На обществе и на органах публичной власти должна лежать обязанность осуществлять особую заботу о детях, не имеющих семьи, и о детях, не имеющих достаточных средств к существованию. Ребенок и мать – это уже семья. Защита их интересов в семье осуществляется путем многих механизмов. Часто интересы матери и ребенка совпадают, и рассматривать их отдельно не всегда оправданно, т. к. в период беременности и в первые годы жизни основным «интересом» ребенка представляется мать, а для добросовестной материи интересы ребенка являют первостепенными. Что же может сделать государство, общество и система МВД для защиты интересов матери и ребенка в случае насилия в семье в любых его проявлениях?

Опыт немецких коллег показывает, что в Германии широко используются женские приюты и убежища, организованные для поддержки пострадавших от мужчин женщин и детей в семье. Женщины здесь в положении жертвы насилия. Отправная точка – положение женщины / матери, которая должна будет принять новое решение для новой жизни. Полиция играет огромную роль в данном процессе. Нужно обязательно выявить факты существования домашнего насилия. И в этой связи население должно воспринимать полицию как друга и защитника. В Германии эта задача пропаганды положительной деятельности полиции успешно решается. Население играет активную роль в поддержании общественного порядка. Программа организации приютов для женщин решает проблемы и их детей. Женщина находится в тяжелом психическом состоянии. Служащие женских приютов берут на себя ответственность за их детей, оказывают психологическую помощь детям, пережившим факт насилия над их матерью, сопровождают детей в школу и помогают в выполнении домашних заданий. Ограниченные финансовые ресурсы сокращают объем помощи детям во многих женских приютах до размеров почасового ухода за детьми и помощи в учебе. Для кропотливой индивидуальной работы с детьми, о своем негативном опыте насилия в семье, для конкретных последовательных действий часто не хватает ре-

сурсов. Сосредоточение внимания на насилие в отношении женщин может привести к недостатку внимания к насилию в отношении детей. Защита детей, находящихся в эпицентре скандалов взрослых является широким полем деятельности для полиции в целом и для общественных организаций, работающих над этой проблемой. Тем не менее, дети попадают в еще более напряженную ситуацию. Матери подвергаются насилию со стороны своих партнеров, так дети до 90 % случаев, присутствуют во время насилия или в соседней комнате могут видеть или слышать происходящее. Кроме того, жестокое обращение матери, подвергающейся насилию, может привести к ее неадекватному отношению к детям, что можно квалифицировать как жестокое обращение с детьми. Таким образом, недавние исследования в Германии, посвященные данной теме, позволяют сделать вывод, что поддержка женщин и детей с целью защиты является одним общим делом.

Многие матери боятся сообщать о насилии в отношении себя или детей, так как опасаются, что могут быть лишены родительских прав или прав на опеку над детьми. В женских приютах мать может находиться с ребенком. Однако для детей мужского пола существует возрастной предел. И мальчики могут быть перенаправлены в другие социальные учреждения. Эмпирические результаты ясно указывают на необходимость сотрудничества полиции и всевозможных общественных организаций. Если родительские навыки у женщины в ее текущем состоянии из-за жестокого обращения, изменены или каким – то образом утеряны, то нужно помочь ей в этой тяжелой ситуации. Это упускается из виду, что злоупотребление и унижение имеют глубокое влияние на эмоции и поведение женщин по отношению к своим детям и их самооценку, как мать. Эти последствия не являются необратимыми. Появляются новые или пересмотренные законы. В настоящее время разработан закон, который закрепляет обязанность родителей или опекунов на отказ от насилия в воспитании детей. Все земли в Германии признают права для детей как для взрослого человека. Дети были в прошлом группой населения, против которых могло быть использовано насилие в процессе воспитания. Еще одно изменение было обсуждено законодателями наряду с принятием особенного закона о защите женщин и детей от насилия *Gewalt-schutzgesetz*, которое способствует тому, что женщины получают альтернативу бежать, скрываться от насилия партнера. Конкретные проблемы и динамика насилия в отношении женщин и детей в бытовом секторе признается законом. Это также приносит неоценимую пользу.

В Германии должны быть созданы возможности для серьезного сотрудничества полиции, населения, женских приютов, консультационных центров, молодежных служб, семейных судов, центров защиты детей, консультационных центров семьи. В краткосрочной перспективе составляется список предложений и конкретных действий для детей, в семьях которых происходит насилие в семье и которые вынуждены спасаться бегством в женских приютах. Все дети или подростки, которые приходят в приют вместе с матерью, должны получать подробную информацию от сотрудников приюта, где они и почему они здесь. Кроме того, они должны быть отделены от матери и опрошены специалистами о переживаниях, которые они испытали о возможных просьбах и пожеланиях. Детям должны быть даны разъяснения, нужны ли им какие-либо меры защиты, и если да, они иницируются с последующим сообщением в организацию по защите несовершеннолетних. По возможности будут разработаны со всеми девочками и мальчиками планы их собственной безопасности. Необходимо уточнить для детей, что они могут делать и как они могут защитить себя, если они попадают в ситуации насилия снова. Если дети вынуждены находиться в приюте чуть дольше времени следует уточнить, где они могут получить помощь и поддержку в долгосрочной перспективе и контакт с соответствующими органами защиты. В Германии существуют исследования, которые касаются гендерного влияния. Девочки, когда они вырастают и идентифицируют себя с матерью, считают домашнее насилие обычной ситуацией в семье, или вообще не представляют себе нормальной семейной жизни. А мальчики, несмотря на негативный детский опыт, позже даже используют насилие как средство построения семейных отношений. Как показывают результаты исследования существует непосредственная связь между опытом детства и собственного агрессивного поведения.

Всеобщая Декларация прав человека (1948 г.) В которой говорится, что все люди имеют право на жизнь без насилия, Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека. К актам, касающимся прав женщин и детей, относятся: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин, в которой сказано, что достижение полного равенства прав мужчин и женщин необходимая задача государства, и оно должно всеми имеющимися в распоряжении способами изменять традиционную роль мужчин и женщин.

Государство имеет право вмешаться во внутреннюю жизнь семье и брать на себя функции защиты. Когда семья превращается в источник эксплуатации и злоупотреблений. Международная Конвенция о защите

прав ребенка, Это первый официально утвержденный международный документ, включающий полный перечень прав человека: гражданские и политические права ребенка наряду с экономическими, социальными правами, что подчеркивают их важность в равной степени. Конвенция о правах ребенка была единогласно одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года.

В России основные права человека, в том числе женщин и детей, отражены в Конституции Российской Федерации, Семейном кодексе Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе «О гарантиях основных прав ребенка в Российской Федерации»

Однако нормативно-правовые акты действующие сейчас в Российской Федерации в отношении насилия над женщинами и детьми (в том числе домашнего насилия) направлены на ликвидацию последствий случившегося.

К сожалению специальных законодательных актов, которые бы регулировали насилие в семье, на данный момент не существуют. Здесь и присутствует проблема для осуществления защитной функции полиции. Необходимо навести порядок в этой законодательной области. Для нормализации деятельности полиции необходима законодательная поддержка и неравнодушие населения.

Библиографический список

1. Prof. Dr. Barbara Kavemann, Projekt WiBIG – Wissenschaftliche Begleitung Interventionsprojekte gegen häusliche Gewalt, Universität Osnabrück, Kottbusser Damm 79, 10967 Berlin. Email: wibig.berlin@web.de, Internet: www.wibig.uni-osnabrueck.de.

2. Eine ähnliche Fassung dieses Textes wurde veröffentlicht in der Fachzeitschrift KINDESMISSHANDLUNG UND – VERNACHLÄSSIGUNG, DGgKV, 2000 Jahrgang 3 Heft 2, S. 106–120.

3. Prof. Dr. Barbara Kavemann, Projekt WiBIG – Wissenschaftliche Begleitung Interventionsprojekte gegen häusliche Gewalt, Universität Osnabrück, Kottbusser Damm 79, 10967 Berlin.

Елена Олеговна Бондарь¹,

доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПОЛИЦЕЙСКИХ ВЕДОМСТВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Усиление сотрудничества России и ЕС по противодействию преступности должно стать одним из приоритетных направлений их отношений в ситуации, когда международные преступные группировки создали широкую разветвленную сеть криминальной активности по всему миру.

Важной задачей Евросоюза после расширения стало именно распространение пространства свободы, безопасности и правосудия на Россию [1].

Современные державы стремятся к построению цивилизованного общества, базирующегося на осуществлении прав и свобод человека, обеспечении правопорядка и социальной безопасности, о чем свидетельствует содержание международных и национальных правовых предписаний, в также характер межгосударственных отношений. Полиция играет немаловажную роль в достижении указанной цели как структура, выполняющая правоохранительную и правообеспечительную функции.

Особенно ярко проявляется в деятельности правоохранительных органов проблема гарантированности прав человека, являющаяся одной из первостепенных для современного общества [2]. Объясняется это, с одной стороны, тем, что полиция представляет собой организацию, призванную защищать права человека либо содействовать их восстановлению. То есть полиция приступает к осуществлению своих функций тогда, когда возникает проблема с обеспечением прав и свобод человека: они либо уже нарушены, либо находятся под угрозой. С другой стороны, сами же правоохранительные органы в процессе реализации своих полномочий рискуют стать тем субъектом, который может каким-либо образом посягнуть на права и свободы человека.

В настоящее время все большее распространение получает проблема распространения транснациональной организованной преступности, а существующие различия в национальных системах подготовки полицей-

¹ © Бондарь Е. О., 2018.

ских кадров и осуществления ими своей деятельности значительно осложняют межгосударственное сотрудничество в борьбе с данным явлением и требуют наличия единых международных стандартов в сфере правоохранительной деятельности [3].

Деятельность полиции в государствах с различными политико-правовыми режимами, безусловно, трактуется по-разному. Так, например, в правовом, демократическом государстве полиция действует в другом, более гуманном качестве, и ее репрессивная и карательная функции, по большей части, уступают задачам обеспечения правопорядка и общественной безопасности, предупреждения и борьбы с преступностью,

Обеспечить нормальную реализацию прав и свобод человека и гражданина возможно только в условиях справедливого демократического правопорядка, одним из основных элементов которого должна быть безопасность всех сфер деятельности человека и гражданина. Безопасность не может существовать без обеспечения прав [4].

Национальные интересы России можно реализовать лишь во взаимодействии с другими государствами.

Во внешней политике Россия выступает за создание эффективных механизмов для коллективного противодействия любым актам агрессии и международного беззакония.

Российский подход к борьбе с международной организованной преступностью однозначен. Он соответствует выраженному в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности определению.

Следует отметить, что транснациональная организованная преступность имеет двойственную природу – социально-политическую и собственную правовую.

Первое заключается в том, что транснациональная организованная преступность – это порождение противоречий современного общества, затрагивающее все слои – от низших социальных групп и слоев до политической и властной элиты. Поэтому в борьбе с транснациональной организованной преступностью Россия, вероятнее всего, предполагает активно использовать все ресурсы (административные, кадровые, материальные, информационные, военные и т. д.).

Второе заключается в том, что транснациональная организованная преступность – это явление, с которым борются правовыми средствами, в силу чего это явление с необходимостью включается в орбиту правового регулирования, правовых запретов и юридической ответственности.

И Россия идет именно в этом направлении, подчеркивая еще раз остроту угрозы в КВП РФ [5].

КВП РФ отмечает зарождение новых вызовов и угроз национальным интересам России. Они связаны с тенденцией к росту международного терроризма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия. Ответом на эти вызовы должно быть формирование нового миропорядка, основанного на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений. Российская Федерация, проводящая самостоятельную и конструктивную внешнюю политику, выступает надежным партнером в международных отношениях. Ее политика основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме. Она максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений.

Среди основных задач Концепции постулируется обеспечение безопасности страны и ее суверенитета, создание благоприятных условий для устойчивого роста, упрочение роли России как «одного из влиятельных центров современного мира», а также продвижение курса на укрепление международного сотрудничества.

В концепции отмечается, что текущая ситуация в мире продолжает усложняться: появляются новые криминальные центры силы, аккумулирующие значительные ресурсы и последовательно расширяющие сферы своего влияния, в том числе путем проникновения во властные структуры различных государств, финансовые и экономические институты, установления связей с террористическими и экстремистскими организациями. В связи с этим, представляется целесообразным, что в международных отношениях повышается роль фактора силы (причем не только военной, но и «мягкой»). И именно инструменты «мягкой силы, в дополнение к традиционным дипломатическим методам, становятся неотъемлемой составляющей современной международной политики для решения различных внешнеполитических задач, в том числе и связанных с ограничением влияния и распространения транснациональной организованной преступности.

Также в Концепции отмечается, что проводимый США и их союзниками курс на сдерживание России противоречит возрастающей в современных условиях гибкости в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам. И это может привести к несогласованности действий государств в момент реально возникшей угрозы, на-

пример, из-за распространения транснациональной организованной преступности.

По информации НЦБ Интерпола, Россия продолжает достаточно активно сотрудничать с рядом европейских стран, несмотря на проводимую со стороны ЕС политику санкций, в сфере противодействия угрозам со стороны транснациональных организованных групп, осуществляя, допустим, экстрадицию разыскиваемых национальными правоохранными органами лиц. Среди них особо выделяют Германию и Испанию. И это позволяет России на двустороннем уровне оперативно решать возникающие задачи, связанные и с распространением транснациональной организованной преступности, и с установлением связей с террористическими и экстремистскими организациями. Ведь эффективно бороться с преступностью, «не знающей границ», возможно сегодня только путем объединения усилий.

Итак, полиция в современном государстве позиционируется как активный агент профессиональной компании, решающий как вопросы социальных причин преступности, предупреждения преступности, так отвечая на запросы, ожидания и заявления граждан.

Деятельность полиции многих стран проводится в тесном сотрудничестве. Немаловажным направлением международного сотрудничества является разработка эффективной стратегии и тактики борьбы с преступностью.

Международные организации в формировании норм обычного права могут быть разделены на два типа: организации как субъекты международного права и как коллективные органы, когда организация приняла резолюции, выражающие мнение государств-членов или даже международного сообщества государств в целом.

Европейское полицейское бюро – центр для обмена информацией между государствами-членами по анализу проблем преступности. Европол не имеет полномочий исполнительного органа, в его задачи входит поддержка национальных полицейских органов путем выработки единообразных в рамках Европы концепций полицейской деятельности, постановки задач и оказание поддержки в осуществлении оперативных мероприятий [6].

Но, в настоящее время, все-таки основной организацией полицейского сотрудничества является Интерпол. Россия принимает активное участие в его работе с 1990 г. И основной целью деятельности Интерпола является развитие взаимного сотрудничества между полицейскими организациями отдельных стран. Данная организация служит в настоящее

время единственной международной системой связи, способной покрыть глобальный масштаб преступлений [7].

Интерпол оказывает содействие в раскрытии многих преступлений, но основная масса контактов в системе Интерпола касается тех, которые связанных с проблемой наркотиков. Отметим, что развитие свободной торговли и снятие ограничений на передвижение лишь увеличивают угрозу организованной преступности, и требуется принятие скоординированных мер государствами, которые будут направлены на борьбу с этой угрозой [8].

Важным субъектом международного сотрудничества в борьбе с преступностью является Россия. В настоящее время налажены эффективные двусторонние контакты МВД России с Аргентиной, Болгарией, Великобританией, Испанией, Канадой, а также со странами бывшего Советского Союза.

Проблема международного сотрудничества в борьбе с преступностью ставит вопросы международного правового регулирования правоохранительной деятельности, международного расследования преступлений, подготовки квалифицированных кадров для борьбы с транснациональной преступностью.

Основными характеристиками свободного общества являются соблюдение права человека в целом, и человеческого достоинства, в частности, поэтому обучение полиции во всех государствах должно строиться на нормах и ценностях защиты прав человека.

Обмен опытом и совместное обучение полицейских смогут многое сделать для того, чтобы минимизировать те негативные последствия, которые могут наступить в результате резкого увеличения миграции населения, например, вызванного расширением мобильности человеческих ресурсов.

Также, абсолютно неотъемлемой стороной деятельности полиции является обеспечение предотвращения случаев дискриминации различных видов меньшинств, что тесно связано с вопросами защиты прав человека и предупреждением расовой дискриминации.

Полиция является той, наиболее заметной частью правоохранительной системы, которая должна быть абсолютно беспристрастной для всех, независимо от социального статуса и происхождения, цвета кожи и вероисповедования, и т. д.

Посредством образования и положительного примера воспитывать лидеров, вот что является важнейшей задачей полицейских структур на всех уровнях. Сотрудникам должны прививаться такие качества, как:

инициатива, умение принимать самостоятельные решения и др. Важным условием эффективности работы любого сотрудника является его высокая исполнительность.

Постоянные профессиональная социализация, повышение уровня правосознания и профессиональной культуры сотрудников, вот что представляется действительно важным в работе правоохранительных органов. Изучение организации и деятельности полиции таких стран, как, например, Испания, имеет не только теоретическое, но и практическое значение с точки зрения реализации деятельности ОВД России[9]. Ведь именно в рамках международного сотрудничества и происходит взаимный обмен опытом, что и предполагает применение в дальнейшем на практике тех положительных моментов, которые были получены в ходе проведения либо совместных мероприятий между полициями разных стран, либо в результате зарубежных командировок для изучения опыта работы полиции соответствующего государства.

И это представляется особенно важным на фоне проводимой в России реформы правоохранительных органов, основная цель которой – это выведение их на новый рубеж развития, а контакты с иностранными полициями определенно могут дать положительные результаты и в раскрытии конкретных преступлений, и при обмене научно-технической и иной информацией, и при внедрении отдельных технических новшеств, и при совместной разработке международных нормативных документов.

Библиографический список

1. Потемкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. – М. : Гриф и К, 2011. – С. 290–291.
2. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. – М., 2011. – С. 224–239.
3. Руденко В. В. Европейские стандарты полицейской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : МосУ МВД России, 2013. – С. 1.
4. Карташкин В. А. Международная защита прав человека. – М., 1976. – С. 8–18.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 года // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1033095/#ixzz4Ta8Wtz5V>.
6. Горшенева И. А. Полиция в механизме современного государства: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

7. Горшенева И. А. Некоторые направления развития полицейской деятельности на современном этапе (из опыта западной полицейстики) // Милиция / полиция третьего тысячелетия : материалы научно-практической конференции (15–16 мая 2001 г., г. Смоленск). Вып. II / под общ. ред. А. А. Стрельникова. – Смоленск, 2001.

8. Зарубежный опыт организации подготовки полицейских кадров и работа полиции : сборник статей. – СПб., 1999.

9. Тутуков А. Ю. Некоторые направления по совершенствованию взаимодействия ОВД РФ и полицейских ведомств зарубежных стран на современном этапе // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15. – С. 28–30.

Сергей Викторович Борисов¹,

профессор кафедры уголовного права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, доцент,

Аркадий Викторович Жеребченко²,

доцент кафедры уголовного права Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, НАПРАВЛЕННЫМ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ

Экстремизм и его проявления, основанные на национальной, расовой, религиозной, а также иной ненависти и вражде (преступления экстремистской направленности), являются общемировой проблемой, требующей согласованного и даже унифицированного подхода сотрудничающих государств [4]. Применительно к Российской Федерации отметим, что преступления экстремистской направленности характеризуются положительной динамикой с тенденцией к дальнейшему росту их числа и совокупной общественной опасности. Так, в 2015 г. за преступления экстремистской направленности были осуждены 588 лиц по основной квалификации и 148 лиц – по дополнительной, что в совокупности на

¹ © Борисов С. В., 2018.

² © Жеребченко А. В., 2018.

45,4 % превысило тот же показатель 2014 г., когда за те же преступления были осуждены 456 лиц по основной квалификации и 50 лиц – по дополнительной. В 2016 г. число осужденных за такие преступления незначительно уменьшилось: по основной квалификации было осуждено 523, а по дополнительной – 146 лиц.

Наибольший рост наблюдается применительно к преступлениям, предусмотренным статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»: в 2011 г. по основной и дополнительной квалификации было осуждено 149 лиц, в 2012 г. – 148, в 2013 г. – 218, в 2014 г. – 301, в 2015 г. – 444 и в 2016 г. – 502 лица. В первом полугодии 2017 г. по данной уголовно-правовой норме уже осуждено 250 лиц [11].

Для многих стран Европы 2015 и 2016 годы прошли в контексте миграционного кризиса, роста экстремисткой и террористической опасности, повышения влияния радикальных организаций. Рост экстремистских настроений сопровождался углублением неравноправного положения беженцев и иммигрантов. При этом наблюдаются высокий уровень общественного антисемитизма и исламофобии, имеющий место на протяжении многих лет, а также многократные случаи так называемого институционального расизма в государственных, в том числе правоохранительных, органах. Можно утверждать, что современное европейское общество находится в процессе этнического, религиозного и расового расслоения, происходящего на фоне разрастания межкультурных противоречий [10].

Несомненно, что международно-правовое сотрудничество в части формирования и применения законодательства об ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и другие преступные проявления экстремизма играет ключевую роль для развития национальных правовых систем по противодействию этим социально-правовым явлениям.

Не вызывает возражений позиция А. И. Рарога, считающего, что «взаимодействие российского законодательства с международным уголовным правом осуществляется, во-первых, путем расширения в Уголовном кодексе Российской Федерации перечня составов преступлений за счет норм, имеющих международно-правовое происхождение, а во-вторых, путем уточнения норм российского уголовного законодательства и приведения их в соответствие с нормами международного уголовного права» [14].

Считаем важным остановиться на основных положениях международно-правовых норм, определяющих общие подходы правового воздействия на проявления ненависти и вражды между различными социальными группами и их представителями. Здесь, в первую очередь, стоит выделить Всеобщую декларацию прав человека, принятую на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г. [15] Преамбула Всеобщей декларации прав человека содержит, например, такие основополагающие положения:

1) признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;

2) создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей;

3) признание необходимости содействия развитию дружественных отношений между народами;

4) провозглашение Всеобщей декларации прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов ООН, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Основная часть Всеобщей декларации прав человека указывает на необходимость учета при формировании и применении национального законодательства, связанного с противодействием экстремистской деятельности, следующих общепризнанных международных правил [1].

1. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1).

2. «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (абз. 1 ст. 2).

3. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации» (ст. 7).

4. «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» (ст. 18).

5. «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19).

6. «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены» (ст. 28).

Всеобщая декларация прав человека получила свою конкретизацию в Международном пакте о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) [16], среди норм которого для противодействия экстремизму наибольшее значение приобрела ч. 2 ст. 20, изложенная в следующей редакции: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». Причем призыв к запрещению указанных видов деятельности в данной статье приравнен к запрету всякой пропаганды войны.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [17] явилась продолжением реализации положений Всеобщей декларации прав человека с целью «обеспечить всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашенных в ней прав».

Данная Конвенция содержит следующие положения относительно области противодействия проявлениям ненависти и вражды в обществе.

Во-первых, в ст. 9 Конвенции провозглашено право на свободу мысли, совести и религии. При этом отмечается, что «свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного по-

рядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Во-вторых, ст. 10 Конвенции провозглашает право каждого свободно выражать свое мнение, в том числе свободно придерживаться своего мнения, свободно получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей. Вместе с тем, осуществление данных свобод «может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» (СПС «КонсультантПлюс»), в продолжение темы противодействия экстремизму, содержит следующие общие положения.

1. «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь религию или убеждения по своему выбору» (ч. 2 ст. 1).

2. «Никто не должен подвергаться дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц» (ч. 1 ст. 2). При этом «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений» раскрывается как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод» (ч. 2 ст. 2).

3. «Дискриминация людей на основе религии или убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности и отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и осуждается как нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами» (ст. 3).

4. «Все государства должны принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убе-

ждений в признании, осуществлении и реализации прав человека и основных свобод во всех областях гражданской, экономической, политической, социальной и культурной жизни» (ч. 1 ст. 4).

5. «Все государства прилагают все усилия по принятию или отмене законодательства, когда это необходимо, для запрещения любой подобной дискриминации, а также для принятия всех соответствующих мер по борьбе против нетерпимости на основе религии или иных убеждений в данной области» (ч. 2 ст. 4).

Аналогичные положения содержится в Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) (СПС «КонсультантПлюс»):

1) «всякая теория превосходства, основанного на расовом различии, в научном отношении ложна, в моральном – предосудительна и в социальном – несправедлива и опасна и что не может быть оправдания для расовой дискриминации, где бы то ни было, ни в теории, ни на практике» (абз. 7 Преамбулы);

2) «дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов, а также гармоничного существования лиц даже внутри одного и того же государства» (абз. 8 Преамбулы);

3) «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» (ч. 1 ст. 1);

4) «каждое государство-участник обязуется не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, осуществляемую какими бы то ни было лицами или организациями» (п. «b» ч. 1 ст. 2);

5) «каждое государство-участник должно, используя все надлежащие средства, в том числе и законодательные меры, в зависимости от обстоятельств, запретить расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец» (п. «с» ч. 1 ст. 2);

6) «объявляет караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты

насилия или подстрекательства к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование» (п. «а» ст. 4);

7) признает «противозаконным и запрещает организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом» (п. «b» ст. 4).

На наш взгляд, правильному пониманию объекта преступлений экстремистской направленности может служить международно-правовое определение терпимости [3], сформулированное в ст. 4 Декларации принципов терпимости [7], изложенной в следующей редакции:

«1.1. Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

1.2. Терпимость – это не уступка, снисхождение или потворство. Терпимость – это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

1.3. Терпимость – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека.

1.4. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и

ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим».

Применение национального уголовного законодательства об ответственности за экстремистскую деятельность также должно учитывать следующие положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации (СПС «КонсультантПлюс»).

1. «Плюралистическая демократия и свобода политической дискуссии требуют, чтобы общество получало информацию по всем вопросам жизни общества, что предполагает право средств массовой информации распространять негативную информацию и критические мнения о политических деятелях и государственных должностных лицах, а также право общества знакомиться с ними».

2. «Государство, правительство и любые другие институты исполнительной, законодательной и судебной власти могут подвергаться критике в средствах массовой информации. В связи с их господствующим положением, эти институты не должны быть защищены посредством уголовного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причем, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она должна применяться в ограниченной степени, чтобы никоим образом не ущемлять свободу критики. Лица, представляющие эти институты, сохраняют право на индивидуальную защиту».

3. «Политические деятели решили заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в средствах массовой информации то, как они выполняли или выполняют свои обязанности».

4. «Государственные должностные лица должны согласиться стать объектом общественного контроля и критики, в частности посредством средств массовой информации, в отношении того, как они исполняют или исполняли свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».

5. «Юмор и сатира ... допускают высокую степень преувеличения, даже провокации, при условии, что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела».

Положения данной Декларации нашли свое отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массо-

вой информации» [18] и «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [19].

В последние годы влияние на развитие уголовного законодательства Российской Федерации стали оказывать нормы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, относящиеся к региональному международному праву [5].

Так, международно-правовое определение экстремизма дается в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, где указано следующее: «экстремизм» – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [20].

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что понятие экстремизма в национальном законодательстве должно включать либо существенные и уникальные признаки, позволяющие выделить соответствующие им уголовно наказуемые деяния, либо (и) содержать указание на конкретные наименования преступлений и (или) статей Особенной части УК РФ.

При этом в ч. 2 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом подчеркивается, что «настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье». То есть в российском законодательстве понятие экстремизма (экстремистской деятельности) может быть более широким по содержанию и объему.

Можно не согласиться с точкой зрения ученых, считающих, что понятие экстремизма, приводимое в Шанхайской конвенции, указывает на насилие как на основной кримиобразующий признак данного явления, без которого состав преступного экстремизма отсутствует [6]. Как было отмечено ранее, Шанхайская конвенция не ограничивает участвующие в ней страны, в том числе и Россию, в возможности рассматривать экстремизм как более широкое явление, а значит, насилие может и не являться его неотъемлемым кримиобразующим признаком.

На тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 32-9 от 14 мая 2009 г.) был принят Модельный закон о противодействии экстремизму [21], устанавливающий «основные принципы противодействия экстремизму, правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также ответственность за ее осуществление».

Отметим, что в ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму (Далее – Модельный закон) понятия экстремистской деятельности и экстремизма не только не используются как синонимы, но еще и разделены между собой.

Так, под экстремизмом в Модельном законе понимается «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения». Экстремистская же деятельность рассматривается в основном за счет определения объема этого понятия, а именно как «деятельность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации, физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий», направленных на совершение деяний, перечисленных в ст. 1 Модельного закона.

Полагаем, что решение о разделении понятий экстремизма и экстремистской деятельности было принято с учетом сходной позиции относительно терроризма и террористической деятельности. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует забывать о том, что экстремизм, как, впрочем, и терроризм, представляет собой социально-правовое явление, в котором первооснову составляет именно деятельность, проявляемая в социуме [8]. Поэтому экстремизм и экстремистскую деятельность целесообразно рассматривать в качестве синонимичных понятий, что позволит избежать еще большей путаницы в теории и практике противодействия соответствующему явлению. Представляется необходимым в определении экстремистской деятельности (экстремизма) указать как объем данного понятия, так и его содержание, а не прибегать к искусственному разделению одного и того же явления на две составляющие.

Модельный закон относит к экстремистской деятельности деяния, имеющие следующую направленность:

– на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности и суверенитета государства;

- публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;
- разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека (социальной группы) по признаку его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, должностных лиц указанных органов, комиссий, объединений или организаций, совершенное с применением насилия либо угрозой его применения, а равно применение насилия либо угроза его применения в отношении близких указанных должностных лиц в целях воспрепятствования законной деятельности этих должностных лиц или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за ее осуществление;
- совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;
- пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и

материально-технической базы, телефонной, факсимильной и других видов связи, а также оказания информационных услуг.

Представляется, что своеобразным прообразом, основой для данного Модельного закона послужил Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». При этом, по нашему мнению, при разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, существовавшие в России и других странах-участницах СНГ относительно противодействия экстремизму [2]. К таким сложностям, в частности, до настоящего времени относятся: 1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма; 2) отсутствие нормативно определенных критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий; 3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний.

В качестве вывода необходимо отметить, что проблема экстремизма (экстремистской деятельности) давно вышла за пределы государственных границ и приобрела международный характер. Это обстоятельство, безусловно, требует большой сплоченности по борьбе с проявлениями национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды, а равно другими формами нетерпимости. На уровне международных актов, декларирующих недопустимость экстремистских проявлений, существует достаточная правовая база для выстраивания национальных уголовно-правовых линий борьбы с этим социальным злом. Фундаментальным аспектом здесь выступают наличие единства в международном признании проблем ксенофобии и нетерпимости, а также готовность стран цивилизованного мира на основе национальных законодательств противостоять экстремизму всеми доступными средствами, в том числе путем выстраивания единообразного подхода к установлению и реализации мер уголовной ответственности за соответствующие деяния.

Библиографический список

1. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2012. С. 107.

2. Борисов С. В. Проблемы формирования международно-правовых понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – № 2. – С. 58.

3. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С. В. Борисов. – М. : Юриспруденция, 2015. С. 144.

4. Брунер Р. А., Борисов С. В. Международно-правовое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) // Современное право. – 2013. – № 9. – С. 119–122.

5. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учебное пособие / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова; отв. ред. В. С. Комиссаров. – М. : Городец, 2009. С. 37.

6. Гречухин М. А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М. : Международный юридический институт, 2011. С. 446–450.

7. Декларация принципов терпимости (утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.) // Официальный сайт ООН. Раздел «Декларации». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 28.10.2017 г.).

8. Иванцов С. В. Криминологическая обоснованность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал, 2015. С. 368–374.

9. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 2009. – № 44.

10. Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе в 2015 году. – М. : Эдитус, 2016. С. 4.

11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Данные судебной статистики». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 26.10.2017 г.).

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 2010. – 18 июня.

13. Постановление Пленума Верховного Суда российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о

преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

14. Рарог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции. – М., 2006. С. 3.

15. Российская газета. – 1998. – 10 дек.

16. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 1994. – № 12.

17. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.

18. Абзац 4 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 2010. – 18 июня.

19. Абзац 3 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

20. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 41, ст. 3947.

21. Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 2009. – № 44.

22. Иванцов С. В. Оценочные признаки организованных форм преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 3. – С. 57–58.

23. Иванцов С. В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 62–65.

Илья Викторович Ботвин¹,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического институт МВД России
кандидат юридических наук

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НЕКОТОРЫХ СТРАН
СОВЕТА ЕВРОПЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫЕ ПУТЕМ ОБМАНА
ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ**

Исследование вопросов, связанных с уголовной ответственностью за преступления против собственности, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием, в законодательстве стран Совета Европы вызывает интерес, поскольку для оказания правовой помощи по уголовным делам рассматриваемой направленности необходима криминализация таких деяний законодательством запрашивающей и запрашиваемой стороны. Европейская Конвенция о выдаче 1957 года закрепляет в качестве одного из условий ее применения – установление ответственности в виде лишения свободы в отношении преступлений, по которым осуществляется выдача. Соответственно в целях развития международно-правового сотрудничества государств в борьбе с рассматриваемыми видами преступлений, совершенствования механизмов оказания правовой помощи по уголовным делам необходима унификация законодательства государств – участников Конвенции в части криминализации преступлений с условиями, предусмотренными в Конвенции. Проведенное исследование позволит определить перспективы унификации законодательства, а также совершенствования норм, закрепленных в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ).

Возможности Интернет-пространства уже давно вывели имущественные преступления против собственности с национального на международный уровень, в связи с чем, нередко встает вопрос о выдаче иностранного преступника. Всемирная сеть Интернет уже много лет выступает платформой для совершения преступлений террористической и экстремистской направленностей, деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, незаконных манипуляций с денежными средствами на счетах банков и плательщиков, в том числе хищений путем обмана или злоупотребления доверием.

¹ © Ботвин И. В., 2018.

В отечественном уголовном законодательстве ответственности за преступления против собственности, совершаемым путем обмана или злоупотребления доверием посвящено две статьи: ст. 159 УК РФ «Мошенничество» и ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Для целей настоящего исследования будет проведен сравнительно-правовой анализ ряда стран Совета Европы и Российской Федерации. Предметом исследования последовательно будут выступать уголовное законодательство Германии, Швейцарии, Франции, Испании.

Итак, в законодательстве Германии не содержится отдельного состава, предусматривающего ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, однако закреплена норма о мошенничестве, которая имеет большое сходство с отечественной дефиницией. УК Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ), помимо составов мошенничества выделяет три самостоятельных состава, посвященных злоупотреблению доверием, а именно: §§ 266, 266a, 266b УК ФРГ [1]. Согласно этим нормам подлежит уголовной ответственности лицо, которое злоупотребляет предоставленным законом предписанием властей либо полномочием по сделке распоряжаться чужим имуществом. Признается злоупотреблением доверием и возложение таких действий на другое лицо или нарушение возложенной на лицо законом, предписанием властей либо по сделке или доверительными отношениями обязанности соблюдать интересы чужого имущества, если этим причиняется ущерб лицу, имущественные интересы которого уполномоченное лицо должно защищать.

Подробное рассмотрение указанных составов показало, что преступное злоупотребление доверием (§ 266) выступает в качестве самостоятельного уголовно наказуемого деяния. Так, подлежат уголовной ответственности действия лица, которое злоупотребляет предоставленными ему по закону, властному предписанию или по сделке правами по распоряжению чужим имуществом или нарушает обязанности по соблюдению чужих имущественных интересов, возложенных на него по тем же основаниям либо в силу доверительных отношений [2]. Злоупотребление доверием считалось отдельным преступлением и в российском законодательстве дореволюционного периода. Это объясняется тем, что большинство положений были заимствовано из германского закона и к настоящему времени претерпели значительные изменения.

В силу положений § 266 УК ФРГ ответственность наступает при условии причинения ущерба лицу, чьи интересы виновный должен был

защищать, при этом вина должна быть в форме прямого умысла, что объединяет данный состав с российским пониманием причинения имущественного ущерба.

В ходе анализа уголовного законодательства Германии также установлено, что состав мошенничества включает в себя большое количество признаков причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в российском понимании данного преступления. Так, в соответствии с § 263 УК ФРГ уголовная ответственность наступает в отношении лица, которое «с намерением доставить себе или третьему лицу противоправную имущественную выгоду причинит ущерб имуществу другого путем введения его в заблуждение или поддержания в нем заблуждения, выдавая ложные факты за истинные, или искажая, или скрывая истинные факты» (т. е. причинит с корыстной целью путем обмана имущественный ущерб) [3]. Таким образом, схожесть состава преступления, предусмотренного § 263 УК ФРГ, с преступлением, охраняемым ст. 165 УК РФ, налицо. Кроме того, следует отметить детальную законодательную регламентацию ответственности за рассматриваемые преступления в нормах УК ФРГ.

Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. не содержит понятия «злоупотребление доверием» вовсе. Тем не менее, помимо общей нормы о мошенничестве (ст. 146), определяющей, что обман может состоять в утверждении фактов или их сокрытии либо обманном укреплении заблуждения потерпевшего, существует три специальных нормы о различных злоупотреблениях [4].

В соответствии со ст. 147 УК Швейцарии «Мошенническое злоупотребление с установкой для обработки данных» уголовно наказуемым признается деяние того, кто с целью незаконно обогатиться самому или обогатить другого путем неправильного, неполного или неправомерного использования данных либо подобным образом воздействует на процесс обработки или передачи данных, тем самым обеспечивает отсрочку для наступления имущественного вреда другому или непосредственно скрывает срок наступления имущественного вреда. В данном случае швейцарский законодатель выделяет отдельный способ злоупотребления доверием — с установкой для обработки данных. Эти положения, скорее, можно отнести к отдельному виду мошенничества, нежели к причинению имущественного ущерба путем злоупотребления доверием. В данном случае можно провести аналогию данного преступления и с преступлениями, предусмотренными ст. 159-6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» и ст. 165 УК РФ, однако отдельно на по-

добный способ российский законодатель акцента не делает в силу сложившейся в нашей стране специфики.

Еще один состав злоупотребления расположен в ст. 148 УК Швейцарии. Он устанавливает уголовную ответственность за деяния неплатежеспособного (или не желающего платить) и использующего предоставленную лицом, составившим документ, чековую либо кредитную карту или иной платежный документ такого же вида, чтобы получить имущественную стоимость услуги и таким образом нанести имущественный вред лицу, составившему документ.

Французский законодатель, по аналогии с ранее рассмотренными, предусмотрел норму о мошенничестве, однако не выделил отдельной нормы об ответственности за причинения ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в понимании российского законодателя. При этом состав мошенничества охватывает преступные деяния, которые по квалификации по ст. 165 УК РФ, поскольку представляет собой обман физического или юридического лица путем использования вымышленного имени, вымышленной должности либо путем использования обманных действий с тем, чтобы побудить лицо в ущерб себе или третьим лицам передать денежные средства, ценности или какое-либо имущество, оказать услугу или предоставить какой-либо документ, содержащий обязательство или освобождение от обязательства. Данное определение, несомненно, следует оценить с положительной стороны, поскольку в нем достаточно подробно определены способы совершения противоправного деяния, круг потерпевших лиц, а также цели совершения преступления.

Представляет интерес выделение во французском уголовном праве таких деяний, как мошенническое злоупотребление и мошеннический обман, которые неизвестны российскому уголовному праву [5]. Мошенническое злоупотребление представляет собой использование состояния невежества, малолетства, психической неполноценности другого лица с целью его принуждения к какому-либо действию или бездействию, которые для него очень невыгодны. В данном случае основное отличие мошеннического злоупотребления от мошенничества заключается в особой уязвимости жертвы преступления.

Понятие обмана закреплено в ст. 313-5 УК Франции. Согласно указанной норме мошенническим обманом признаются действия лица, которое, зная, что оно абсолютно не в состоянии заплатить или решив не платить, тем не менее, требует:

- подать себе напитки или пищевые продукты в ресторане или кафе;

- предоставить себе и действительно занимает одну или несколько комнат в заведении, сдающем комнаты внаем (например, в гостинице), если срок проживания не превысил 10 дней;
- обслужить себя горючим или смазочными маслами, которыми ему заполняют рабочие емкости автомобиля;
- везти себя в такси [6].

Таким образом, по уголовному законодательству Франции случаи причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием охватываются составом мошенничества, предусмотренным ст. 313 УК Франции. При этом законодатель выделил широкий перечень способов совершения рассматриваемого преступления, что позволяет охватывать все случаи мошеннических действий и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Принятый в 1995 г. испанский Уголовный кодекс в разделе «Преступления против собственности и социально-экономического порядка» содержит главу VI под названием «Об обманном присвоении чужого имущества» [7]. В указанной главе располагаются составы мошенничества, незаконного обмана, связанного с электричеством и другими элементами необоснованного присвоения. Полагаем, что данными составами охватывается причинение ущерба как преступление, предусмотренное российским уголовным законодательством.

Согласно ст. 248 УК Испании мошенничество совершают лица, которые с целью наживы, используя обман, достаточный для возникновения заблуждения у лица, побуждают его совершить действия по распоряжению имуществом во вред самому себе или другим лицам. Также закон называет мошенниками лиц, которые с целью наживы добиваются неправомерной передачи наличного имущества, манипулируя информацией или используя иную подобную уловку (ч. 2 ст. 248) [7].

В целях сравнения с российским уголовным правом особый интерес представляет незаконное использование электроэнергии, газа, воды, телекоммуникаций и т. п., которое при причинении ущерба стоимостью свыше трехсот евро считается преступлением (ст. 255 УК Испании), если при этом использовался обманный механизм, либо умышленно искажались показатели приборов, либо использовались иные незаконные способы. В российском уголовном законодательстве все эти признаки полностью охватываются ст. 165 УК РФ.

Преступный обман нашел свое отражение и в других статьях Уголовного кодекса Испании. Например, в ст. 438 раздела «Преступления против государственной власти» сказано о мошенничестве и незакон-

ном присвоении, совершенных должностным лицом или государственным служащим, злоупотребляющим своими полномочиями. Кроме того, в ст. ст. 436, 437 говорится и о других случаях обмана и незаконного обложения, совершенных указанными субъектами. В этих статьях тоже присутствует определенная схожесть с уголовно наказуемыми в России деяниями, которые также квалифицируются по ст. 165 УК РФ, если деяния не образуют преступлений, предусмотренных ст.ст. 201 и 285 УК РФ [8].

Таким образом, в законодательстве Испании также не нашлось нормы об ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Рассматриваемое деяние поглощается составом мошенничества, а частный случай, выражающийся в обманных действиях по присвоению электрической и других видов энергии, предусмотрен в отдельной статье.

Итак, на основе проведенного анализа законодательства, можно сделать вывод о том, что в исследуемых странах Совета Европы детально регламентированы нормы о мошенничестве, понятие и признаки которого гораздо шире российской дефиниции. Для уголовно-правового законодательства рассмотренных стран характерно поглощение причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием составом мошенничества, поскольку последнее по своим признакам охватывает оба преступления. Анализ исследованных положений применительно к условиям российского законодательства свидетельствует о возможности их использования в уголовном законодательстве нашей страны в порядке внесения изменений в действующий Уголовный кодекс. Кроме того, результаты проведенного анализа могут способствовать унификации законодательства в вопросах выдачи лиц, совершивших преступные деяния, в соответствии с Европейской Конвенцией о выдаче 1957 года.

Библиографический список

1. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / под ред. А. И. Рапога. – М. : Проспект, 2010. – С. 149–153.
2. Маслов В. А. К вопросу о сущности обмана и злоупотребления доверием как способах совершения мошенничества в отечественном и зарубежном законодательстве // Адвокат. – 2013. – № 8. – С. 50–54.
3. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. – М. : Проспект, 2009. – С. 193.

4. Уголовный кодекс Швейцарии (в ред. от 01 января 2017 г.). URL: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19370083/index.html> (дата обращения: 01.10.2017).

5. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. – М. : Проспект, 2009. – С. 161.

6. Уголовный кодекс Франции (в ред. от 01 июня 2017 г.). URL: http://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovnyj_kodeks_francii/2012-04-10-129 (дата обращения: 01.10.2017).

7. Уголовный кодекс Испании (в ред. от 20 марта 2017 г.). URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923> (дата обращения: 01.10.2017).

8. Зенкин А. Н. «Откат» с государственного или муниципального заказа и его уголовно-правовая квалификация // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 29–31.

Глеб Николаевич Василенко¹,

заместитель начальника кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Финансово-контрольная деятельность на сегодняшний день является одним из наиболее важных направлений государственной и международной политики. Это, в том числе, связано с необходимостью консолидации усилий европейских государств в противодействии международной преступности и, в первую очередь, терроризму. В указанной сфере государства-члены Союза решили делегировать часть своих суверенных прав центральным органам ЕС с целью более эффективного решения общих проблем.

Однако, для осуществления эффективного финансового контроля на межгосударственном уровне, на уровне взаимодействия, необходимо четкое понимание устройства внутренних финансово-контрольных механизмов государств и сообществ, их правовой регламентации, каждым из числа участников этого процесса.

¹ © Василенко Г. Н., 2018.

Важно отметить, что на сегодняшний день фактически отсутствует правовая основа для взаимодействия России и ЕС по вопросам финансово-контрольной деятельности.

Финансовая деятельность государства и муниципальных образований, в свою очередь, выступает как важная и необходимая составная часть механизма социального управления. Это выражается в том, что аккумулированные финансовые ресурсы направляются в отрасли экономики, социальную и другие сферы с учетом приоритетности финансируемых мероприятий на данном этапе.

Осуществление эффективной финансовой деятельности государства является фактором, необходимым для проведения справедливой социальной политики, которая в условиях перехода к рыночной экономике требует устранения таких негативных проявлений, как нестабильность материального положения граждан, значительный разрыв в уровнях дохода, угроза безработицы и т. д.

Посредством финансовой деятельности создается материальная основа, необходимая для функционирования органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, обеспечения обороноспособности и безопасности страны [4].

Политика нашего государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции России). Финансовая политика, являясь частью общей политики нашей страны, в конечном итоге преследует те же продекларированные в Конституции цели, но в силу своего специфического предназначения, имеет более узкие и четкие границы и направлена, прежде всего, на устранение главных причин инфляции, нейтрализацию ее разрушительного влияния на экономику и благосостояние людей, предотвращение гиперинфляции. Для реализации этой политики предусматривается как прямое государственное управление в форме прямой финансовой поддержки, выделения средств на определенные планы и программы, так и косвенное:

- установление налоговых и иных льгот для развивающихся отраслей;
- повышение налогов для монополистов;
- введение таможенных пошлин на импорт;
- признание приоритетности малого бизнеса;
- получение инвестиций;
- предоставление отсрочек по платежам;
- использование низких процентных ставок по кредитам и др.

В последнее десятилетие, в связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями появились суждения, которые сводятся к тому, чтобы убрать государственные регуляторы из экономической сферы. Эта негативная оценка роли государственного управления зиждется на ошибочном мнении о том, что рынок – явление самодостаточное, способное самостоятельно регулировать отношения, возникающие в обществе.

К счастью, существует иное мнение по этому вопросу, причем не только российских ученых, но и ученых других стран. Так, американец Р. Клитгаард отмечал, что эффективный рынок не создается сам собой, а является, в частности, продуктом или результатом разумного законодательства, государственной политики. «Успех рыночных реформ, – считает он, – в решающей степени зависит от государственного управления [3].

Таким образом, не преследуя дискуссионной цели по данной проблеме, скажем лишь, что государственное управление в России, в том числе и финансами, на современном этапе приобретает все большее значение. Это связано с переходным периодом в нашей экономике, с тем, что новые особенности в государственном устройстве повлияли на расширение круга субъектов финансового права, изменение их прав, обязанностей и ответственности. Все это, безусловно, потребовало расширения правовых основ государственного управления финансами.

В настоящее время разработаны и действуют Налоговый, Бюджетный и Таможенный кодексы Таможенного союза, значительное число Федеральных Законов, назовем лишь некоторые из них: «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6], «О бухгалтерском учете» [7], «Об аудиторской деятельности», а также подзаконные акты, например Указ Президент Российской Федерации «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» [8] и многие другие.

Правовую основу финансовой деятельности государства составляют также правовые акты субъектов Российской Федерации, изданные в пределах их полномочий, Программы Правительства Российской Федерации по стабилизации экономики и финансов, различные правовые акты министерств и ведомств в области финансов и инструкции по осуществлению финансовых операций.

Финансовая деятельность России на современном этапе характеризуется наличием экономического сотрудничества со странами СНГ, а также развитием международных и внешнеэкономических связей с другими

государствами и сообществами, в том числе, конечно же, с ЕС. Россия исходит при этом из задач укрепления равноправных и взаимовыгодных экономических отношений с этими государствами и сообществами развития интеграционных отношений с ними. Внешнеэкономические связи осуществляют также субъекты Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных им Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством, а также договорами между федеральными органами власти и субъектами Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [9] устанавливает общий порядок координации этих связей.

Финансовый контроль в России представляет собой достаточно сложную правовую систему, включающую в себя многочисленные взаимосвязанные элементы. Одним из основных элементов является система органов, осуществляющих контроль на государственном уровне. Именно через анализ правовой регламентации их финансово-контрольной деятельности можно прийти к общему пониманию этой проблемы и составить мотивированное заключение о состоянии и качестве правового регулирования финансового контроля в Российской Федерации.

Функции финансового контроля выполняют комитеты и комиссии, созданные Советом Федерации и Государственной Думой. К ним относятся: Комитет по бюджету и налогам, банкам и финансам, Комитет по кредитным организациям и финансовым рынкам Государственной думы; Комитет Совета Федерации по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию, банковской деятельности. Формой финансового контроля является также заслушивание на заседаниях представительных органов соответствующих вопросов. Для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом (ч. 5 ст. 101 Конституции Российской Федерации).

Проблемы финансового контроля в современной действительности занимают ключевое место. Поэтому исследование вопросов организации финансового контроля с точки зрения правового положения контролирующих органов является весьма своевременным.

В нынешних условиях существуют факторы, ограничивающие ответственность государственного финансового контроля в Российской Федерации, а значит и затрудняющие развитие сотрудничества в указанной сфере с иностранными партнерами, в том числе, государствами-

членами Европейского Союза и наднациональными контрольными структурами ЕС. Основные из них заключаются в том, что в настоящее время в России:

- отсутствует четкая и полная нормативно-правовая база и собственно само определение государственного финансового контроля в федеральном законодательстве;
- организационная структура органов государственного финансового контроля недостаточно отражает специфику государственного устройства Российской Федерации;
- законодательно не определены статус органов государственного финансового контроля Российской Федерации и ее регионов, место и роль каждого субъекта государственного финансового контроля в его целостной системе;
- отсутствует четкое разграничение сфер деятельности, что вызывает многочисленные коллизии и перекладывание ответственности;
- органы контроля слабо взаимодействуют между собой, присутствует некоторая разобщенность в приоритетах деятельности контрольных органов;
- отсутствуют единая информационная база, единый методологический подход к процессу осуществления контроля.

Решение указанных задач позволит перевести государственный финансовый контроль на качественно новый уровень, а создание единого поля финансового контроля будет способствовать дальнейшему развитию и повышению результативности деятельности контрольных органов.

Особенности правового регулирования и осуществления финансового контроля в ЕС, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать в двух основных аспектах. Предлагаемая логика обусловлена особенностями устройства Европейского Союза.

Во-первых, особое значение имеет исследование самостоятельного финансового контроля, осуществляемого внутри каждого государства-члена ЕС. Во-вторых, необходимо рассматривать вопросы регулирования и осуществления финансового контроля, осуществляемого наднациональными структурами ЕС.

Деятельность высших органов финансового контроля в государствах-членах ЕС регламентирована на двух уровнях: первый – конституционный, в национальных конституциях государств – членов ЕС содержатся нормы, устанавливающие исключительно общие положения финансово-контрольной деятельности соответствующих органов; второй – законо-

дательный, предусматривает наличие профильного закона, развивающего упомянутое выше конституционное положение и конкретизирующего деятельность высших органов финансового контроля.

Правовой статус высших органов финансового контроля (как правило, счетных палат) государств – членов ЕС не одинаков, некоторые из них, безусловно, относятся к категории органов исполнительных власти, другие фактически являются разновидностью специальных судов. Подобные различия проявляются в качественных характеристиках полномочий того или иного органа финансового контроля.

Большинство европейских счетных палат подотчетны парламентам стран ЕС. Основными направлениями деятельности европейских национальных высших органов финансового контроля являются: контроль за исполнением государственного бюджета и контроль за ведением хозяйственной деятельности определенными субъектами с использованием государственных финансовых средств и государственного имущества.

Наднациональными институтами управления ЕС являются Европейский Парламент, Совет ЕС, Европейская Комиссия, Суд ЕС и Счетная палата.

Европейская счетная палата, созданию которой предшествовало подписание в июле 1975 года Брюссельского договора, начала свою работу в октябре 1977 года. Штаб-квартира Европейской счетной палаты находится в Люксембурге.

По Маастрихтскому договору 1992 года Европейская счетная палата стала институтом Европейского сообщества, что еще более укрепило ее независимость и авторитет. Договором предусматривается ежегодная публикация Палатой Заявления о гарантиях (DAS, от французского *declaration d'assurance*) о достоверности состояния счетов стран-членов Сообщества, законности и правильности соответствующих операций.

Амстердамский договор 1997 года расширил полномочия Счетной палаты, распространив их на вторую и третью «опоры» ЕС (внешняя политика и политика безопасности и сотрудничество в области правосудия и внутренних дел). Это еще более укрепило роль Палаты в борьбе с преступностью и другими правонарушениями. Договор подтвердил право Счетной палаты обращаться в Суд первой инстанции с юрисдикцией на территории стран – членов ЕС для защиты своих прерогатив от посягательств других институтов ЕС.

Ниццкий договор, вступивший в силу 1 февраля 2003 года, подтвердил принцип формирования состава Палаты – по одному аудитору от каждого государства-члена. Договор предусматривает возможность уве-

личения роли Бригад аудиторов Палаты в утверждении некоторых видов отчетов и заключений, с тем, чтобы Палата имела возможность не собираться в полном составе. Договор подтвердил предусмотренную ранее публикацию DAS с оценкой результатов, достигнутых на основных направлениях деятельности Европейского Союза. Еще раз была подчеркнута необходимость сотрудничества между Палатой и высшими контрольными органами стран-членов ЕС.

Европейская счетная палата проводит внешний аудит финансового состояния ЕС и является высшим органом финансового контроля ЕС. Счетная палата обладает специальной компетенцией в рассматриваемой сфере. В статьях с 246 по 248 Договора о Европейском Союзе изложены полномочия и правила формирования состава Европейской счетной палаты. Полномочия сводятся к следующему.

Европейская счетная палата:

- проверяет счета доходов и расходов Европейского Союза и, если не предусмотрено иначе, всех органов управления Союза; проверяет, были ли доходы получены, а расходы произведены на законных основаниях и надлежащим образом, и продуманно ли осуществлялось управление финансовой деятельностью, иными словами, надлежащее ли внимание уделялось экономии средств, эффективности и результативности их использования;

- составляет годовой отчет об исполнении бюджета Европейского Союза на каждый финансовый год, включая Документ о гарантиях (DAS) достоверности счетов Европейского Союза за истекший финансовый год, законности и правильности осуществления соответствующих операций;

- в любое время может предоставлять свои наблюдения по конкретным, выбранным ею самой темам, в частности в форме Специальных докладов;

- составляет доклады о случаях правонарушений или вероятного мошенничества, выявленных при проведении проверок;

- предоставляет официальные заключения по вносимым законопроектам ЕС, имеющим финансовый характер;

- предоставляет консультации по любым предложениям, предусматривающим принятие мер по борьбе с мошенничеством;

- содействует Европейскому парламенту и Совету в осуществлении контроля за исполнением бюджета Европейского Союза посредством опубликования отчетов и заключений о проведении ревизий.

У Палаты нет судебных правомочий, поэтому ее отчеты и заключения не имеют обязательной юридической силы. Однако ее работа имеет большое значение для совершенствования методов управления финансовой деятельностью тех, на ком лежит ответственность за разработку правовой базы, управление и администрирование программами и финансовыми ресурсами ЕС.

Необходимо обратить внимание на сходства и различия в правовой регламентации финансового контроля в России и ЕС.

В первую очередь, отличие заключается в наборе и характере самих правовых источников регулирования. В Российской Федерации правовую основу финансового контроля составляют: международные договоры, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, указы Президента России, постановления Правительства России, ведомственные нормативно-правовые акты, решения Конституционного Суда Российской Федерации. В Европейском Союзе правовая основа финансового контроля представлена: международными договорами, учредительными договорами, регламентами, директивами, решениями наднациональных органов управления ЕС, в том числе Суда ЕС.

Еще одно принципиальное отличие заключается в системе органов финансового контроля, ее устройстве и принципах функционирования. В России основную роль в реализации контрольных полномочий играют государственные органы власти, в Европейском союзе система органов контроля двухуровневая, с одной стороны, это наднациональные институты, а с другой органы контроля государств-членов ЕС.

Существует достаточно много отличий, обусловленных различными правовыми режимами регулирования бюджетных, валютных, налоговых, межбанковских и некоторых других отношений, которые в свою очередь определяют различный объем полномочий контролирующих субъектов в России и Европейском Союзе.

Кроме того, имеются существенные отличия в методе правового регулирования финансово-контрольной деятельности. В ЕС используются более гибкие методы регулирования, нежели в России, где финансово-правовое регулирование осуществляется преимущественно через императивное воздействие на финансово-правовые отношения.

Несмотря на существенные отличия, следует констатировать наличие некоторых схожих моментов правовой регламентации и организации финансово-контрольной деятельности в России и ЕС. Во-первых, высшим органом финансового контроля России и ЕС являются Счетные па-

латы, полномочия которых весьма похожи. Во-вторых, в ЕС и России отсутствует единый норматив, регулирующий финансово-контрольную деятельность соответствующих структур. В-третьих, схожими являются направления, в которых происходит реализация контрольных полномочий, эти направления соответствуют элементам финансовых систем России и ЕС – бюджетная, налоговая, кредитно-денежная сфера. В-четвертых, в России и ЕС реализация контрольной функции в сфере публичных финансов направлена на решение общей задачи эффективного образования, распределения и использования публичных денежных фондов.

Анализ правовых начал регулирования и организации финансово-контрольной деятельности в России и ЕС убеждает в необходимости формирования современного правового базиса взаимодействия в рамках осуществления финансового контроля. Имеющиеся различия в правовой регламентации не могут рассматриваться в качестве непреодолимых препятствий для осуществления такого важного для обеих сторон шага. При этом выявленные сходства в организации финансового контроля и его целях в России и ЕС являются объективными предпосылками для сближения позиций России и ЕС в рассматриваемой сфере.

В качестве первого этапа процесса сближения может быть представлено соглашение о сотрудничестве Европейской Счетной палаты и Счетной палаты России как высших органов финансового контроля.

Потребность в таком соглашении возникла достаточно давно, что подтверждается переговорами, проводимыми руководителями указанных органов России и ЕС о совместных финансово-контрольных мероприятиях.

Взаимодействие высших органов государственного финансового контроля России и стран Евросоюза – существенный элемент нарастающих интеграционных процессов в Европе, включая координацию межгосударственных усилий по борьбе с коррупцией в органах власти и отмыванием «грязных» денег. Таков был лейтмотив состоявшейся в 2003 году встречи Председателя Счетной палаты Российской Федерации, Президента Европейской организации высших органов финансового контроля С. В. Степашина с делегацией Европейской Счетной палаты.

В ходе встречи, в которой участвовал посол Евросоюза в Российской Федерации, был затронут вопрос об осуществлении совместной проверки эффективности использования грантов, выделяемых Евросоюзом на

реализацию ряда проектов, осуществляемых сторонами в рамках взаимной договоренности на территории России¹.

22 марта 2010 года Председатель Счетной палаты Российской Федерации Сергей Степашин встретился с Президентом Европейской Счетной палаты Виттором Калдейра.

Участники встречи отметили динамичное развитие экономического сотрудничества между Россией и Евросоюзом. В этой связи глава российской Счетной палаты подчеркнул важность взаимодействия между контрольными ведомствами с учетом взаимных интересов, поскольку такое сотрудничество было бы правомерно рассматривать в качестве составной части интеграционных процессов между Россией и Евросоюзом.

Стороны дали положительную оценку развитию взаимодействия между двумя организациями, которое осуществляется в рамках международных организаций ИНТОСАИ и ЕВРОСАИ, а также на двустороннем уровне. Было отмечено успешное сотрудничество ведомств в рамках рабочей группы ИНТОСАИ по аудиту помощи при катастрофах, подкомитетов Комитета ИНТОСАИ по повышению потенциала, а также Специальной группы ЕВРОСАИ по аудиту средств, выделяемых на предотвращение и ликвидацию последствий катастроф.

Сергей Степашин отметил успешный опыт проведения в 2005 году выборочной параллельной проверки эффективности использования финансовых средств, выделенных Евросоюзом в пользу России в рамках программы ТАСИС. В этой связи было принято решение проработать вопрос о возможности продолжения сотрудничества контрольных ведомств в области контроля эффективности использования фондов Евросоюза, направляемых в Россию в настоящее время по программе «Механизм европейского добрососедства и партнерства», заменившей ТАСИС.

В ходе беседы глава Счетной палаты России высказал заинтересованность в изучении российской стороной опыта европейских коллег в области контрольной работы, а также предметного контроля использования средств, выделяемых в рамках Евросоюза на финансирование региональных программ. Кроме того, Сергей Степашин предложил рассмотреть возможность проведения совместного анализа проблем в этой области торгово-экономического сотрудничества между Россией и Евро-

¹ В качестве примера можно рассматривать «Программу технического содействия странам СНГ» (TACIS).

союзом и выработки рекомендаций по дальнейшему росту взаимовыгодного сотрудничества в этой области.

Отдельной темой беседы стало обсуждение перспектив подписания Соглашения между ведомствами. Стороны были едины во мнении, что оно может стать хорошей основой для плодотворного долгосрочного сотрудничества. В качестве приоритетных направлений такого сотрудничества могли бы стать совместная проверка средств, выделенных в связи с проблемой изменения климата, обеспечение энергетической безопасности, преодоление последствий мирового финансового кризиса, а также обмен опытом по методологии аудиторских проверок.

О необходимости заключения соглашения о сотрудничестве говорит и тот факт, что Счетная палата России имеет оформленные отношения с высшими национальными органами финансового контроля многих государств-членов ЕС. Соглашения с Европейской Счетной палатой позволят осуществлять совместные параллельные финансовые проверки, оперативно обмениваться финансово-значимой информацией.

На сегодняшний день правовая база взаимодействия Счетных палат России и ЕС фактически отсутствует, а практическое сотрудничество осуществляется в рамках совместного участия в деятельности международных организаций, объединяющих высшие органы финансового контроля, в частности ЕВРОСАИ.

Библиографический список

1. Бондарь Е. О., Камасова А. Г., Комовкина Л. С., Лахтина Т. А., Шурухнова Д. Н. Финансовое право : учебное пособие. – М., 2014.
2. Килясханов И. Ш. Финансовое право : учебное пособие для вузов. – М., 2004.
3. Клитгаард Р. Рыночные реформы. – М., 1992.
4. Химичева Н. И. Финансовое право : учебник. – М., 2002.
5. Шурухнова Д. Н. Проблемы совершенствования бюджетного законодательства // Актуальные вопросы российского права : сборник статей. – М., 2012. С. 72–76.
6. ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (в ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета. – 2003. – № 202. – 8 окт.
7. ФЗ РФ от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» (в ред. от 18.07.2017 г.) // Российская газета. – 1996. – № 228. – 28 нояб.
8. Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в

Российской Федерации» (в ред. от 18.07.2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 31, ст. 3696.

9. ФЗ РФ от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2015 г.) // Российская газета. – 1999. – № 8. – 16 янв.

Феликс Олегович Вертлиб¹,

доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

ПЕРЕДАЧА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Межгосударственное сотрудничество в области уголовного судопроизводства включает широкий круг субъектов, чья деятельность распространяется одновременно на территории нескольких государств.

Необходимой частью национальной стратегии противодействия преступности является реализация возможностей и ресурсов иностранных государств посредством международного взаимодействия и сотрудничества. Вследствие этого государства активно разрабатывают и принимают универсальные, региональные и двусторонние международные соглашения, регламентирующие всесторонние аспекты противодействия преступности. Наиболее важное значение среди таких актов имеют договоры, или конвенции, о правовой помощи.

Сотрудничество между государствами играет основополагающую роль в организации правовой помощи. Ключевой целью данного вида сотрудничества выступает разрешение проблем, которые возникают результате правового взаимодействия с иностранным элементом.

Одной из важнейших форм международного сотрудничества в противодействии преступности выступает оказание правовой помощи по уголовным делам. Основопологающими актами в этой сфере являются как многосторонние акты, например, Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., так и двусторонние международные договоры – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Аме-

¹ © Вертлиб Ф. О., 2018.

рики о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1999 г., Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1999 г.

Отличительной чертой правовой помощи выступает частичная передача государством, запрашивающим компетенции по своему уголовному делу иностранному государству, тем самым выделяя ее из совокупности других форм взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере. При осуществлении правовой помощи на взаимной основе по уголовным делам полномочия, расширяющие круг возможных правовых действий по выполнению процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий и получению доказательств передаются соответствующим компетентным органом одного государства уполномоченному органу другого государства [1].

Не существует четко определенного и закрепленного понятия взаимной правовой помощи по уголовным делам, даже в специальных соглашениях и договорах не дается конкретного определения, хотя перечисляются действия, отображающие ее содержание. Например, согласно статье 1 Договора между Российской Федерацией и Республикой Индией 1998 года под взаимной правовой помощью понимается любая правовая помощь, которая оказывается запрашиваемой стороной в отношении процессуальных действий или расследований по уголовным делам в пределах юрисдикции запрашивающей стороны, независимо от того, запрашивается или оказывается такая правовая помощь судом или каким-либо другим органом. Аналогичные положения регламентированы и другими договорами.

Как правило, международное сотрудничество по уголовным делам представляет собой взаимоотношения между государствами, которые касаются расследования преступлений с момента их совершения, предупреждения правонарушений, а также осуществления судопроизводства, в том числе исполнение приговора, и других процедур, включая пересмотр дела.

Классифицирование видов правовой помощи по уголовным делам осуществляется по различным основаниям. В зависимости от содержания просьбы о правовой помощи, а также характера конкретного дела, по которому помощь оказывается, субъектов взаимопомощи и оснований ее осуществления возможно предложить следующую классификацию [2]:

- 1) передача компетенции;
- 2) выдача преступников;

3) выполнение поручения о совершении отдельных процессуальных действий;

4) предоставление информации о праве;

5) оказание правовой помощи в связи с признанием и исполнением судебных решений;

6) правовая помощь в связи с признанием и исполнением приговоров иностранных судов.

Передача материалов уголовного дела в целях дальнейшего уголовного преследования предполагает реализацию на основании международных соглашений и в соответствии с внутригосударственным законодательством уголовного преследования в отношении собственных граждан в случае совершения ими преступления на территории иностранного государства.

Материалы уголовного дела со стороны Российской Федерации направляются в компетентные органы иностранного государства, гражданином которого является лицо, совершившее преступление на территории России, но после этого оказавшегося за ее пределами. Помимо этого, Российская Федерация берет на себя обязанность по исполнению запросов об уголовном преследовании российских граждан, совершивших преступления на территории иностранного государства и после совершения возвратившихся на территорию России. Так же возможно возбуждение уголовного дела по материалам, которые направлены государством, в случае если лицо вернулось на территорию Российской Федерации до момента возбуждения уголовного дела.

В отношении лица с двойным гражданством, которое совершило преступление на территории Российской Федерации, направление материалов уголовного дела возможно как в государство, гражданином которого он себя считает, так и в государство, где лицо проживает на постоянной основе.

Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 22 апреля 2003 г. № 18/35 «О порядке исполнения запросов компетентных органов иностранных государств об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела в на территории Российской Федерации» устанавливает, что при наличии вынесенного компетентными органом иностранного государства постановления о возбуждении уголовного дела либо иного аналогичного по своей правовой природе процессуального документа уголовное дело считается возбужденным и срок расследования исчисляется с момента вынесение постановления о принятии дела к производству [3].

Помимо передачи материалов, возможна передача предметов, имеющих отношение к совершенному преступлению. Так, по просьбе запрашивающей стороны возможна передача предметов, которые использовались в ходе совершения преступления (так же относятся предметы и орудия преступного посягательства), были приобретены в результате совершения преступления или в качестве вознаграждения за такое деяние, а также которые имеют значение доказательств в уголовном деле. Однако, в случае если названные предметы требуются как доказательства в уголовном процессе в запрашиваемом государстве, то возможно отложение их передачи до окончания производства по делу. Переданные предметы подлежат возврату по окончании производства по делу.

Признание доказательств, полученных в результате предоставления государством права сбора иностранным уполномоченным органом различных доказательств по уголовному делу, которые можно считать допустимыми и отвечающими требованиям правовых норм запрашивающего государства и полученных на основании уголовно-процессуального законодательства, развивающегося за рубежом, представляет собой в общей совокупности передачу компетенции. Уголовно-процессуальное законодательство России закрепляет условия допустимости доказательств, полученных на территории иностранных государств. Так, необходимо их заверение и передача в порядке, установленном международными соглашениями или по принципу взаимности. Такие доказательства имеют равную юридическую силу с доказательствами, полученными на территории Российской Федерации при условии их полного соответствия требованиям национального законодательства. Относимость к уголовному делу и достоверность таких доказательств определяются в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России.

Таким образом, межгосударственное сотрудничество в сфере предоставления правовой помощи по уголовным делам является одной из наиболее значимых форм международно-правового сотрудничества. Основными задачами такого взаимодействия являются способствование эффективному отправлению правосудия, противодействие преступности, а так же гарантия соблюдения законных прав и интересов граждан.

Библиографический список

1. Милинчук В. В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: общие условия оказания и формы (действующая практика и перспективы развития) : дис. канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 134.

2. Лиц М. О. К вопросу о современном понятии международной правовой помощи // Современное состояние российского законодательства. – 2009. – С. 110.

3. Указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 22 апреля 2003 г. № 18/35 «О порядке исполнения запросов компетентных органов иностранных государств об осуществлении уголовного преследования или о возбуждении уголовного дела на территории Российской Федерации» // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры Российской Федерации. Т. 1. – М., 2004.

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] (вступила в силу 19.05.1994 г., для Российской Федерации 10.12.1994 г.) (с изм. от 28.03.1997 г.) // СПС «Консультант Плюс».

5. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам [подписан в г. Москве 17.06.1999 г.] // СПС «Консультант Плюс».

6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам [подписан в г. Москве 28.05.1999 г.].

Рустам Салимжанович Галиев¹,

старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
Барнаульского юридического института МВД России
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Современное состояние преступности, растущей в своем количественном и качественном измерении, актуализирует вопросы обеспечения противодействия этому негативному явлению. Прогрессивное развитие сотрудничества государств в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [8], развитие международных отношений построенных на осознании общей цели обеспечения мира и безопасности, позволили

¹ © Галиев Р. С., 2018.

создать организованное взаимодействие государств и международных организаций в деле противодействия преступности [2].

Эпохальное для развития всего международного права и международных отношений событие XX века – создание Организации Объединенных Наций (далее – ООН), явилось и существенным обстоятельством активного развития деятельности международных организаций в противодействии преступности. Сегодня существует обширная система институционального сотрудничества в рассматриваемой сфере, элементы данной системы осуществляют разностороннюю деятельность в международном сотрудничестве в противодействии преступности [1, с. 15].

Одной из ключевых структур, содействующих налаживанию и развитию международного сотрудничества между органами полиции в целях предупреждения транснациональной преступности и противодействия ей, является Международная организация уголовной полиции (Интерпол), являющаяся второй после ООН по количеству государств-участников международной организацией, включающей в себя 190 государств-членов.

Интерпол путем расширения сотрудничества между органами полиции ее государств-членов и путем внедрения инноваций в том, что касается полиции и правоохранительной деятельности, осуществляет эффективную деятельность по противодействию транснациональной преступности, в том числе и одному из самых опасных ее проявлений – терроризму.

Как отмечается в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/19 от 8 декабря 2016 г. [9], сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и такими международными организациями, как Интерпол, может способствовать противодействию терроризму, включая предотвращение поездок иностранных боевиков-террористов, и борьбе с транснациональной преступностью, в частности транснациональной организованной преступностью, включая незаконный ввоз мигрантов, торговлю людьми, незаконный оборот наркотиков, умышленное и незаконное уничтожение объектов культурного наследия и незаконный оборот культурных ценностей, пиратство, незаконную торговлю стрелковым оружием и легкими вооружениями, незаконный оборот ядерных, биологических, химических и радиоактивных материалов, киберпреступность, коррупцию и отмывание денег, а также преступления, влияющие на окружающую среду, включая незаконную торговлю объектами дикой природы.

Отправной точкой сотрудничества ООН и Интерпола считается подписание в 1971 году специального соглашения между Экономическим и социальным советом ООН (ЭКОСОС ООН) и Интерполом [4], в котором ЭКОСОС ООН, в соответствии с рекомендациями Комитета по неправительственным организациям ЭКОСОС ООН (КНПО) признал Интерпол полноценной межправительственной организацией.

В 1996 году, Генеральная Ассамблея ООН, учитывая важную роль и деятельность Интерпола в борьбе с международной трансграничной преступностью, а также необходимость координации, согласования и активизации такой борьбы на международном уровне, предоставила Интерполу статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее [10]. Что указывает на достижение определенного уровня сотрудничества, позволяющего представителям Интерпола принимать участие, в том числе с выступлениями, в работе Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам, входящим в компетенцию Интерпола.

В 1997 году между ООН и Интерполом заключено соглашение о сотрудничестве [5]. Соглашение предусматривает взаимодействие по различным направлениям противодействия преступности посредством проведения консультаций и обмена информацией, технического сотрудничества, взаимного представительства, сотрудничества между секретариатами и т. д.

Необходимость сотрудничества ООН и других международных организаций с Интерполом в противодействии преступности в различных ее проявлениях неоднократно отражалось в резолюциях Генеральной Ассамблеи. Например в Резолюции A/RES/60/288 от 8 сентября 2006 г. «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» [11], вышеупомянутой Резолюции A/RES/71/19 от 8 декабря 2016 г. и др.

Интерпол активно сотрудничает и Советом Безопасности ООН в первую очередь в деле противодействия терроризму. Упомянутое выше соглашение 1997 г. было дополнено письмами между ООН и Интерполом от 8 декабря 2005 г. и 5 января 2006 г., направленными на реализацию сотрудничества Международной организации уголовной полиции (Интерпол) с Комитетом по санкциям, учрежденным Резолюцией Совета Безопасности ООН 1267 (1999) (Комитет 1267) [12].

В ходе работы 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, в 2005 г. была принята Резолюция AG-2005-RES-05 [13]. На основании данной резолюции с декабря 2005 г. Генеральный секретариат Интерпола во взаимодействии с «Комитетом 1267» Совета Безопасности ООН

издает специальные совместные уведомления Интерпола и Совета Безопасности ООН (*INTERPOL – United Nations Security Council Special Notice*) [3], в отношении лиц и организаций, входящих в Сводный перечень ООН как связанных с террористической сетью «Аль-Каида» и радикально-исламистским движением «Талибан» [14] (в дальнейшем с ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каида» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям). При этом уведомления Интерпола, выпускаемые в отношении указанных лиц и организаций, содержат большее количество таковых, в сравнении с санкционным перечнем Комитета по санкциям ООН. По состоянию на октябрь 2017 года на официальном сайте Международной организации уголовной полиции (Интерпол) размещены 485 специальных уведомлений «Интерпол – Совет Безопасности ООН» в отношении физических лиц, и 97 в отношении различных организаций причастных к деятельности террористических организаций. В настоящее время в санкционный перечень в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды» входят имена 256 физических лиц и названия 80 юридических лиц [15].

Интерпол осуществляет взаимодействие и с другими органами ООН (например – Управление Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)), необходимость сотрудничества данных организаций периодически подчеркивает и Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях. Например, это одноименные Резолюции A/RES/66/180 от 19 декабря 2011 г. [16] и A/RES/68/186 от 18 декабря 2013 г. [17] «Усиление мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в целях защиты культурных ценностей, особенно в связи с их незаконным оборотом».

В 2014 г. Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в консультации с государствами-членами и в тесном сотрудничестве, в соответствующих случаях, с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) и другими компетентными международными организациями были разработаны и утверждены Генеральной Ассамблеей ООН «Международные руководящие принципы принятия мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других связанных с ним преступлений» [18].

Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях подчеркивает и необходимость сотрудничества Интерпола с таким специальным органом ООН как Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН).

Так, помимо взаимодействия в рамках указанных выше резолюций ГА ООН, 23 мая 2016 года – на параллельном мероприятии в рамках 25-ой Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (ССРСJ) исполнительный директор УНП ООН Юрий Федотов и генеральный секретарь Интерпола Юрген Шток подписали соглашение о сотрудничестве, ориентированное на операции против организованной преступности и терроризма [19].

Современный уровень развития преступности диктует необходимость осуществления консолидированной деятельности институциональных механизмов взаимодействия международных межправительственных организаций в противодействии международной преступности [6]. В глобализирующемся мире именно на основе тесного взаимодействия специальных международных организаций, основной задачей которых является координация усилий в противодействии преступности и международных организаций общей компетенции, возможно построение действенного механизма обеспечения миропорядка и прогрессивного развития человечества. Существующая система правовых основ взаимодействия Интерпола и главных органов ООН, а также непосредственные результаты такого взаимодействия позволяют констатировать эффективность объединения усилий международных организаций в противодействии преступности.

Библиографический список

1. Галиев Р. С. Институциональные основы международного сотрудничества государств в борьбе с морским пиратством : учебно-методическое пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015.

2. Каламкарян Р. А., Троицкий С. В., Галиев Р. С., Андреев А. Ф., Самодуров Д. И., Руденко В. В., Юсупов М.-Б. Р. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник. Сер. 63. Бакалавр. Академический курс. Модуль. (1-е изд.). – М., 2016. С. 10.

3. Пузырева Ю. В. Современная система уведомлений Интерпола как эффективная основа международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Алтайский юридический вестник. – 2014. – № 1 (5). – С. 55.

4. Родионов К. С. Международная организация уголовной полиции (Интерпол) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1979. С. 8.

5. Соглашение о сотрудничестве между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции (Интер-

полом), подписанное в Нью-Йорке 8 июля 1998 г. URL: <https://www.interpol.int/content/download/9516/69757/version/4/file/Agreement%20UN%201997.pdf> (дата обращения: 02.10.2017).

6. Троицкий С. В. Двойные стандарты в праве международного сотрудничества в сфере противодействия преступности // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2012. – № 1 (22). – С. 39.

7. UNODC-INTERPOL agreement creates partnership to tackle transnational organized crime and terrorism challenges. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/index.html> (дата обращения: 02.10.2017).

8. Устав Организации Объединенных наций (принят в Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations> (дата обращения: 28.09.2017).

9. Резолюция ГА ООН. Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Международной организацией уголовной полиции (Интерпол). 8 декабря 2016 г. A/RES/71/19. URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/71/19> (дата обращения: 01.10.2017).

10. Резолюция ГА ООН. Предоставление Международной организации уголовной полиции (Интерполу) статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее. 15 октября 1996 г. A/RES/51/1. URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/51/1> (дата обращения: 01.10.2017).

11. Резолюция ГА ООН. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. 8 сентября 2006 г. A/RES/60/288. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/60/288> (дата обращения: 2 октября 2017).

12. Резолюция СБ ООН. Положение в Афганистане. 15 октября 1999 г. S/RES/1267 (1999). URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1267\(1999\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1267(1999)) (дата обращения: 02.10.2017).

13. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола. The United Nations Security Council's request to Interpol to assist the UN's anti-terrorism fight. 22 сентября 2005 г. AG-2005-RES-05. URL: <https://www.interpol.int/content/download/5381/45176/version/4/file/agn74res05.pdf> (дата обращения: 02.10.2017).

14. INTERPOL – United Nations Security Council Special Notice. URL: <https://www.interpol.int/INTERPOL-expertise/Notices/Special-Notices> (дата обращения: 02.10.2017).

15. Санкционный перечень в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиды». URL: https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1267/aq_sanctions_list (дата обращения: 02.10.2017).

16. Резолюция ГА ООН. Усиление мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в целях защиты культурных цен-

ностей, особенно в связи с их незаконным оборотом. 19 декабря 2011 г. A/RES/66/180. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/66/180> (дата обращения: 02.10.2017).

17. Резолюция ГА ООН. Усиление мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в целях защиты культурных ценностей, особенно в связи с их незаконным оборотом. 18 декабря 2013 г. A/RES/68/186. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/68/186> (дата обращения: 02.10.2017).

18. Резолюция ГА ООН. Международные руководящие принципы принятия мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в отношении незаконного оборота культурных ценностей и других связанных с ним преступлений. 18 декабря 2014 г. A/RES/69/196. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/196> (дата обращения: 02.10.2017).

19. UNODC-INTERPOL agreement creates partnership to tackle transnational organized crime and terrorism challenges. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/index.html> (дата обращения: 02.10.2017).

Ульяна Викторовна Галкина¹,

преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ЗАЩИТЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Несмотря на высокий уровень законодательного закрепления международного сотрудничества в области защиты объектов интеллектуальной собственности, проблемы в ее реализации все же существуют. Так, еще принятой 20 марта 1883 года Парижской конвенцией по охране промышленной собственности было закреплено, что «страны Союза обязуются ... отклонять или признавать недействительной регистрацию и запрещать применение товарного знака, представляющего собой воспроизведение, имитацию или перевод другого знака, способные вызвать смешение со знаком, который по определению компетентного органа страны регистрации или страны применения уже является в этой стране общеизвестным в качестве знака лица, пользующегося преимуществами

¹ © Галкина У. В., 2018.

настоящей Конвенции, и используется для идентичных или подобных продуктов» [3] (ст. 6-bis Парижской конвенцией по охране промышленной собственности). Статья 9 этой же конвенции устанавливает право странам Союза налагать арест на продукцию, ввозимую в страну с незаконно нанесенным товарным знаком или фирменным наименованием. Арест может быть наложен в стране, где была осуществлена незаконная маркировка, или в странах, куда был ввезен продукт.

Одним из государственных органов Российской Федерации, призванным осуществлять в административном порядке защиту интеллектуальной собственности, а так же борьбу с контрафактным товаром является Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС России).

До недавнего времени у таможенного органа существовала проблема в осуществлении его правоохранительной функции в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Таможенные органы могли только по заявлению правообладателя интеллектуальной собственности приостанавливать выпуск товара. В большинстве таких случаев таможенные органы, получали разрешение правообладателей на вывоз товаров, отказ от применения к нарушителям мер административного воздействия, что свидетельствовало о нежелании самих правообладателей защищать свои права.

В целях воспрепятствования распространения контрафактного товара, как на территории государства, так и за его пределами, в 2009 г. был подписан Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятый Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств 27 ноября 2009 г. № 17 (признается утратившим силу с момента вступления в силу «Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» (до настоящего времени не вступил в силу [1]), а так же принят ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Согласно вышеуказанным документам таможенные органы вправе приостанавливать выпуск товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не внесенные в реестр, при обнаружении признаков нарушения прав интеллектуальной собственности и при наличии информации о правообладателе (его представителе) на территории Российской Федерации. В тоже время правообладатель или его представитель, имеющий достаточные основания полагать, что при перемещении через таможенную границу на товары незаконно нанесен товарный знак, правообладателем которого он является, имеет право обратиться в ФТС России для защиты своих исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. В пределах

своей компетенции таможенные органы принимает следующие меры по защите интеллектуальной собственности (глава 46 Таможенного кодекса Таможенного союза):

1) объект интеллектуальной собственности вносится в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств – членов таможенного союза (ст. 330 Таможенного кодекса Таможенного союза). Информационный листок, содержащий необходимые данные для идентификации объекта интеллектуальной собственности, рассылается по вертикали региональным таможенным органам и таможням;

2) производится мониторинг товаров, находящихся под таможенным контролем, на предмет выявления контрафактных товаров.

При выявлении товаров, в отношении которых существуют подозрения, что их перемещение осуществляется в нарушение законодательства об интеллектуальной собственности, таможенный орган принимает меры к их задержанию, информирует в течение одного рабочего дня об этом владельца объекта интеллектуальной собственности или его контактных лиц в стране (регионе);

3) приостанавливает выпуск товаров при наличии подозрений их в контрафактности.

Выпуск товаров приостанавливается на срок 10 рабочих дней (ст. 331 Таможенного кодекса Таможенного союза). Срок приостановления выпуска товаров может быть продлен по запросу правообладателя, если он обратился в уполномоченные органы за защитой своих прав, например, с иском в арбитражный суд, либо с заявлением в правоохранительные органы о привлечении к уголовной ответственности лиц, незаконно использующих его товарный знак.

В течение указанного срока правообладатель может брать пробы и образцы товаров, в отношении которых было принято решение о приостановлении выпуска (п. 3 ст. 308 ФЗ от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»).

Дальнейшая судьба приостановленного к выпуску товара решается в зависимости от выбранного правообладателем способа защиты (в соответствии с нормами гражданского законодательства, законодательства об административных правонарушениях, уголовного законодательства).

Если правообладатель или лицо, представляющее его интересы, получив уведомление о приостановлении выпуска товаров, не обратилось в таможенный орган с заявлением о приостановлении выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не высказало своей заинтересованности в защите своих прав на объекты интеллектуальной собственности, то таможенный орган, по истечении 10 рабочих дней отменяет решение о приостановлении выпуска товаров и пропуска-

ет их через таможенную границу (п. 1 ч. 1 ст. 332 Таможенного кодекса Таможенного союза).

В случае если товары оказались подлинными владелец товарного знака, обладатель авторских или смежных прав несет ответственность за имущественный вред (ущерб), причиненный декларанту, собственнику, получателю товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности в соответствии с гражданским законодательством государств – членов таможенного союза (ч. 5 ст. 331 Таможенного кодекса Таможенного союза);

4) предоставляет информацию правообладателю, которая может понадобиться ему для защиты своих прав.

При реализации права на защиту интеллектуальных прав на средства индивидуализации в данной форме активная роль принадлежит правообладателю. Он должен зарегистрировать свой объект интеллектуальной собственности в таможенном реестре [4] объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза и осуществлять активное сотрудничество с представителями таможенных органов.

Выявив правонарушение, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ правообладатели обращаются в правоохранительные органы за защитой своих нарушенных прав. Поскольку таможенные органы обладают информацией об отправителе или получателе товара, на который незаконно нанесено средство индивидуализации, то это позволяет получить информацию о лице, совершившем незаконно использование средств индивидуализации товаров. В случае поступления товара из-за границы, правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. Европейская Конвенция о выдаче ETS № 024 (Париж, 13 декабря 1957 г.) [2] предполагает выдачу в отношении преступлений, наказуемых в соответствии с законодательством запрашивающей Стороны и запрашиваемой Стороны лишением свободы или в соответствии с постановлением об аресте на максимальный срок, по крайней мере, в один год, или более серьезным наказанием. В тех случаях, когда осуждение и тюремное заключение или постановление об аресте имеют место на территории запрашивающей Стороны, установленный срок наказания должен составлять не менее четырех месяцев. Санкция за преступление, предусмотренное ч. 1, 2 ст. 180 УК РФ не превышает сроков указанных в Европейской Конвенции и только лишь ч. 3 ст. 180 УК РФ дает возможность осуществить международное сотрудничество по выдаче лица совершившего преступление.

Очевидно, что для осуществления международного сотрудничества в области защиты интеллектуальной собственности следует снизить минимальный срок наказуемости по Европейской Конвенции о выдаче ETS № 024. Послабление данной нормы позволит более эффективно осуществлять международное сотрудничество не только в области защиты интеллектуальной собственности, но и ряда других уголовно-наказуемых деяний.

Библиографический список

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (Подписан в г. Москве 11.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215314/5751539ee0bb725104b4a7612b-aa5f32be2595f6/#dst100034 (дата обращения: 09.10.2017).
2. Европейская Конвенция о выдаче ETS № 024 (Париж, 13 декабря 1957 г.). URL: http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059/#block_2 (дата обращения: 09.10.2017).
3. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. 20 марта 1883 года. URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/documents/international_documents/international_conv/par_konv_ohr_ps/ (дата обращения: 09.10.2017).
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 21 мая 2010 г. «О едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств – членов Таможенного союза». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105269/ (дата обращения: 09.10.2017).

Сергей Анатольевич Грицаев¹,

заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент подполковник полиции,

Александра Анатольевна Коренухина²,

курсант 311 учебного взвода международно-правового
факультета Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя рядовой полиции

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ ЛИЦ ОРГАНАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Одним из проблемных вопросов международного уголовного права является передача лиц органам международной уголовной юстиции.

К органам уголовной юстиции относят: Международный уголовный суд (далее МУС), являющийся независимым органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, совершивших международные преступления; международные уголовные трибуналы *ad hoc*, такие как: Международный трибунал по бывшей Югославии (далее МТБЮ) и Международный уголовный трибунал по Руанде (далее МУТР); смешанные (интернационализованные) судебные органы (например, Специальные суды по Ливану, Сьерра-Леоне, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи) [8].

Сотрудничество государств с международными уголовными трибуналами (далее МУТ) предусматривает сравнительно широкий диапазон различных действий, среди которых одно из значимых мест занимает процедура передачи лиц. Появление новых правовых механизмов, обеспечивающих присутствие обвиняемых в суде, было обеспечено созданием международных уголовных трибуналов. Именно образование МУТ, а также МУС сделало проблему разграничения процедур экстрадиции и передачи лиц одной из самых актуальных проблем [9].

Римский статут, как и Уставы МУТ по бывшей Югославии и Руанде, предусматривает передачу лиц, которой посвящены ст.ст. 89, 90, 91, 101, 102. В частности, согласно ч. 1 ст. 89, Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами, указанными в ст. 91, любому государству, на территории которого может находиться военный преступник, и обратиться к этому госу-

¹ © Грицаев С. А., 2018.

² © Коренухина А. А., 2018.

дарству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники в соответствии с положениями данной статьи и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче.

Необходимо отличать институт передачи лица органам международной уголовной юстиции от экстрадиции. С точки зрения обязательности для осуществления процедур государствами данное разграничение имеет большое значение. Выдача предусматривает собой согласие государства на данные действия, что является его правом, в то время как передача лица органам международной уголовной юстиции является для государства, как участника Римского статута МУС, обязанностью.

С учетом возможности коллизии норм национального права и положений Статута, в ст. 102 было проведено разграничение понятий «экстрадиция» (extradition) и «передача» (surrender), в соответствии с которыми «передача» означает доставку лица государством в МУС в соответствии со Статутом, а «экстрадиция» – доставку лица одним государством в другое в соответствии с положениями международного договора, конвенции или актов национального законодательства. Именно указанное разграничение позволило устранить такое фундаментальное препятствие для функционирования МУС, как невыдача собственных граждан – важнейший критерий, отличающий процедуру экстрадиции от передачи лиц [11].

Вопрос о передаче обвиняемых МУС, включая и собственных граждан, был решен двумя важнейшими способами.

Во-первых, применение принципа дополнительности позволяет самим государствам осуществлять преследование своих граждан, избегая необходимости передавать их МУС.

Во-вторых, получила четкое выражение позиция, согласно которой передача военных преступников МУС кардинально отличается от межгосударственной экстрадиции не только терминологически, но и содержательно.

Таким образом, Статут МУС не предоставил государствам-участникам основания для того, чтобы отказывать в передаче своих граждан. Подход, использованный в Статуте в отношении передачи лиц МУС, как правило, не создает противоречий с нормами национального права и позволяет к тому же обойти сложные юридические проблемы. В том числе, как представляется, Римский статут МУС не противоречит Конституции Российской Федерации [7].

В Статуте МУС прописано, что Суд может препроводить просьбу о передаче лица любому государству, на территории которого может находиться это лицо. В ответ на просьбу государства-участники должны выполнить просьбы о производстве ареста и передаче лица [1].

В случае, когда МУС не может обращаться с просьбой о передаче, которая потребовала бы от государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, то для передачи какого-либо лица Суду требуется получение согласия от государства.

Вместе с тем, одной из основных проблем передачи лица органам международной уголовной юстиции является нежелание государств сотрудничать с данными органами, особенно тех стран, граждане которых «преследуются» МУС. Так, например, еще 21 июля 2008 г. Международный уголовный суд выдал ордер на арест Президента Судана Омара аль-Башира по обвинению в геноциде в связи с конфликтом в Дарфуре, где, как утверждается, проводились этнические чистки. Однако до сих пор он не то что не выдан своим отечеством по понятным причинам, но и сам ордер подвергся критике многими государствами и международными организациями. Данное решение МУС подверглось критике со стороны членов Лиги арабских государств, Африканского союза, Движения неприсоединения, которые отказались его исполнять¹.

Сложности с передачей обвиняемых и отказ сотрудничать национальных властей стали главными препятствиями к осуществлению мандата Трибунала. Все это стало следствием отсутствия четких правоприменительных механизмов, которые позволили бы обвинителю обеспечивать задержание обвиняемых и положительно бы повлияли на все судопроизводство в целом.

Также одной из проблем является то, что в рамках деятельности различных органов международной уголовной юстиции вопрос о передаче лица решается по-разному. Прежде всего, это связано с тем обладают ли преимущественно национальные или международные суды. Эти две основные модели предписывания юрисдикции дополняются концепцией комплементарности, которая представляет собой организационный принцип *sui generis*.

Устав МТБЮ [2] исходит из приоритета юрисдикции Трибунала над национальными судами: «Юрисдикция Международного трибунала имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал мо-

¹ См., например: МУС: ЮАР нарушила соглашение, отказавшись задержать президента Судана. URL: <https://ria.ru/world/20170706/1497985796.html>.

жет официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу в соответствии с Уставом» (ст. 9). Также Устав закрепляет обязательства государств сотрудничать с МТБЮ, осуществляя различные процессуальные мероприятия, в частности и передачу ему обвиняемых (ст. 29).

Аналогичные положения содержатся в Уставе МУТР (ст. 8) [3], Уставах Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 8) [5], а также в Статуте Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов (ст. 5), учрежденного Советом Безопасности в 2010 году [4].

Римский статут МУС создал модель юрисдикции, которая не согласуется ни с одной из существующих моделей национальной уголовной юрисдикции, ни с существующей в рамках трибуналов *ad hoc* международной уголовной юрисдикцией: в его основе лежит признание концепции МУС в качестве органа, дополняющего национальные судебные органы. Комплементарность (дополнительность) [7] является фундаментальным принципом, на котором строится отношение правовых порядков МУС и государств-участников Статута. Этот принцип устанавливает, что юрисдикция Суда вводится только в том случае, когда национальные правовые системы не могут или не желают осуществлять юрисдикцию.

Таким образом, вопрос приоритета юрисдикций тех или иных судебных органов, будь то международных или национальных, решается по разному в соответствии с международным правом, однако это не влияет на тот факт, что процедуры «экстрадиция» («выдача») и «передача» это разные понятия как по смыслу, так и по содержанию.

Библиографический список

1. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute ®.pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute%20.pdf).
2. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.
3. Устав Международного уголовного трибунала по Руанде. URL: <http://www.un.org/ru/law/icttr/charter.shtml>.
4. Statute of the International Residual Mechanism for Criminal Tribunals // Security Council Resolution. 1966 (2010). URL: http://www.un-mict.org/sites/default/files/documents/101222_sc_res1966_statute_en.pdf.
5. Statute of The Special Court for Sierra Leone. URL: <http://www.rscsl.org/Documents/scsl-statute.pdf>.
6. Грицаев С. А. Соответствие Конституции Российской Федерации Римскому статуту Международного уголовного суда // Юридические науки. – 2004. – № 1. – С. 73–77.

7. Грицаев С. А. Концепция дополнительной юрисдикции Международного уголовного суда по отношению к национальным системам уголовной юстиции // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 64–70.

8. Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. С. 480.

9. Марченко А. В. Правовой порядок разграничения процедур экстрадиции и передачи военных преступников международным уголовным трибуналам или Международному уголовному суду // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 3(39). – С. 3.

10. Пузырева Ю. В. Правовые и организационные основы сотрудничества Интерпола с органами международной уголовной юстиции (на примере Международного уголовного суда): сборник статей научно-практической конференции, посвященной столетию международного полицейского сотрудничества. – М., 2015. С. 105–109.

11. Сафаров Н. А. Передача лиц Международному уголовному суду и институт экстрадиции: Трудный компромисс // Московский журнал международного права. – 2003. – № 2. – С. 150–167.

Андрей Андреевич Дементьев¹,

ассистент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЗДУШНОМ ПРАВЕ

После Первой мировой войны, 8 февраля 1919 г., появились первые регулярные международные воздушные перевозки между Парижем и Лондоном. Начали зарождаться первые обычаи, касающиеся воздушных перевозок. Одним из основных таких обычаев, который вытекал из публичного международного права, была идея о защите национальных интересов государств как суверенов на своей территории.

Конвенция о регулировании воздушной навигации (далее – Парижская конвенция 1919 г.) стала первым универсальным международно-правовым актом, который регулировал новую сферу международной деятельности [1]. Она была ратифицирована 32 государствами. Одним из

¹ © Дементьев А. А., 2018.

важнейших положений, закрепленных в этой Конвенции, стало признание полного и исключительного суверенитета государств над своим воздушным пространством, которое располагается над территорией государств [6].

В Парижской конвенции 1919 г., однако, не было закреплено определение воздушного судна, что привело к тому, что воздушным судном признавался любой летательный аппарат, который может передвигаться в атмосфере Земли при помощи подъемной силы крыла. Следует отметить, что такая формула использовалась впоследствии в Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (далее – Чикагская конвенция 1944 г.), откуда перешла в большинство не только международно-правовых, но и национальных актов. Лишь в 1967 г. Международная организация гражданской авиации (ИКАО) предложила новое определение, куда было добавлено дополнение: «исключая взаимодействие с воздухом, отраженным от земной поверхности» (ICAO Doc. – № 9294. – Vol. 11). Таким образом, были вычленены в отдельную категорию суда на воздушных подушках и прочие. В период с 1919 года по 1960-е года вопросы об уголовной ответственности в области авиации так же не рассматривались международным сообществом.

Вплоть до 1929 г. вопросы ответственности в международном воздушном праве регулировались исключительно внутренними законодательствами государств, за редким исключением, заключенным в Парижской конвенции 1919 г.

Первым же универсальным документом, который содержал положения об ответственности, стала Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (далее – Варшавская конвенция 1929 г.).

Работа над этой Конвенцией началась в 1926 г. по инициативе Франции. На созванной ею конференции государства рассмотрели проект конвенции и приняли ее часть, которая посвящалась вопросам ответственности авиаперевозчиков.

Правила, закрепленные в Конвенции, были приняты во всем мире, подтверждая тем самым фундаментальность и необходимость в регулировании ответственности перевозчика на международном уровне.

Вклад Варшавской конвенции 1929 г. в развитие института ответственности в международном воздушном праве невозможно переоценить. Благодаря ей в последующие годы были приняты многие другие нормы, регламентирующие ответственность при выполнении международных полетов. В 1952 г. в Риме была принята Конвенция об ущербе, причи-

ненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности [7]. Эта Конвенция закрепила ответственность эксплуатанта воздушного судна перед пострадавшими на поверхности земли (например, в случае падения воздушного судна).

Во второй половине XX в. (1960-е годы) международное сообщество столкнулось с новой проблемой, а именно – с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации. В первую очередь, речь шла о захватах и угонах воздушных судов.

Следует отметить, что в указанный период воздушные суда не угоняли с целью причинения ущерба жизни и собственности лиц или тем более для террористических целей. Воздушные суда использовались угонщиками для бегства из одной страны в другую. В качестве примеров можно привести неоднократные угоны воздушных судов с территории США в Южную Америку, Кубу или Европу [9].

В связи с этим принятая в 1963 г. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушного судна, не квалифицировала такие деяния как преступления.

Среди положительных аспектов Токийской конвенции 1963 г. необходимо отметить, что она признала захват воздушного судна незаконным на международном уровне (ст. 11). Кроме того, гл. 3 Конвенции предоставила права командиру воздушного судна, членам воздушного экипажа и даже пассажирам принимать необходимые меры для предотвращения и пресечения незаконных актов на борту воздушного судна. Статья 8 закрепила право командира воздушного судна высаживать пассажиров-правонарушителей из самолета в том государстве, в котором воздушное судно совершило посадку.

Стоит отметить, что этой проблемой государства занялись еще в 1940-х гг. Так, в Чикагской конвенции 1944 г. [5] в ст. 4 установлено, что государства соглашаются не использовать гражданские воздушные суда в любых целях, противоречащих целям Конвенции. Однако ст. 4 Конвенции не дает перечня таких целей, из-за чего и по сей день возникает множество споров о трактовании Чикагской конвенции 1944 г. в данной сфере [2]. Включение этой статьи в итоговый текст Конвенции было предложено Канадой на дипломатической конференции. Причиной этому послужили многочисленные случаи в период Второй Мировой войны, когда гражданские воздушные суда использовались для перевозки оружия и боеприпасов.

Главной проблемой ст. 4 Чикагской конвенции является отсутствие каких-либо правил, регулирующих деятельность государств в случае, если эта статья была нарушена, также как и не закрепляется ответственность за нарушение этой статьи.

Токийская конвенция 1963 г. так же имела ряд недостатков. Во-первых, она не квалифицировала захват и угон воздушного судна как преступление. Во-вторых, в этой Конвенции, как и в указанной выше Чикагской конвенции 1944 г., отсутствуют положения, которые регламентировали бы действия государств в отношении лиц, совершивших действия, подпадающие под действие Конвенции.

Необходимость принятия Токийской конвенции 1963 г. была неоспорима, тем не менее описанные выше существенные недостатки привели к скорому принятию других конвенций.

Первым международным актом, который установил уголовную ответственность в международном воздушном праве, стала Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (далее – Гагская конвенция 1970 г.). Конвенция не только дополнила отсутствующими в Токийской конвенции нормами, но и обязала государства признавать захват и угон воздушных судов в качестве преступления и применять суровые методы наказания в отношении лиц, совершивших такие преступления на борту воздушного судна (ст. 2). Именно в этом заключается главная заслуга этой конвенции. Здесь впервые в международном воздушном праве был закреплен принцип «выдай или сурово накажи» и установлена универсальная юрисдикция.

В ст. 1 Конвенция закрепляет определение лица, совершающего незаконный захват воздушного судна, следующим образом: лицо, которое незаконно, путем насилия или угрозы применением насилия, или путем любой другой формы запугивания, захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, совершает преступление. Преступником также признается лицо, которое является соучастником лица, которое совершило преступление.

Крайне важным аспектом установления ответственности за угон воздушного судна являлось установление периода, в котором судно находится в полете. Статья 3 Гагской конвенции 1970 г. устанавливает этот период с момента закрытия всех внешних дверей судна после погрузки и вплоть до открытия одной из таких дверей для осуществления выгрузки. Причем вынужденная посадка сама по себе не является прекращением полета судна. Общий смысл ст.ст. 4–7 заключается в том, что договаривающиеся государства принимают на себя обязанность строго наказывать преступника (либо задержать его до выяснения всех обстоятельств дела) или выдать его государству регистрации воздушного судна.

Гаагская конвенция 1970 г. была по своему содержанию прогрессивным договором для международного воздушного права. Однако ее минусом было то, что она закрепляла ответственность только за угон воздушных судов. Но угон был не единственным незаконным действием на борту воздушного судна или в его отношении. Поэтому уже в 1971 г. была принята Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (далее – Монреальская конвенция 1971 г.). Эта конвенция дублирует положения Гаагской конвенции 1970 г. относительно периода нахождения воздушного судна в полете, а также добавляет новое понятие – «эксплуатация» воздушного судна, которая охватывает гораздо больший промежуток времени. Воздушное судно считается находящимся в эксплуатации с начала предполетной подготовки и до истечения 24 часов с момента любой посадки. Подобное положение распространяется и на вынужденные посадки.

Положения о непосредственном наступлении уголовной ответственности и обязанности государств наказать или выдать виновных полностью дублируют положения, которые закреплены в Гаагской конвенции 1970 г.

Обобщить содержание Монреальской конвенции 1971 г. можно следующим образом: она закрепила положения об ответственности лиц за нанесение ущерба лицам и оборудованию на борту воздушного судна, который может привести к разрушению судна или угрожает безопасности полетов.

В начале 1970-х гг. казалось, что предприняты все необходимые меры и создан международно-правовой режим, полностью регулирующий борьбу с незаконными актами, направленными против гражданской авиации. Однако в 1985 г. произошли две террористические атаки в аэропортах Рима и Вены [11]. После этих событий стало ясно, что международное право должно защищать от террористических актов не только гражданские воздушные суда, но и аэропорты, которые обслуживают международную гражданскую авиацию. В 1988 г. был принят Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (далее – Монреальский протокол 1988 г.) [3]. По своей сути этот Протокол копирует положения самой Конвенции, применяя их к аэропортам и аэропортовому оборудованию.

Протокол добавил два новых состава преступления:

а) совершает акт насилия в отношении лица в аэропорту, обслуживающего международную гражданскую авиацию, который причиняет или может причинить серьезный ущерб здоровью или смерти; или

б) разрушает или серьезно повреждает оборудование и сооружения аэропорта, обслуживающего международную гражданскую авиацию либо расположенные в аэропорту воздушные суда, не находящиеся в эксплуатации, или нарушает работу служб аэропорта [3, ст. 2].

Соответственно, ст. 3 Протокола 1988 г. расширяет юрисдикцию государств в отношении новых составов действий, признаваемых преступлениями [3, ст. 3].

Следующим этапом развития концепции уголовной ответственности в международном воздушном праве можно считать принятие Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (далее – Пекинская конвенция 2010 г.). Эта конвенция расширила положения, закрепленные в Монреальской конвенции 1971 г., с учетом современных реалий и угроз. Например, в п. г ст. 1 преступлением признается использование воздушного судна для транспортировки, высвобождения и т. п. любого биологического, химического или ядерного оружия (далее – оружие БХЯ) [4].

Из-за событий 11 сентября 2001 г. Пекинская конвенция 2010 г. получила явно выраженную антитеррористическую направленность. Ни Конвенция, ни Протокол на сегодняшний день не вошли в силу (необходимо наличие 22 ратификационных грамот). Положения, устанавливаемые этой Конвенцией, вызывают множество споров и дискуссий как на государственном уровне, так и в научных кругах всего мира.

Для более полного понимания проблем Пекинской конвенции 2010 г. необходимо привести в пример положения ст. 1.

Согласно данной статье:

1. Лицо совершает преступление, если:

а) совершает акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; или

б) разрушает воздушное судно, находящееся в эксплуатации, или причиняет этому воздушному судну повреждение, которое выводит его из строя или может угрожать его безопасности в полете; или

с) помещает или совершает действия, приводящие к помещению на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить такое воздушное судно или причинить ему повреждение, которое выводит его из строя, или причинить ему повреждение, которое может угрожать его безопасности в полете; или

d) разрушает или повреждает аэронавигационные средства или вмешивается в его эксплуатацию, если любой такой акт может угрожать безопасности воздушных судов в полете; или

e) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасности воздушного судна в полете; или

f) использует воздушное судно, находящееся в эксплуатации, с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде; или

g) высвобождает или выбрасывает с борта воздушного судна, находящегося в эксплуатации, любое оружие БХЯ или взрывчатые, радиоактивные или аналогичные вещества таким способом, который причиняет или может причинить смерть, серьезное телесное повреждение или значительный ущерб имуществу или окружающей среде; или

h) использует против воздушного судна или на борту воздушного судна, находящегося в эксплуатации, любое оружие БХЯ или взрывчатые, радиоактивные или аналогичные вещества таким способом, который причиняет или может причинить смерть, серьезное телесное повреждение или значительный ущерб имуществу или окружающей среде;

i) выполняет перевозку, совершает действия, приводящие к перевозке, или способствует перевозке на борту воздушного судна:

1) какого-либо взрывчатого вещества или радиоактивного материала, зная, что они предназначены для причинения или создания угрозы причинения, с условием или без такового, как это предусмотрено национальным законодательством, смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба с целью запугать население, или вынудить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие, или воздержаться от него; или

2) любого оружия БХЯ, осознавая, что оно является оружием БХЯ, как определено в ст. 2; или

3) любого исходного материала, специально расщепляющегося материала либо оборудования или материала, специально предназначенных или подготовленных для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, сознавая, что они предназначены для использования в деятельности, связанной с ядерными взрывными устройствами, или в другой ядерной деятельности, не охватываемой гарантиями в соответствии с Соглашением о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии; или

— любого оборудования, материалов или программного обеспечения либо соответствующей технологии, которые вносят существенный вклад

в проектирование, производство или доставку оружия БХЯ, без законного разрешения и с намерением использовать их для такой цели.

2. Любое лицо совершает преступление, если это лицо незаконно и преднамеренно с использованием любого устройства, вещества или оружия:

а) совершает акт насилия в отношении лица в аэропорту, обслуживающем международную гражданскую авиацию, который причиняет или может причинить серьезный ущерб здоровью или смерть; или

б) разрушает или серьезно повреждает оборудование и сооружения аэропорта, обслуживающего международную гражданскую авиацию, либо расположенное в аэропорту воздушное судно, не находящееся в эксплуатации, или нарушает работу служб аэропорта, если такой акт угрожает или может угрожать безопасности в этом аэропорту [4].

Хотя многие положения данной статьи, так или иначе, копируют положения Монреальской конвенции 1971 г. и Протокола 1988 г., в Пекинской конвенции можно наблюдать принятие новых положений, которые, однако, представляются сомнительными. Так, п. g признает преступлением использование гражданского воздушного судна для применения БХЯ. Подобное использование гражданского воздушного судна представляется физически невозможным, учитывая конструкцию таких судов. Именно по этой причине многие государства высказываются о нецелесообразности ратификации Пекинской конвенции 2010 г., так как остальные положения этой Конвенции уже давно установлены иными международными договорами в сфере авиационной безопасности.

Кроме того, в Пекине в 2010 г. был принят Протокол, дополняющий Конвенцию о незаконном захвате воздушных судов (Гаагская конвенция 1970 г.) (далее – Пекинский протокол 2010). Главной задачей этого протокола было расширение перечня незаконных актов в отношении воздушных судов, которые признаются преступлениями. Так, ст. 1 меняет терминологию, использовавшуюся в Гаагской конвенции 1970 г. В конвенции использовалась формулировка «воздушное судно в воздухе», Пекинский же протокол 2010 г. предложил другое определение – «находящееся в эксплуатации». Важным также представляется положение п. b ст. 2, который устанавливает, что любое лицо совершает преступление, если «незаконно и преднамеренно вызывает получение любым лицом угрозы совершения такого преступления» [10].

Так, в п. 1 ст. 1 к лицам, признанными совершившими преступления, добавились лица, которые угрожают совершить преступление, за-

крепленное в п. 1 ст. 1 Монреальской конвенции 1971 г., и лица, провоцирующие подобные угрозы.

Кроме того, п. 3 ст. 1 добавил к этому перечню лиц, которые пытаются совершить такое преступление, организуют других людей или являются сообщниками в совершении преступления, а также помогают другому лицу избежать расследования, преследования и наказания за преступление.

В п. 4 ст. 1 государства обязуются также признавать преступными сговор для совершения подобных преступлений и содействие совершению преступления (не в качестве непосредственного соучастника) [10].

Перечисленные конвенции и протоколы установили ответственность за совершение действий, направленных на захват и уничтожение воздушных судов, имущества аэропортов, а также за любые действия террористического характера с использованием международной гражданской авиации. Были введены международно-правовые механизмы регулирования отношений между государствами по данным вопросам, которые продолжают действовать и по сегодняшний день. Стоит отметить, что современный мир отличается от мира 30-летней давности, и сегодня созрела острая необходимость в модернизации этих положений. Тем не менее переоценить вклад этих Конвенций и Протоколов в развитие ответственности в международном воздушном праве невозможно.

Подводя итог необходимо отметить, что, хотя международное воздушное право и предусматривает уголовную ответственность для лиц, совершивших в отношении гражданской авиации те или иные незаконные акты, тем не менее, существует ряд проблем в данном контексте.

Две основные проблемы вытекают из принципа «выдай или сурово накажи», который закреплен на международном уровне. Так, все перечисленные выше международные конвенции не обязывают государства выдать лиц, причастных к преступлениям, установленным международно-правовыми нормами. Данный вопрос будет решаться на двустороннем уровне между причастными государствами и, если, между ними нет соглашения о выдаче, то, в подавляющем большинстве случаев, такой выдачи не будет происходить. Во-вторых, понятие «сурово накажи» также сильно зависит от трактования и национального законодательства, что может значительно сказаться на отправлении уголовного наказания для виновных лиц.

Другой проблемой является уголовное преследование в соответствии с международными конвенциями лиц, участвовавших в террористиче-

ских актах против или с применением гражданской авиации, так как, в чаще всего преследовать просто некого.

Еще одной, но не такой очевидной проблемой в контексте уголовной ответственности в международном воздушном праве является то, что все указанные конвенции говорят о гражданской авиации. Следовательно, если для совершения террористического акта будет захвачено государственное воздушное судно, то применять данные конвенции к этому случаю уже нельзя. В этом случае все регулирование вопросов ответственности вновь возвращается на национальные законодательства и двусторонние переговоры.

Библиографический список

1. Diederiks-Verschoor, Wassenbergh H. A. An Introduction to Air Law. Netherlands // ICAO Doc. – № 9294. – Vol. 11.
2. Milde M. The Chicago Convention – her major amendments necessary or desirable 50 years later? // Annals of Air and Space Law. – 1994. – Vol. XIX-I. – P. 401–447.
3. Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports Serving International Civil Aviation 1988. Supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Civil Aviation 1971 // ICAO Doc. – 9518.
4. Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (подписана в Пекине 10 сентября 2010 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_convention.shtml (12.10.2017).
5. Конвенция о международной гражданской авиации. Чикаго, 7 декабря 1944 г. // ICAO Doc. – 7300/9.
6. Конвенция о регулировании воздушной навигации / Convention relating to the regulation of air navigation. Paris, 1919. Art. 1.
7. Конвенция об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности, подписана в Риме в 1952 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900321> (дата обращения: 12.10.2017).
8. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/airports.shtml (дата обращения: 12.10.2017).
9. Травников А. И. Международно-правовые проблемы борьбы с воздушным терроризмом // Закон и право. – Law and Legislation. – М. : Юнити-Дана, 2011. № 5. С. 104–107.
10. Протокол, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Пекин, 2010. URL: <http://www.un.org/ru/docu->

ments/decl_conv/conventions/beijing_protocol.shtml (дата обращения: 13.10.2017).

11. 1985 Rome and Vienna airport attacks: статья из свободной энциклопедии «Википедия». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/1985_Rome_and_Vienna_airport_attacks (дата обращения: 12.10.2017).

Денис Евгеньевич Дроздов¹,

адъюнкт кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЗЫВАЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

Качественные и количественные характеристики преступности в каждом отдельно взятом государстве обладают особенностями, обусловленными различными факторами, к которым могут быть отнесены состояние и уровень развития экономики, органов государственной власти, институтов гражданского общества, географическое положение, геополитическое влияние и многие другие. Не смотря на специфичность внутригосударственной преступности, она как явление социальное обладает определенными устойчивыми признаками, которые находят свое отражение в нормативных правовых актах, в том числе международного характера. Для минимизации ее негативных последствий, как правило, создается система профилактики, под которой на современном этапе развития общественных отношений понимается сложная, многогранная, многоуровневая деятельность компетентных государственных органов, уполномоченных должностных, заинтересованных частных лиц и организаций, имеющая конечной целью противодействие преступности и удержание ее уровня на относительно безопасном для общества уровне. Основой профилактической деятельности выступает учет видовой характеристики преступности, будь то насильственной, корыстной, политической или иной, к примеру, вызывающей общественный резонанс.

Эффективное управление государством достигается путем организации деятельности представителей власти, которые исходя из своего статуса, необходимого для исполнения обязанностей наделяются не только дополнительными правами и обязанностями, но и несут повышенную

¹ © Дроздов Д. Е., 2018.

ответственность, вплоть до уголовной. В силу публичного характера деятельности представителей власти, в том числе должностных лиц правоохранительных органов, и сам процесс осуществления должностных полномочий, и конечный результат, оцениваются населением, а с развитием интернета и иных СМИ, становятся доступной еще большей аудитории. Культивируемый десятилетиями СМИ интерес к состоянию преступности в мире, стране, регионе и повторяемая бурная реакция населения на отдельные сведения о совершенных преступлениях, свидетельствует о необходимости исследования преступлений, вызывающая общественный резонанс [7].

К данной категории относятся преступления, как совершенные должностными лицами правоохранительных органов, так и связанные с применением к ним насилия, в процессе исполнения должностных обязанностей. В дополнение к признаку публичности исполнения обязанностей должностными лицами правоохранительных органов, позволяющему отнести данный вид преступлений к преступлениям, вызывающим общественный резонанс добавляются: особый статус, специфичный вид деятельности, связанный с предупреждением преступлений. Должностное лицо правоохранительного органа в процессе исполнения обязанностей, являясь субъектом профилактической деятельности становится потерпевшим [5]. Некоторые зарубежные исследования подтверждают, что насильственные действия, совершенные в отношении должностных лиц правоохранительных органов, привлекают повышенное общественное внимание [1]. В результате в массовом сознании формируется негативная установка, обоснованием которой является утверждение: если должностное лицо правоохранительного органа не может защитить себя, как оно защитит окружающих.

В уголовном законодательстве России и ряда государств содержатся нормы, предусматривающие уголовную ответственность за применение насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов. Для УК Голландии характерна такая форма насилия, как сопротивление. Статья 180 УК Голландии гласит, что «лицо, которое актом насилия или угрозой насилием оказывает сопротивление публичному служащему в законном исполнении его обязанностей или любым лицам, которые помогают этому публичному служащему делать это согласно правовой обязанности или оказывают помощь по его просьбе, виновно в оказании сопротивления публичному служащему и подлежит сроку тюремного заключения не более одного года и штрафу третьей категории».

Согласно части 1 статьи 113 УК Германии «тот, кто, применяя насилие или угрожая применением насилия, оказывает сопротивление должностному лицу или солдату немецких вооруженных сил (Бундесвера), призванному исполнять законы, подзаконные нормативные акты, приговоры, судебные постановления или распоряжения и находящемуся при исполнении этих служебных действий, или нападает на него при их исполнении» подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет. Частью 2 статьи предусмотрены квалифицированные признаки преступления: «исполнитель или другой участник имеет при себе оружие или иное опасное орудие с целью его применения» [13]; «исполнитель посредством применения насилия подвергает потерпевшего смертельной опасности или нанесению тяжкого вреда здоровью» [3].

В соответствии со статьей 550 УК Испании «виновным в такого рода посягательстве признается тот, кто нападает на должностное лицо, его представителя или государственного служащего, либо применит силу против них, либо осуществит тяжкое запугивание, либо окажет им тяжкое сопротивление, во время осуществления ими своих должностных обязанностей или по поводу их осуществления». Частью 1 статьи 551 УК Испании установлены виды и размеры наказания в зависимости от того, кто является потерпевшим. Если преступление совершено в отношении должностного лица, то наказанием является тюремное заключение на срок от двух до четырех лет и штраф от трех до шести месячных заработных плат. Статьей 552 УК Испании предусмотрены увеличенные на ступень выше наказания, если при совершении преступления, предусмотренного в том числе и статьей 550 УК Испании, использовалось оружие или оно совершено иным опасным способом, а также если виновный использовал свое положение должностного лица, его представителя или служащего. Отдельно статьей 553 УК Испании предусмотрена ответственность за деяние, содержащее в себе «подстрекательство, сговор и предложение совершить преступление» – преступные посягательства против должностных лиц.

Статьей 433-6 УК Франции, закреплено понятие неповиновение «деяние, выразившееся в оказании насильственного сопротивления какому-либо лицу, обладающему публичной властью или выполняющему обязанности по государственной службе, действующему при осуществлении своих обязанностей с целью приведения в исполнение законов, распоряжений органов государственной власти, судебных решений или приказов». Для УК Франции характерным является определение допол-

нительной ответственности за неповиновение, «совершенное в присутствии людей. Частью 1 статьи 433-8 УК Франции предусмотрена ответственность за «вооруженное неповиновение», а частью 2 статьи за «вооруженное неповиновение, совершенное в присутствии людей». Заслуживающим внимания является законодательный опыт Франции по закреплению уголовной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 433-10 УК Франции в виде штрафа за «прямое склонение к неповиновению, выраженное либо в публичных криках, либо расклеенных или распространенных листовках, либо совершенное любым другим способом передачи текста, речи или изображения». Частью 2 статьи предусмотрена ответственность за деяние, совершенное при помощи средств массовой информации. Для определения виновного лица применяются специальные законы, регулирующие деятельность СМИ [14].

Отдельные вопросы уголовной ответственности за исследуемый вид преступлений нашли свое отражение в законодательстве США. УК штата Нью-Йорк стал своеобразным ориентиром и оказал существенное влияние «для дальнейших успехов кодификации уголовного права в других штатах» [9] США. Так, статьей 120 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк (нападение и родственные ему посягательства) параграф 120.11, предусмотрена уголовная ответственность за нападение на полицейского «лицо виновное в тяжком нападении на служащего полиции, если с намерением причинить тяжкий телесный вред лицу, которое как ему известно или как оно должно разумно полагать, является служащим полиции ..., осуществляющим свои официальные обязанности, оно причиняет такое вред посредством смертоносного оружия, если таковым является огнестрельное оружие» [8]. Еще одной отличительной особенностью уголовного права США является учет официального статуса потерпевшего и исполнение обязанностей по службе полицейским «отягчающим обстоятельством УК большинства штатов» [12].

Таким образом, законодатель зарубежных государств устанавливает уголовную ответственность за данный вид преступлений с учетом особенностей криминальной и иной обстановки в обществе. Международным сообществом выработаны рекомендации по предотвращению насилия. В исследовании «Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире» проведенном Всемирной организацией здравоохранения, первом масштабном исследовании проблем насилия на международном уровне, сформулированы рекомендации по его профилактике:

- разработка национального плана по предотвращению насилия, его исполнение и отслеживание;

- расширение сбора данных о насилии;
- определение приоритетов при исследовании причин и последствий насилия, ущерба, причиняемого им, а также способов его предотвращения;
- содействие первичному предотвращению насилия;
- предоставление большей и лучшей помощи жертвам насилия [10].

Рекомендации международного сообщества могут быть реализованы применительно к проблемам исследования насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов с учетом специфики потерпевшего, причин, обуславливающих насилия в контексте исполнения профессиональных обязанностей. При этом специфика насилия в исследуемом контексте меняет представления о профилактической деятельности определяя его начало этапом планирования, под которым понимается «деятельность по разработке последовательности осуществления системы мер, направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений» [6, с. 148].

Система норм права, закрепившая уголовную ответственность, напрямую влияет на процесс предупреждения преступлений. Проблемам изучения и предупреждения насилия в отношении сотрудников полиции повышенное влияние уделяется в ФРГ, где был реализован один из первых масштабных проектов «Насилие в отношении полицейских, 1985–2000», а на его основе в период с 2009 по 2012 г. Криминологическим исследовательским институтом земли Нижняя Саксония проведены исследования динамики насилия в отношении полицейских, ее причинах, правовых последствиях для нападающих и возможностях предотвращения или уменьшения нападений и минимизации ущерба. По результатам исследования сформулированы выводы о допускаемых сотрудниками полиции типичных ошибках, которые являются предпосылками совершения насильственных действий, к которым отнесены:

- недостаточный уровень взаимодействия с коллегами;
- применение специального средства палка резиновая;
- запрос выделения дополнительных сил, который слышит нападающий;
- нарушения в процессе вербального общения с нападающим;
- применение специальные газовые средства [11].

Каролина Элликхр, Дирк Байер, Кристиан Пфайффер в рамках исследования «Polizeibeamte als Opfer von Gewalt. Ergebnisse einer Befragung von Polizeibeamten in zehn Bundesländern», профилактические меры раз-

делили на три части: непосредственно для должностных лиц правоохранительных органов, для руководителей и общесоциальные.

В числе профилактических мер, адресованных должностным лицам правоохранительного органа сформулированы предложения:

- изучение способов преодоления насилия в процессе получения образования;
- учет ситуаций (возникающих в процессе несения службы) одним из вариантов развития которых может явиться применение насилия, например, проведение патрулирования в неблагополучных районах;
- использования для реагирования на происшествия, связанные с насилием в семье, сотрудников полиции женского пола;
- получение дополнительной информации о лицах, в отношении которых запланировано применение мер принуждения (сведений о криминальном прошлом, признаках опьянения, наличие огнестрельного оружия, психических заболеваний);
- совершенствование навыков вербальной коммуникации, соблюдение дистанции, оценка состояния гражданина посредством предварительного общения;
- использование защитного оборудования.

В качестве профилактических мер, для руководителей должностных лиц правоохранительных органов сформулированы предложения:

- с учетом психологических нагрузок, вызванных процессом применения насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов, корректировка образовательных программ и процесса обучения;
- разработка устройства, которое защищает шею, плечи и спину, не слишком ограничивая движения;
- ведомственный контроль за каждым фактом применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа, учет допущенных ошибок и создание условий по их недопущению в будущем;
- оказание квалифицированной юридической помощи, пострадавшим должностным лицам правоохранительных органов на этапе уголовного судопроизводства, либо в рамках проведения внутренних проверок;
- создание условий, для оказания немедленной и последующей, в том числе психологической помощи пострадавшему должностному лицу, поскольку после применения насилия у значительной части пострадавших имелись проблемы со сном и иные негативные явления;
- создание специального подразделения (отдела, отделения в правоохранительном органе) по рассмотрению обращений, связанных с при-

менением насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов, в обязанности которого будет входить изучение допущенных ошибок и устранение условий им способствующих;

- разработка новых учебных курсов, а также оценка уже имеющихся тренингов;

- рассмотрении виктимизации как проблемы каждого должностного лица правоохранительного органа.

К профилактическим мерам общесоциального характера исследователями были отнесены:

- создание позитивного образа должностного лица правоохранительного органа среди отдельных категорий (мигранты, дети, подростки), в том числе путем распространения соответствующей литературы, проведения тематических информационных дней, либо прямого и непосредственного общения с гражданами;

- корректировка деятельности судов в части установления наказания, за применение насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа, равного, либо большего за аналогичное деяние, предусмотренное в отношении субъекта, не обладающего статусом должностного лица;

- профилактика потребления алкоголя, путем запрета его рекламы и иными способами;

- противодействие провокациям, со стороны отдельных социальных групп (к примеру политических) провоцирующих применение насилия [1].

Phillip Marotta, Joel M. Caplan в своей статье «Felonious Assault and Injury to Law Enforcement: Epidemiology and Spatial Risk Factors» приводят рекомендации по предотвращению нападений на должностных лиц правоохранительных органов, к которым относятся:

- учет всех фактов применения насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов;

- получение упреждающей информации о пространственных факторах риска;

- оценка каждого вызова должностных лиц правоохранительных органов на сообщение о происшествии или преступлении с учетом факторов окружающей среды, которые могут свидетельствовать о применении насилия;

- сотрудничество с местными органами власти;

- проведение регулярных тренингов;

– учет сочетания пространственных и временных факторов риска [2].

Отдельным направлением предупреждение насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов выступает разработка практических рекомендаций в сфере предупреждения преступности [4]. Практическое руководство обладает потенциалом и в повышении авторитета полиции, и в повышении качества взаимодействия с органами государственной власти, а в долгосрочной перспективе будет оказывать позитивное воздействие на снижение уровня насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов. Безусловно, что «в предупредительной деятельности должны быть задействованы все субъекты, тем или иным образом связанные с деятельностью, направленной на предупреждение преступлений» [6, с. 147–152]. Изучение зарубежного опыта предупреждения преступления, связанных с применением насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов позволяет рассматривать эту проблему в качестве мировой. Она характерна для подавляющего большинства стран независимо от уровня развития. Многие предложения зарубежных ученых могут быть успешно реализованы в России.

Библиографический список

1. Karoline Ellrich, Dirk Baier, Christian Pfeiffer «Polizeibeamte als Opfer von Gewalt. Ergebnisse einer Befragung von Polizeibeamten in zehn Bundesländern». URL: <http://www.innenministerkonferenz.de/IMK/DE/termine/to-beschluesse/File&v=2> (дата обращения: 15.10.2017).
2. Phillip Marotta, Joel M. Caplan в своей статье «Felonious Assault and Injury to Law Enforcement: Epidemiology and Spatial Risk Factors». [URL: http://www.rutgerscps.org/uploads/2/7/3/7/27370595/po-feloniousassault_marottacaplan_dec2013.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
3. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : научно-практический комментарий. – М. : Проспект, 2014. – С. 131.
4. Григорьев П. Е., Васильева И. В., Иванцов С. В., Игнатов А. Н. Параметры интуиции и стандартизация нормативных данных для сотрудников МВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 196–200.
5. Дроздов Д. Е. Актуальные проблемы предупреждения преступлений, вызывающих общественный резонанс // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сборник материа-

лов Третьей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриддиантова. – М. : РГУП, 2016. – С. 416–421.

6. Иванцов С. В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 7.

7. Иванцов С. В., Дроздов Д. Е. Нарушение специальных правил как криминогенный фактор применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 4 (22). – С. 96–101.

8. Козочкин И. Д. Уголовное право Соединенных Штатов Америки : сборник нормативных актов. – М. : Изд-во Университета дружбы народов, 1985. – С. 136.

9. Кочемасов А. В. исторических опыт кодификации уголовного права в США в XIX – начале XXI в. : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 110–111.

10. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Этьен Г. Круга и др. ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2003. – С. 255–257.

11. Пфайффер Х. Насильственные действия в отношении полицейских // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 3 (25). – С. 128–134.

12. Тепляшина О. В. Уголовно правовая охрана здоровья лица в связи с выполнением им служебного или общественного долга // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 232.

13. Уголовный кодекс Голландии. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – С. 315–316.

14. Уголовный кодекс Испании. – М. : Зерцало, 1998. – С. 168.

Кирилл Евгеньевич Зикунков¹,

слушатель 509 учебного взвода факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений по охране
общественного порядка Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

Александра Евгеньевна Симонова²,

доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ УГРОЗЫ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Взаимодействие государств и международных организаций в борьбе с преступностью может быть эффективным лишь при высокой степени координации, а также развитой правовой базе, уходящей своими корнями глубоко в историю [7], позволяющей обеспечивать своевременное реагирование на рост и развитие международной преступности. Современный терроризм является циничным и многоликим. Если на этапе, когда данное явление только зарождалось, целью большинства терактов являлось, как правило, уничтожение конкретных лиц, сегодня данная задача сводится к массовому уничтожению людей, подрыву материального благосостояния, разрушению культурных ценностей.

В последнее время также возрастает социально-политический эффект от производства теракта, а их организаторам и исполнителям удается расширять географию, увеличивать масштабы и усиливать изощренность террористических действий. Сегодня для того, чтобы достигнуть цель, террористы готовы использовать абсолютно любые средства без всяких ограничений [12].

Кроме того, растет материальная оснащенность, а также технические возможности террористов, которые используют современные информационные технологии, кибертехнологии, завладевают оружием массового поражения. Вследствие этого терроризм претерпевает видоизменения. Растет количество терактов, возрастает количество пострадавших от него, зачастую терроризм носит интернациональный характер, а преступные организации используют этнорелигиозный фактор. При этом они отличаются повышенным уровнем организованности террористической

¹ © Зикунков К. Е., 2018.

² © Симонова А. Е., 2018.

деятельности, создавая крупные организации с развитой инфраструктурой, повышая уровень финансирования террористической деятельности, стремясь захватить в том числе оружие массового поражения.

Современная история уже знает случаи совершения террористических актов с использованием оружия массового поражения. Так, например, в 1984 г. в США (штат Орегон) преступной группировкой «Раджнишис» ресторанная еда была заражена вирусом сальмонеллы, целью при этом стало проведение местных выборов, в результате которых пострадало 753 человека [6].

Группа экстремистской направленности «Патриотический совет» предполагала возможность применения биологических веществ типа «рицин», которые были произведены из касторовых бобов, против сотрудников правоохранительных органов. В 1995 году американец незаконно раздобыл на ферме в Мериленде три флакона возбудителей бубонной чумы. При этом правоохранительные органы арестовали его и обвинили в терроризме [9].

В 2001 году особо актуальной стала проблема распространения путем почтовых отправок вирус сибирской язвы, который имел место и в США, и в России [8].

Масштабы производимых действий свидетельствуют в большей степени о психологическом воздействии, чем о широком масштабном терроризме. Однако нельзя игнорировать тот факт, что в будущем террористы могут применить биологическое оружие в качестве оружия массового поражения.

Президент Российской Федерации В. В. Путин не раз подчеркивал важность разработки систем по противодействию терроризму, в том числе и биологическому.

Однако не все ученые придерживаются того мнения, что биотерроризм является реальной угрозой как для России, так и для всего мирового сообщества в целом. Некоторые из них считают, что вокруг биологического терроризма создается лишь ажиотаж, так как его последствия нельзя предсказать для общества. Чем больше говорить о биотерроризме, тем больше вероятность того, что террористы начнут применять для совершения террористических актов именно биологическое оружие.

Другие авторы считают, что изучение явления биологического терроризма необходимо [10]. Поскольку, во-первых, здесь можно определить реальность данной угрозы, а также наметить возможные направления противодействия им. Во-вторых, независимо от того, говорим или пишем мы о биологическом терроризме, террористам и так известно о его

существовании. В-третьих, для нарушителей необходимо осознание того, что осуществляя террористический акт с применением биологического оружия, они практически перестают его контролировать. Последствия такого террористического сложного акта крайне сложно спрогнозировать [11].

В настоящее время отсутствует легальное понятие «биологического терроризма». Ряд авторов понимают под ним «умышленное применение отдельными лицами, террористическими группами или организациями биологических средств поражения людей, сельскохозяйственных животных и культурных растений с целью уничтожения или вывода из строя людей, нанесения больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии поведения в решении внутренних и внешних споров» [5].

Авторы при этом делают значительный упор на негативные последствия такого вида терроризма:

1) медицинские последствия, то есть массовые заболевания людей, сопровождаемые тяжелым течением болезней, высоким процентом летальных исходов, паникой, страхом, нервно-психическими расстройствами, инвалидностью, параличом воли, истощением медицинских ресурсов, нарушением работы лечебных учреждений;

2) экономические последствия, то есть связанные с заболеванием сельскохозяйственных животных, их уничтожением, уничтожением сельскохозяйственных культур, основная часть которых выступает в качестве важнейшего источника питания для населения, что приведет к массовому голоду, росту числа беженцев, негативным экономическим факторам, проведению карантинных и иных мероприятий, созданию обстановки недоверия к руководителям страны и так далее;

3) демографические последствия, так как террористический акт всегда направлен на уничтожение населения, причем как отдельных его групп, так и целых народов;

4) социальные последствия, а именно создание паники и психологического напряжения в обществе.

Исходя из обозначенных признаков, а также самого определения биологического терроризма можно сделать вывод, что субъектами данного преступления будут являться террористические организации, группы лиц или террористы-одиночки. Однако сегодня можно также говорить о том, что субъектом данного преступления могут являться и отдельно взятые государства или их государственные органы. Об этом может свидетельствовать тот факт, что с каждым годом появляется все

больше вирусов и штаммов, которые были ранее неизвестны медицине и являются причиной массовой смертности в различных регионах по всему миру.

Объектами данного преступления могут выступать продукты питания, а также объекты, где осуществляется их производство, хранение, потребление, например, кафе, рестораны, водохранилища и так далее. Особую опасность при биологическом терроризме представляет его скрытый характер, поскольку не всегда можно отличить несчастный случай от конкретного акта терроризма.

Правовую основу противодействия терроризму в России составляют Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты (например, Конвенция по запрещению бактериологического оружия 1971 г.), Федеральный закон «О противодействии терроризму» и другие федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства и акты других федеральных органов государственной власти.

Необходимо отметить, что в последнее время в России активно развивается антитеррористическое законодательство, предпринимаются все новые и новые меры по противодействию терроризму. Кроме того, ответственность за преступления и правонарушения террористического характера предусмотрена в УК РФ и в КоАП РФ.

Говоря о международно-правовом регулировании данного вопроса, нужно отметить следующее. Конвенция по запрещению бактериологического оружия [1] не содержит понятия биологический терроризм. Более того, данная конвенция вообще ни в одном пункте не упоминает связь биологического оружия с терроризмом, что является несомненным упущением. Статья II данной Конвенции говорит о необходимости мирного использования микробиологических или других биологических агентов, или токсинов, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в количествах, не предназначенных для профилактических, защитных или других мирных целей; оружия, оборудования или средств доставки, которые предназначены для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах.

Как можно обратить внимание, здесь говорится об использовании биологического оружия только во враждебных целях или при вооруженных конфликтах, терроризм не упоминается.

Статья IV данной конвенции предусматривает запрет на разработку, производство, накопление, приобретение, сохранение опасных биоло-

гических объектов на территории государств. Анализ иных статей также не выявляет связь международно-правовых норм с биологическим терроризмом.

Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. содержит понятие технологического терроризма, который включает в свой состав понятие биологического терроризма, говоря об угрозе или использовании биологического оружия в террористических целях (ст. 1). При этом ст. 11 Договора предусматривает возможность для сторон договора обмениваться информацией о биологическом оружии [3].

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [4] в ст. 7 предусматривает незаконное использование биологического оружия с целью совершения теракта, однако не регламентирует подробно данный вопрос.

Таким образом, несмотря на существующее нормативное правовое регулирование данного вопроса, на сегодняшний день существует необходимость в разработке и утверждении комплекса мероприятий по противодействию биологическому терроризму.

На наш взгляд, в данной сфере возможны следующие предложения:

1) тесное международное сотрудничество по вопросам противодействия биологическому терроризму, в том числе усиление контроля за соблюдением вышеуказанной Конвенции;

2) необходимость включения в программу государственной подготовки сотрудников правоохранительных органов, вооруженных сил Российской Федерации, изучение комплекса мероприятий по предотвращению террористических актов с использованием биологического оружия;

3) особенности проведения антитеррористических мероприятий, способах выявления готовящихся террористических актов, основных характеристик данного вида терроризма;

4) организовать изучение статистики террористических актов, с анализом их причин и географии;

5) изучить основные биологические характеристики терроризма с применением конкретных биологически опасных веществ, а также возможные последствия от их применения и средства защиты в данных случаях;

6) организовать обучение населения по правилам защиты и порядку действий в случае совершенного террористического акта с использованием биологически опасных веществ, а также оказания первой помощи пострадавшим;

7))активное противодействие распространению террористической идеологии через средства массовой информации и сеть «Интернет»;

8) заблаговременно разместить необходимые ресурсы для оперативного реагирования на применение биологически опасных веществ с учетом различных вариантов ситуаций;

9) заблаговременное планирование с привлечением специалистов-биологов, химиков, медицинских работников порядка действий при возникновении чрезвычайных ситуаций с применением биологически опасных веществ.

Библиографический список

1. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 16 декабря 1971 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 18.09.2017).

2. Конвенция о физической защите ядерного материала (Вместе с «Уровнями физической защиты, применяемой при международной перевозке ядерного материала», «Классификацией ядерного материала») (Заключена в г. Вене 26.10.1979 г.) (с изм. от 08.07.2005 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. – М., 1989. С. 105–115.

3. Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901824672> (дата обращения: 19.09.2017).

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901812033> (дата обращения: 18.09.2017).

5. Коновалов П. П., Арсентьев О. В., Буянов А. Л., Шперлинг Н. В. Международные правовые акты, закрепляющие основы деятельности в борьбе с биотерроризмом // Пермский медицинский журнал. – 2015. – Т. 32. – № 1. – С. 116–124.

6. Костенко Г. А. Биологический терроризм – старая проблема с новым лицом // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2013. – № 4. – С. 73–76.

7. Лимонцева В. А. Классификация законов в средневековой правовой мысли // Российское правосудие. – 2008. – № 2. – С. 103.

8. Онищенко придумал свой ответ на «закон Магнитского»: принять «закон сибирской язвы». URL: <http://gazetavv.com/news/world/72429->

onischenko-predlozhlil-svoy-otvet-na-zakon-magnitskogo.html (дата обращения: 19.09.2017).

9. Симанович Л. Н. Нормативно-правовое регулирование предупреждения химического и биологического терроризма в рамках международного сотрудничества // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 1 (17). – С. 60–64.

10. Симонова А. Е. Международно-правовое противодействие распространению и применению биологического оружия // Публичное и частное право. – 2011. – № 4. – С. 45.

11. Шпаковский Ю. Г. Формирование государственной политики в сфере противодействия химическому и биологическому терроризму: правовые аспекты // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2011. – № 1. – С. 20–25.

Петр Иванович Иванов¹,

главный научный сотрудник научно-исследовательского
центра заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России
доктор юридических наук профессор

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЕ

Противодействие финансированию терроризма и экстремизма МВД России рассматривает как одно из приоритетных направлений деятельности территориальных органов МВД России и их подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБиПК). Названная функция в соответствии с приказом МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 возложена на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России (в котором создан специализированный отдел) и управления экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБиПК) территориальных органов МВД России на региональном уровне.

В соответствии с указанием МВД России от 15.04.2015 г. № 1/2859 в структуре отделов и управлений экономической безопасности территориальных органов МВД России сформированы аналогичные подразделения, работа которых направлена на *противодействие финанси-*

¹ © Иванов П. И., 2018.

нию терроризма, религиозного экстремизма, националистического экстремизма и экстремистских организаций.

Тем самым указанные подразделения в системе ОВД стали выступать головной службой по организации ОРД по противодействию финансированию экстремистской деятельности.

Как нам представляется, в целях успешного решения названной задачи оперативно-розыскная работа должна быть организована:

- во взаимодействии с подразделениями по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России, а также территориальными подразделениями ФСБ России и Росфинмониторинга. В России запустили механизм внесудебной заморозки активов лиц, имеющих отношение к терроризму. Росфинмониторинг совместно с ФСБ и банками научился выявлять террористов по модели их финансового поведения, в результате чего было нейтрализовано порядка 200 подозреваемых [8];

- путем разработки и проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных в первую очередь на **выявление и устранение источников и каналов финансирования** террористических и экстремистских организаций, осуществляющих деструктивную деятельность в ходе **избирательной кампании**;

- посредством принятия мер по **оперативному прикрытию объектов первоочередной заинтересованности**. При этом в первоочередном порядке под таким прикрытием должны находиться структуры, подконтрольные сторонникам радикального Ислама, выходцам из стран Ближнего Востока, Центральной и Средней Азии. По-прежнему в Северо-Кавказском регионе складывается сложная оперативная обстановка. На его территории **зафиксировано наибольшее количество фактов финансирования терроризма и незаконных вооруженных формирований**.

Исследователи отмечают, что основными **условиями**, оказывающими негативное влияние на оперативную обстановку, являются нестабильная социально-экономическая ситуация, **проблема с трудоустройством населения, а также коррупция в органах государственной власти**.

Также необходимо отметить заметное усиление в последнее время пропаганды радикального ислама **через Интернет**, в результате которой в террористические ячейки вовлекаются граждане, недовольные своим положением в жизни или попавшие под психологическое воздействие вербовщиков.

На сайтах и страницах социальных сетей, создаваемых в сети Интернет, размещаются материалы информационно-пропагандистского характера. Тем самым идеология терроризма получает все большее распространение. Так, в частности, осуществляется пропаганда идеологии международной террористической организации «Хизб-ут Тахрир аль-Ислами» и вовлечение в данную организацию новых членов.

Кроме того, к дестабилизирующим факторам относятся вооруженные конфликты на Ближнем и Среднем Востоке (в Сирии, Ираке, Афганистане), в которых принимают участие граждане Российской Федерации, а также на территории Донецкой и Луганской народных республик и Украины.

Финансирование экстремистской деятельности отличается высокой латентностью. Лица, его совершающие, чаще всего используют замаскированные способы. Для прикрытия прибегают к заключению фиктивных сделок. Таким путем внешне правомерные операции позволяют экстремистским организациям получать материальные и финансовые средства.

Информация о каналах и источниках финансирования, физических и юридических лицах, причастных к противоправным действиям, как правило, официально в подразделения по противодействию экстремизму (ПЭ) и ЭБиПК не поступает, действия преступников завуалированы. Круг лиц, знающих об этом, весьма ограничен. Контролирующие и иные государственные органы не всегда их выявляют. В этих условиях сотрудники названных подразделений основной упор делают на инициативный поиск.

Криминальный экстремизм – это относительно массовое, уголовно-правовое явление, складывающееся, во-первых, из организованных преступных формирований и их участников и, во-вторых, из совокупности преступлений экстремистской направленности (в основном тяжких или особо тяжких), совершенных ими на определенной территории за конкретный период времени.

В зависимости от направленности преступной деятельности преступные сообщества экстремистской направленности монополизировать отдельные виды преступной деятельности.

Экстремистская преступность, как и преступность в целом, – сложное социальное явление, связанное с противоречиями в экономических и социально-политических процессах, происходящих в обществе.

На современном этапе развития экстремистской преступности отчетливо проявляются следующие тенденции:

1) значительное ее омоложение. Если в прошлые годы средний возраст экстремистов составлял 40 и более лет, то в последнее время 70 % экстремистов совершают преступления в возрасте 19–30 лет. Лидеры экстремистских организаций в своей деятельности делают опору на молодежь (неформальные объединения националистов, футбольные болельщики-фанаты и т. п.);

2) стремление к лидерству в преступной среде посредством увеличения криминального «стажа» экстремистов. Переход происходит от совершения менее тяжких к тяжким преступлениям, например от краж к грабежам или разбоям;

3) групповой характер совершаемых ими преступлений (высокая степень организованности и профессионального мастерства экстремистов);

4) оказание на неустойчивых лиц, вредное влияние.

Криминальный экстремизм для органов внутренних дел на сегодня представляет одним из объектов пристального внимания. Под криминальным экстремизмом мы понимаем совокупность преступлений экстремистской направленности, перечень которых приведен в указании Генеральной прокуратуры РФ № 797/11, МВД России № 2 от 13 декабря 2016 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности» (Перечень № 20). Практика борьбы с ним показывает, что экстремизм в первую очередь отличается от иных явлений многообразием его проявлений. По данным приложения № 20 [5], 38 составов преступлений отнесены к числу деяний экстремистской направленности. Нельзя не заметить, что «количество преступлений экстремистской направленности достаточно мало по сравнению с общим количеством совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, однако каждое из них вызывает повышенный общественный резонанс и может дестабилизировать социально-политическую обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом» [7]. Между тем, по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», на протяжении последних пяти лет происходит устойчивый рост преступлений экстремистской направленности. Следует также отметить то обстоятельство, что значительное количество из их числа совершается с помощью сети «Интернет».

К сожалению, наблюдается процесс широкомасштабной экспансии радикальных течений ислама. Некоторую активность проявляют эмиссары таких организаций, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Таблиги Джамаат», «Имарат Кавказ», «Нурджулар», «Ат-Такфир валь-Хиджра»,

которые преследуют цель распространения радикальных течений ислама по всему миру, в том числе путем вооруженной борьбы – «джихада» и создания «халифата» – исламского государства, основанного на законах шариата.

Говоря об этом, мы должны вести речь об экстремистской преступности, рассматриваемой нами как совокупность экстремистских уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

Термин «экстремистская преступность» впервые стал употребляться в учебниках по криминологии, а потому экстремистская преступность как разновидность преступности первым стала предметом криминологического исследования.

Так, в учебнике по криминологии под общей редакцией А. И. Долговой экстремистская преступность определяется как один из видов преступности, представляющий собой совокупность преступлений, характеризующихся признаками экстремизма [3]. Признаки в свою очередь должны быть определены в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (п. 1 ст. 1). Однако профессор В. В. Лунеев полагает, что «в ст. 1 данного Закона «Основные понятия» нет четкого, однозначного определения экстремизма. Перечень различных аспектов экстремистской деятельности чрезвычайно велик, а формулировки весьма расплывчаты. Некоторые экстремистские действия, упомянутые в Законе, не внесены в УК РФ, хотя и преподносятся как противозаконные» [4]. Можно отчасти согласиться с мнением профессора В. В. Лунеева, на сегодня понятие «экстремизм» законодатель определил не как социально-правовое явление, а как совокупность противоправных действий. В связи с этим вряд ли уместно говорить о признаках экстремизма как состоявшегося явления.

Изучение нормативных правовых актов, а также юридической литературы показало, что неоднозначно определяется понятие «противодействие экстремизму». Между тем мы считаем большим достижением принятие Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г., в которой и дается рассматриваемое понятие. В частности, под противодействием экстремизму понимается деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступле-

ний экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма. Из приведенного определения, на наш взгляд, вытекает и противодействие финансированию экстремизма, поскольку вряд ли можно говорить об устранении причин экстремистских проявлений, если не удастся своевременно выявить и устранить источники и каналы финансирования экстремистской деятельности. Даже в Международной конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) на это обстоятельство обращается пристальное внимание. Из нее приведем буквально следующее: мировое сообщество в целом осуждает финансирование терроризма и оно для него является предметом серьезной озабоченности; количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ. Не лучше обстоит дело, когда речь заходит о финансировании экстремистской деятельности. Многие исследователи утверждают, что ее интенсивность в первую очередь зависит от объема средств, которыми располагают националистические, радикально религиозные, этнические и иные организации и структуры. Так, А. И. Добаев, изучая вопросы, связанные с неофициальными финансово-расчетными системами, отмечает, что «финансирование терроризма представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно проводить террористические акции без наличия денежных средств» [1].

Возвращаясь к понятию «противодействие экстремизму», для сравнения приведем лишь одно определение, которое исследователями изложено следующим образом: противодействие экстремизму – это деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, направленных на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение целостности и национальной безопасности государства, выявление и устранение причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также на предупреждение, выявление, пресечение экстремистской деятельности и ликвидацию ее последствий. Как видим, много сходств с приведенным выше понятием. Есть и различия. В частности, в субъектах противодействия экстремизму. Если в первом случае во многом подчеркивается роль и значение правоохранительных органов в решении задач, связанных с противодействием экстремизму, то во втором – широкий спектр субъектов, которые должны принимать в этом участие.

Не вступая в дискуссию из-за ограниченности объема настоящей статьи, отметим, что то определение, которое сформулировано в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., оно,

на наш взгляд, на сегодня является базовым. Мы разделяем такой подход.

Что же касается финансирования экстремистской деятельности, то обратимся к Уголовному закону (ч. 1 ст. 282.3). Указанная статья гласит: *«Финансирование экстремистской деятельности – предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации»*.

Данная норма принята в июне 2014 г., однако она пока что слабо «приживается» в правоприменительной практике, в первую очередь оперативно-следственной. Как показало выборочное изучение литературных источников, исследователей в большей мере интересует финансирование терроризма, нежели экстремизма, так как отсутствует необходимая для обобщения практики.

Невольно возникает вопрос: «Какими же ресурсами располагают, например, террористические группировки?». Безусловно, не простой вопрос. Многие исследователи также задались этим вопросом. Обратимся к трудам А. И. Добаева [1, 2], которого интересовали только цели, на которые используются денежные средства, экспертная оценка затрат, но и источники финансирования и модели финансирования терроризма.

Говоря о финансировании терроризма, нет особой необходимости объяснять существующую взаимосвязь между этим явлением и экстремизмом. О наличии такой связи ни у кого вопросов не возникает.

Итак, по утверждению А. И. Добаева, террористические группировки имеющиеся у них денежные средства тратят на достижение ряд целей. Автор их условно делит на инфраструктурные и непосредственные. *К первой группе* относит такие расходы, как: подготовка боевиков на территории определенных стран; создание собственных структур в коммерческой и кредитно-финансовой сферах; внедрение в государственные структуры; вербовка лиц, которые могут содействовать в подготовке и проведении террористических акций; оплата расходов на пропаганду соответствующих учебных заведений, издание и распространение пропагандистских материалов; содержание тренировочных баз; создание и поддержание в боевой готовности так называемых «спящих ячеек»; приобретение и переправка в определенную страну средств совершения террористических акций (оружие, обмундирование, средства связи, боеприпасы, взрывчатые вещества); выплата вознаграждений непосредственным участникам террористических акций; выплаты компенсаций членам семей погибших террористов. Из приведенного перечня расхо-

дов нетрудно догадаться, какими свободными средствами располагают террористы. *Во вторую группу* А. И. Добаев относит так называемые непосредственные цели, а именно: привлечение наемников для участия в террористической акции; расходы на непосредственную подготовку террористических актов (рекогносцировку, приобретение транспорта и пр.); стимулирование освещения терактов в СМИ.

Зная основные расходы террористических группировок, непременно хочется узнать, откуда же берутся такие большие денежные средства. Этим вопросом задался и А. И. Дубаев. Он источники финансирования условно делит на внутренние и внешние. *К внутренним*, в частности, относит: бизнес легальный (членские взносы); бизнес нелегальный (помощь обеспеченных террористов, рэкет). *Внешние источники* также поделены на две части: государственная помощь (со стороны национальных государств); негосударственная помощь (от коммерческих организаций, от некоммерческих организаций, индивидов, населения, диаспор, террористических ячеек). На наш взгляд, сюда же следует отнести иностранные и международные некоммерческие неправительственные организации, ряд общественных и религиозных объединений и их структурных подразделений, приверженцев идеологии экстремизма, финансовые и экономические структуры.

Неконтролируемая и незаконная миграция, торговля людьми, наркоторговля, теневая экономика, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и другие проявления транснациональной организованной преступности тесно вписались в схемы финансирования экстремистской деятельности националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур [6].

Что же касается каналов финансирования, то их также достаточно много. По мнению исследователей (И. П. Добаева, А. И. Добаева), наиболее распространенным среди них выступают неофициальные финансово-расчетные системы, в том числе система типа «Хавала». Последние используются в качестве каналов финансирования террористических группировок в различных частях света.

Говоря о неофициальных финансово-расчетных системах, нельзя обойти вниманием еще одну ее разновидность. Речь идет о цифровой (электронной) валюте. Это электронные деньги, которые используются как альтернативная или дополнительная валюта. Чаще всего их стоимость привязана к национальным валютам.

Цифровые валюты могут также называть виртуальными валютами. Использование криптовалют – инновационный финансовый инструмент, в то же время внедрение цифровых технологий в финансовой, банковской сфере без достаточного законодательного регулирования несет в

себе серьезные риски, а именно: это возможность отмыывания капиталов, полученных преступным путем, ухода от налогов, финансирования терроризма, распространения мошеннических схем [9]. Под *цифровой* валютой понимается любая валюта в цифровой (нематериальной) форме. В некоторых странах виртуальные криптовалюты уже стали или становятся полноценным платежным средством, а также инвестиционным активом.

Виртуальная валюта определяется как один из видов нерегулируемых [государством] цифровых денег, которые создаются и контролируются обычно разработчиками, и принимаемые среди членов определенного «виртуального сообщества».

Виртуальная валюта не имеет статуса законного средства платежа ни в одной юрисдикции. Виртуальная валюта считается *«конвертируемой»*, если она имеет эквивалент в реальной валюте или действует как заменитель.

Необходимо иметь в виду, что криптовалюта – разновидность цифровой валюты [9]. По криптовалютам не существует обеспечения. В случае сбоя системы или «надувания пузырей» по ним не будет юридически ответственного субъекта. Большинство криптовалют обеспечивают псевдонимность – все транзакции между всеми адресами (кошельками) общедоступны, но нет данных о владельцах адресов. Иными словами, в основе совершаемых операций лежит конфиденциальность платежей. Впервые термин «криптовалюта» начал использоваться после появления платежной системы «Биткойн».

Таким образом, криминальный экстремизм и его финансирование – тесно взаимосвязанные между собой понятия. Если первое – социально-правовое явление, то второе выступает как необходимое условие, способствующее его распространению. Минимизация и ликвидация последствий экстремизма возможны путем своевременного выявления и устранения источников и каналов финансирования как экстремистской, так и террористической деятельности.

Библиографический список

1. Добаев А. И. Хавала: неофициальная система финансирования терроризма. – Ростов-н/Д : СКНЦ ВШ, ЮФУ, 2010.
2. Добаев И. П., Добаев А. И. Особенности финансирования террористических структур в Северо-Кавказском регионе // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – М. : Издательство современная экономика и право, 2016. – № 4.
3. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.

4. Криминология: учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2013.

5. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 797/11, МВД России № 2 от 13 декабря 2016 г.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (ч. 2), ст. 212.

7. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 г. № Пр-2753), п. 10.

8. Замахина Т. Финансовый щит // Российская газета. – 2017. – 24 окт. – С. 2.

9. Латухина К. Деньги анонима // Российская газета. – 2017. – 11 окт. – С. 2.

Сергей Вячеславович Иванцов¹,

профессор кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

доктор юридических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Мировая глобализация предопределила миграционную политику многих государств (США, России, Евросоюза и других государств), которая привела к расширению как легальной, так и нелегальной миграции. В настоящее время миграция набирает обороты вопреки всем попыткам ее минимизировать, и мигрант сегодня – типичный продукт современных глобализационных процессов. Следует отметить, что свобода перемещения гарантируется «Всеобщей декларацией прав человека», поэтому (в том числе) миграция (преимущественно трудовая) в индустриально развитые страны приобрела огромные масштабы. Но остается неразрешенный вопрос – как обеспечить действенный контроль над притоком мигрантов. Россия после США является самой привлекательной страной для мигрантов и занимает второе место в мире по их числу.

¹ © Иванцов С. В., 2018.

Специалисты Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам отмечают беспрецедентный уровень миграции – сегодня за пределами родины проживают сотни миллионов человек¹. По экспертным оценкам, на территории Российской Федерации находится 15–20 млн лиц без определенного правового статуса, покинувших государства своей национальной принадлежности. По данным социологических исследований ВНИИ внешнеэкономических связей Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, 90 % нелегальных мигрантов являются выходцами из стран СНГ, среди которых больше всего граждан Узбекистана (19 %), Киргизии (16 %) и Таджикистана (15 %) [3].

При этом разница между «официальными» цифрами и реальным количеством находящихся в Российской Федерации мигрантов измеряется миллионами. Такая противоречивая статистика не вносит ясности в истинное положение дел, доказывает неконтролируемость ситуации в сфере незаконной миграции и подчеркивает наличие проблемы государственного масштаба. В условиях все более открывающихся экономических и политических границ фиксируется прирост миграции, что является предпосылкой определенного риска для пребывания граждан одних государств на территории другого государства.

Криминальная ситуация также общеизвестна, мигранты уже который год вносят немалый вклад в статистику насильственных преступлений, то есть убийств, грабежей и изнасилований. В Москве каждое второе изнасилование и каждый третий разбой и грабеж совершают иностранные граждане. Кроме того, приезжие «виновны» в каждом пятом убийстве (более двух третей заказных убийств), произошедшем в Москве. Растет число преступлений, совершенных участниками этнических организованных группировок, которые занимаются в т.ч. нелегальной миграцией и торговлей людьми. Проявилась тенденция, на которую еще несколько лет назад обращали внимание криминологи – мигранты организовались на нашей территории, в том числе – в серьезные преступные группировки. Ситуация становится неуправляемой. Случись завтра какой-нибудь громкий конфликт, десятки тысяч мигрантов могут за пару часов собраться и во что это выльется – неизвестно. При этом многие национальные культурные центры, существующие для адаптации мигрантов, нередко являются прикрытием для этнических преступных группировок. И это относится не только к выходцам из стран СНГ, но и к китайцам,

¹ По данным ООН.

афганцам, вьетнамцам и др. По оценкам МВД в России не менее 150 постоянно действующих преступных этнических преступных группировок, что позволяет говорить об активности транснациональных криминальных структур как в осуществлении преступной деятельности вообще, так и в использовании незаконных мигрантов в совершении преступлений. До 80 % профессиональных (не по случаю) преступников – это представители так называемых нацменьшинств. Значительная часть организованных преступных групп создается по принципу землячества. Именно этот принцип создания делает их более устойчивыми, связанными круговой порукой, и бороться с такой преступностью крайне сложно [7].

Не случайно управлением ООН в сфере борьбы с международной организованной преступностью проблема торговли людьми, и ее прямая связь с нелегальной иммиграцией поставлена на первое место [6]. К примеру, мигранты для проникновения на территорию Европы и США пользуются услугами профессионалов, а не просто пытаются пересечь границу самостоятельно. В настоящее время нелегальная миграция в значительной мере контролируется организованными преступными группами с международными связями, которые занимаются вербовкой, перевозкой, легализацией мигрантов в транзитных странах. В связи с масштабностью нелегальной миграции значительное распространение получил криминальный бизнес, связанный с изготовлением и продажей поддельных документов, хищение подлинных бланков документов, коррупция среди сотрудников правоохранительных структур и другие преступления [2].

Например, с 2008 года в формате ежегодно проводимых ОДКБ оперативно-профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции под условным наименованием «Нелегал», имеющих статус постоянно действующей региональной операции, выявлено свыше 1 млн. нарушений миграционного законодательства, возбуждено более 400 уголовных дел, связанных с торговлей людьми, задержано более 1600 человек, находящихся в международном розыске. С начала проведения операции «Нелегал-2017» совместными усилиями компетентных органов государств – членов ОДКБ выявлено свыше 140 тысяч нарушений миграционного законодательства, 9 фактов наемничества и 21 факт возбуждения религиозной вражды, наложено административных штрафов на сумму более около 4,5 млн долларов США, выявлены сомнительные финансовые операции на сумму около 1,5 млрд долларов США. Правоохранительными органами государств-членов ОДКБ возбуждено

около 2 тысяч уголовных дела за организацию незаконной миграции и около 18 тысяч уголовных дел по иным преступлениям. Выявлено 477 лиц, находившихся в международном розыске, из них 4 по подозрению в экстремистской деятельности. В ходе обысков было обнаружено 7 типографий по производству поддельных документов, инструкции по их изготовлению, специальная компьютерная техника, более 200 фальшивых документов, голограммы для изготовления паспортов, поддельные штампы, средства связи. Проведенные мероприятия по противодействию торговле людьми продемонстрировали, что организаторы «траффикинга» активно совершенствуют свою преступную деятельность, стараются принимать «живой товар» находясь в стране назначения, а также широко используют для достижения своих целей современные информационные технологии¹.

Но миграционная проблема быстро не решается. Ни одна страна пока не может похвастаться, что с соблюдением всех прав человека, обеспечила одновременно и защиту своих интересов. Здесь нет однозначных и простых решений. Между тем современное миграционное законодательство нуждается в совершенствовании и упорядочении, так как насчитывает несколько сотен нормативно-правовых актов. Систематизировать этот массив и свести в единый нормативно-правовой акт – это задача, которую должен решить какой-то единый правовой акт. Например, находящийся в стадии подготовки Миграционный кодекс, который может появиться в России уже в этом году. К слову сказать, президент Российской Федерации В. В. Путин назвал борьбу с нелегальной миграцией приоритетным направлением внутренней политики, появился план по реализации государственной национальной политики страны и состоялся указ президента «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В 82 пунктах «Стратегии» подробно перечислены меры по «гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений», «содействию сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России», «поддержке языков России». Вместе с тем все правовые вопросы проводимой в стране миграционной политики должны решаться в комплексе с решением вопросов, касающихся различных отраслей права – гражданского, административного, международного, а совершенствование уголовно-правовой политики в этой области просто невозможно без определения

¹ URL: http://www.odkb-csto.org/international_org (дата обращения: 02.10.2017).

стратегических целей по минимизации теневой экономики, коррупции, транснациональной преступности [3].

Государства предпринимают целый комплекс методов для сдерживания нелегальной миграции: усиление пограничного контроля, введение административной и уголовной ответственности за незаконное пересечение границы, организацию нелегальной миграции, использование труда незаконных иммигрантов, налаживание системы депортации незаконных иммигрантов и т. д. Но как использовать «опыт цивилизованных стран»? Во-первых, в трех основных регионах, привлекающих к себе трудовую миграцию, то есть в Западной Европе, Северной Америке и странах Персидского залива, совершенно разная миграционная политика. Во-вторых, за прошедшие почти полвека современной миграционной ситуации миграционная обстановка и связанная с ней миграционная политика сильно менялись. Например, в странах Персидского залива очень жесткая миграционная политика, в Австралии чрезвычайно серьезные требования к культурной интеграции, в Европе, в Швейцарии (в которой в проведен референдум относительно трудовых мигрантов) подавляющее большинство мигрантов может работать не больше трех лет. Как результат – приостановка участия Швейцарии в двух программах Евросоюза – «Горизонт 2020» и «Эразмус плюс» – напрямую связана с референдумом по миграции, а также с отказом Швейцарии открыть рынок страны для трудовых мигрантов из Хорватии. При этом значительная часть европейцев сегодня разочарована миграционной политикой своих правительств. При этом специальные программы легализации нелегальных мигрантов проводятся регулярно странами даже с самыми жесткими миграционными требованиями. Таким образом «снимается напряжение», возникающее на рынке труда из-за большого числа мигрантов с неурегулированным статусом. Стоит отметить опыт ЕС, в котором разработана специальная система охраны границы, направленная на пресечение нелегальных иммигрантов из Африки. Так, в операции «Улисс», задействованы международные силы (патрульные катера и военные корабли Испании, Великобритании, Франции, Португалии и Италии). Корабли обследуют западное Средиземноморье и часть Атлантики в районе Канарских островов. Каждое судно патрулирует площадь около 16 кв. километров. Патрулям дается право останавливать любое подозрительное судно и препровождать его в ближайший европейский порт. За проведением операции следят наблюдатели из ряда европейских стран, при этом делается акцент на совместную борьбу с нелегальной миграцией, в рамках которой также возможно заключения соглашений

между странами о едином противостоянии угрозе общественной безопасности [3].

Распространенной мерой борьбы с незаконной миграцией является депортация незаконных мигрантов, хотя количество депортированных мигрантов обычно меньше числа выявленных и задержанных, поскольку многие из них пытаются всеми возможными способами остаться в стране, в которую они с таким трудом попали. Как показывает практика, доля депортированных от общего числа постановлений о депортации составляет в европейских странах приблизительно 15 % [8]. Депортация полностью не решает ситуации с нелегальной миграцией, поскольку число нелегальных мигрантов гораздо больше числа выявленных и депортированных в условиях ограниченности денежных средств соответствующих служб. Законодательством Российской Федерации также предусмотрена процедура депортации нелегальных мигрантов. Ежегодно депортации подвергаются около 10 тыс. нелегальных мигрантов, задерживается на порядок больше.

В Российской Федерации правовое регулирование пребывания иностранных граждан осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовным Кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также нормативными актами федеральных органов исполнительной власти. Так, согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане могут осуществлять трудовую деятельность только на основании разрешения на работу, выдаваемого в рамках квоты на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности, ежегодно утверждаемой Правительством Российской Федерации по предложениям исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте Российской Федерации и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан.

В целом можно сказать, что в Российской Федерации создана комплексная (хотя местами и коллизионная) нормативная правовая база для противодействия незаконной миграции. Важнейшая ее составляющая – это международные многосторонние и двусторонние договоры о сотрудничестве компетентных органов в борьбе с незаконной миграцией. Очевидно, что без взаимодействия государств эффективное предупреждение

этого явления, имеющего трансграничный характер, просто невозможно (например, механизм пресечения каналов незаконной миграции невозможен без международного договора и т. д.).

Ведущую роль в этом процессе имеют международные договоры универсального характера. Так, с 25 июня 2004 г. для России вступил в силу Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятый в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (в целях его имплементации в национальном законодательстве в Уголовный кодекс Российской Федерации и была введена статья 322.1 «Организация незаконной миграции»).

Среди международных договоров регионального характера, прежде всего, следует назвать Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией. Действуют также двусторонние соглашения по этому вопросу с Арменией, Латвией, Узбекистаном и другими странами. Важную роль в противодействии незаконной миграции играют соглашения об обмене информацией между компетентными органами. Например, с Белорусской стороной заключено Соглашение о сотрудничестве компетентных органов приграничных регионов. Действует Комиссия по противодействию незаконной миграции государств – участников СНГ, Координационный совет по борьбе с незаконной миграцией Организации договора о коллективной безопасности (КСБНМ) и др. Эта проблема также является предметом постоянного внимания Совета руководителей миграционных органов государств-участников СНГ, который осуществляет координацию других отраслевых органов Содружества в вопросах миграции. Стала постоянной практикой принятия и реализации программ сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции. В рамках ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией определяется обеспечение консолидированных усилий по противодействию незаконной миграции, достигаемое путем:

- обеспечения взаимодействия компетентных органов в целях повышения эффективности противодействия незаконной миграции и связанных с ней правонарушений;
- разработки предложений о принятии совместных практических мер по противодействию незаконной миграции;
- участия в подготовке и реализации решений уставных органов ОДКБ, касающихся совершенствования договорно-правовой базы, на-

правлений регионального сотрудничества, обмена информационными ресурсами и подготовки кадров компетентных органов государств-членов ОДКБ в сфере борьбы с незаконной миграцией;

- обмена информацией о гражданах государств-членов ОДКБ, которым в соответствии с национальным законодательством одной из Сторон закрыт въезд в одно из государств-членов ОДКБ;

- участия в подготовке предложений по вопросам совершенствования законодательной базы государств-членов ОДКБ в сфере борьбы с незаконной миграцией;

- участия в разработке межгосударственных программ и планов по противодействию незаконной миграции, в подготовке и проведении научно-практических конференций, семинаров, совещаний и рабочих встреч, оказание содействия в обмене опытом в данной сфере;

- участия в методическом и информационно-аналитическом обеспечении компетентных органов¹.

Направления развития международного сотрудничества в сфере противодействия незаконной миграции определены в Концепции миграционной политики². Концепция предусматривает определение единых подходов по вопросу реадмиссии граждан третьих государств, включая расходные обязательства сторон, в рамках международных организаций; заключение международных соглашений с компетентными органами иностранных государств о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией; заключение международных соглашений о приеме, возврате и транзитном проезде лиц, нелегально находящихся на территории Российской Федерации и территориях иностранных государств (о реадмиссии). Представляется, что такая интеграция расширит и формы взаимодействия компетентных органов (сейчас это в основном обмен информацией). Проблемы противодействия незаконной миграции, как уже было отмечено, невозможно рассматривать в отрыве от других аспектов регулирования миграционных процессов. Вопросы миграционной политики являются одними из главных среди актуальных проблем социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. Поэтому комплексная реализация положений Концепции миграционной политики, как представляется, позволит снизить риски, связанные с незаконной миграцией [1].

Между тем вслед за мерами, предусмотренными Концепцией, должны последовать не столько силовые, сколько экономические и социальные меры, основанные на принципах международного сотрудничества,

¹ URL: http://www.odkb-csto.org/international_org (дата обращения: 02.10.2017).

² Утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г.

которые будут стимулировать как мигрантов, так и работодателей соблюдать российские законы. Сейчас многие развитые государства ведут жесткую конкурентную борьбу за квалифицированные трудовые ресурсы, которые становятся наиболее ценным «товаром» [5]. Поэтому политика «кнута» без «пряника» рано или поздно переориентирует значительную часть мигрантов на работу в других государствах. А на фоне ежегодного уменьшения трудоспособного населения на благоприятном социально-экономическом прогнозе развития Российской Федерации можно будет поставить точку.

Библиографический список

1. Егорова Е. Нелегальная миграция в России. URL http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top (дата обращения: 02.10.2017).
2. Иванцов С. В. Актуальные вопросы противодействия организации незаконной миграции и торговле людьми // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 85.
3. Иванцов С. В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 62.
4. Иванцов С. В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6. – С. 62–64.
5. Иванцов С. В. Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 1. – С. 375–380.
6. Иванцов С. В. Основные тенденции российской организованной преступности XXI в. // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 83–86.
7. Овчинский В. С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М. : ИНФРА-М, 2001. – С. 15–39.
8. Поладова Л. Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2012.

*Кирилл Константинович Клевцов*¹,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации»
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫДАЧЕ ПО ЗАПРОСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Международное сотрудничество государств в уголовно-процессуальной сфере играет ведущую роль и выступает одним из главных правовых инструментов при расследовании уголовных дел в отношении лиц, уклоняющихся или скрывающихся от правоохранительных органов за границей.

При этом в ходе расследования подобных уголовных дел не столь редки случаи, когда уголовно преследуемое лицо не подлежит выдаче (например, отказ запрашиваемого государства в выдаче своих граждан), вследствие чего возникает вопрос: каким образом правоохранительные органы в целях реализации принципа «неотвратимости наказания» должны привлечь таких лиц к уголовной ответственности.

Так, И. М. Нурбеков предлагает использовать некоторые другие официальные процедуры в случае, если невозможно осуществить экстрадицию подозреваемого или обвиняемого, а именно:

- получить в рамках международно-правовой помощи по уголовному делу (получение доказательств) и передать обвинительное заключение на их основе в суд для решения вопроса о вынесении заочного приговора согласно ч. 5 ст. 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) [14];

- направить запрос о правовой помощи по уголовному делу (получение доказательств) и произвести следственные действия, возможные без участия уголовно преследуемого лица, с дальнейшей передачей материалов уголовного дела иностранному государству для осуществления уголовного преследования;

- объявить в международный розыск, с исключением страны гражданства разыскиваемых, с расчетом на выезд подозреваемых лиц за пределы страны гражданства под известными именами [6].

В этой связи правоохранительным органам в целях привлечения к уголовной ответственности лиц, не подлежащих выдаче по запросу Рос-

¹ © Клевцов К. К., 2018.

сийской Федерации, представляется необходимым использовать альтернативные варианты экстрадиции.

Первый вариант. При поступлении информации о том, что уголовно преследуемое лицо не подлежит выдаче, должностное лицо органа предварительного расследования совместно с органами прокуратуры рассматривают возможность задействовать механизм так называемого *внеэкстрадиционного перемещения*, к которому относят депортацию (*deportations*) и административное выдворение (*expulsions*). Процедура административной высылки носит упрощенный вариант возвращения подозреваемых или обвиняемых на родину.

Так, в соответствии с п. 1.6.4.2 указания прокуратуры Московской области № 86/81 от 03.07.2009 г. прокурорам надлежит «во всех случаях освобождения лица из-под стражи в связи с невозможностью его выдачи инициатору розыска в обязательном порядке решать вопрос о его административном выдворении с территории Российской Федерации с обязательным информированием об этом прокуратуры Московской области факсимильной связью» [8].

Механизм депортации и административного выдворения, как правило, задействуют в ситуациях, когда запрашивающему государству в экстрадиции (выдаче) было отказано в силу различных причин, например, отсутствует международный договор, и имеются основания для административной высылки (к примеру, нарушение миграционного законодательства страны пребывания).

Между тем административная процедура высылки носит упрощенный порядок и осуществляется при наличии других оснований, вследствие чего представляет собой совсем другую процедуру, нежели экстрадиция [9].

Следует обратить внимание на то, что в иностранных государствах, к примеру, в Соединенных Штатах Америки (далее – США) основание и процедура административной высылки (депортации, выдворения) с территорий иностранных государств регламентируется соответствующими правовыми документами.

Так, в Руководстве для прокуроров США отмечается, что в случае если беглец не является гражданином или законным резидентом страны, в которой он находится, целесообразно просить данное государство депортировать или выслать такого беглеца [12]. В связи с чем Госдепартаментом США практикуется аннулирование паспорта американского гражданина (*revocation of United States Passports*) в целях создания условий незаконного пребывания такого лица за рубежом, что может привести к его административной высылке [12].

При этом следует заметить, что не во всех случаях процедура внеэкстрадиционного перемещения носит законный характер.

Довольно интересным в этом ключе представляется утверждение П.А. Литвишко, который, проанализировав международно-правовые документы и решения Европейского Суда по правам человека, определил, какие действия правоохранительных органов можно отнести к недопустимой форме внеэкстрадиционного перемещения так называемой чрезвычайной рендиции, а именно: похищение, незаконное ограничение или лишение свободы разыскиваемого и переправка его в (третью) страну, где он может подвергнуться пыткам или иному запрещенному обращению; тайное перемещение лица, однако при этом происходящее в основном с ведома и при пассивном или активном участии властей страны пребывания, проводимое при «сознательном обходе надлежащей процедуры» [3].

Например, США зачастую используют принудительное перемещение лиц, обвиняемых в совершении преступлений, направленных против интересов их страны.

Так, 05.07.2014 г. в международном аэропорту столицы Мальдивской Республики города Мале был задержан сотрудниками правоохранительных органов этого государства российский гражданин Р. В. Селезнев, который был в этот же день передан правоохранительным органам США. Сразу после задержания Р. М. Селезнев был доставлен самолетом частной авиакомпании на остров в западной части Тихого океана Гуам, являющийся владением США [11]. В дальнейшем Роман Селезнев был приговорен судом США в штате Джорджия к 27 годам тюремного заключения [7].

Правомерность похищения людей с территории иностранных государств и других штатов, как об этом пишут американские юристы, обусловлена тем, что в США по этому вопросу придерживаются «правила дел Кера и Фрисби», в соответствии с которым процедура, в результате которой обвиняемый предстал перед судом, не имеет значения и не препятствует осуществлению судебного преследования [1].

Однако следует отметить, что данная деятельность, как правило, является нарушением государственного суверенитета и не соответствует нормам международного права, вследствие чего осуждается мировым сообществом. Тем более на практике встречались ситуации, когда Совет Безопасности Организации Объединенных Наций признавал подобные действия незаконными и расценивал их как грубое нарушение государ-

ственного суверенитета (например, по делу нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана) [10].

Второй вариант. В случае, если правоохрнительным органам не удастся задействовать законный механизм внеэкстрадиционного перемещения, то следует использовать так называемые тактические мероприятия по выманиванию лиц на территорию своего государства под которыми в юридической литературе понимаются передача соответствующему субъекту и содействующим ему лицам с помощью новейших компьютерных технологий информации, а также создание ситуаций, при которых у лиц, находящихся за границей, возникает необходимость возвращения из-за рубежа либо переезда в какую-нибудь сопредельную страну, в которой возможно задержание и осуществление следственных действий [5].

К примеру, в тех же США тактическая операция по выманиванию зачастую используется ее правоохрнительными органами. В связи с чем в Руководстве для прокуроров США указано, что если невозможно добиться выдачи уголовно преследуемого лица (такие причины должны быть задокументированы надлежащим образом), представляется целесообразным использовать альтернативу экстрадиции, а точнее необходимо предпринять другие действия, которые могут вернуть такое лицо в Соединенные Штаты или ограничить его способность существовать и путешествовать за рубежом [12].

С этой целью компетентные органы США используют так называемые приманки (*lures*). Такие «наживки» могут представлять сложные схемы или они могут быть столь же простыми, как приглашение беглеца по телефону на вечеринку в Соединенные Штаты. Чтобы побудить уголовно преследуемое лицо покинуть государство, на территории которого оно находится, для дальнейшего задержания в Соединенных Штатах, в открытом море, воздушном пространстве или в третьей стране, однако прежде чем использовать приманку рекомендуется проконсультироваться с Управлением по международным делам США, поскольку некоторые государства могут расценить такие действия как посягательство на их суверенитет [12].

Вполне понятно, что российские правоохрнительные органы также используют некоторые законные хитрости в целях возврата подозреваемых или обвиняемых, находящихся за рубежом, в Российскую Федерацию. К таким действиям можно отнести *убеждение* следователем или дознавателем с использованием телекоммуникационных средств лица,

уклоняющегося от уголовной ответственности на территории иностранного государства, в необходимости прибыть в Россию.

Так, в рамках уголовного дела, возбужденного военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Чеховскому гарнизону в отношении Артема Фабрикова по факту совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ (самовольное оставление места службы продолжительностью свыше одного месяца) следователь через социальную сеть установил его местонахождение и убедил его в необходимости вернуться с территории Украины в Россию. После чего 94 гарнизонный военный суд (г. Москва), принимая во внимание тот факт, что Артем Фабриков написал явку с повинной и активно содействовал раскрытию преступления, назначил ему наказание в виде полутора лет лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении [15].

Третий вариант. В практической деятельности могут возникнуть ситуации, когда российской стороной получен отказ в выдаче и не представляется возможным задействовать альтернативы экстрадиции (законное внесудебное перемещение, убеждение вернуться и др.). В таком случае необходимо задействовать такой вид международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, как передача уголовного преследования (судопроизводства).

В соответствии со ст. 458 УПК РФ в случае совершения преступления на территории Российской Федерации иностранным гражданином, впоследствии оказавшимся за ее пределами, и невозможности производства процессуальных действий с его участием на территории Российской Федерации все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая решает вопрос об их направлении в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования.

Следует заметить, что из буквального толкования ст. 458 УПК РФ можно сделать следующий вывод. Ее требования нельзя применить в отношении иностранного гражданина, который совершил преступление вне пределов территории Российской Федерации, поскольку одним из условий передачи уголовного преследования (судопроизводства) является то, чтобы преступление было совершено на территории Российской Федерации.

Однако Следственный комитет Российской Федерации на основании ст. 21 Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 г. [13] рекомендует направлять в иностранное

государство с сопроводительным письмом копии материалов уголовного дела, заверенные гербовой печатью компетентного органа, для принятия решения в соответствии с законодательством запрашиваемого государства в случае наличия у обвиняемого двойного гражданства, одно из которых – гражданство Российской Федерации [4].

Необходимо отметить, что УПК РФ детально не регламентирует порядок передачи уголовного преследования (судопроизводства) и действия, которые следователь или дознаватель должен выполнить до такой передачи, за исключением того, что он должен произвести все возможные следственные и иные процессуальные действия в отсутствие подозреваемого или обвиняемого.

В практической деятельности следователь после возбуждения уголовного дела и проведения всех возможных следственных и иных процессуальных действий, которые могут быть произведены в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, с согласия руководителя следственного органа извещает надзирающего прокурора о намерении задействовать механизм передачи уголовного преследования (судопроизводства) и в случае одобрения приостанавливает предварительное расследование на основании соответствующей части ст. 208 УПК РФ. В дальнейшем надзирающий прокурор в порядке субординации (районный прокурор через прокуратуру субъекта) обращается в Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации с целью выяснения возможности передачи материалов уголовного дела. После того, как названное управление Генпрокуратуры Российской Федерации выразит свое согласие, следователь, дознаватель возобновляет предварительное следствие, продлевает его срок и направляет надлежаще оформленное уголовное дело вместе с постановлением о передаче дела надзирающему прокурору для проверки и составления соответствующего поручения об осуществлении уголовного преследования. Далее уголовное дело вместе с поручением направляется надзирающим прокурором в Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которое и организует направление дела в компетентные органы иностранного государства. После привлечения лица к уголовной ответственности запрашиваемое государство направляет запрашивающему государству копию решения.

Четвертый вариант. В случае, если правоохранительным органам Российской Федерации не представляется возможным задействовать все упомянутые выше способы, позволяющие привлечь виновное лицо к ответственности, то следует прибегнуть к процедуре заочного рассмотре-

ния уголовного дела в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в силу которой в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Заочное рассмотрение уголовного дела в первую очередь необходимо для решения вопроса о возмещении ущерба, конфискации имущества, судьбе вещественных доказательств, применении дополнительного наказания, которое возможно в отсутствие осужденного (например, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград).

Суммируя изложенное, представляется возможным сформулировать вывод о том, что при расследовании уголовных дел в отношении подозреваемых или обвиняемых, не выданных в соответствии с требованиями Российской Федерации, следователю, дознавателю с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела следует использовать такие нестандартные (внедоговорные) формы детальности, как законное внеэкстрадиционное перемещение (административная высылка) и допустимые тактические операции по выманиванию (например, вступление в контакт с подозреваемым или обвиняемым и убеждение его в необходимости вернуться в страну, гражданином которой он является). В случае, если такие правовые механизмы не дали положительных результатов, то правоохранительным органам Российской Федерации следует задействовать передачу уголовного преследования (судопроизводства) компетентным органам иностранного государства, а при их отказе осуществлять уголовное преследование, использовать процедуру заочного рассмотрения уголовного дела в суде (ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

Библиографический список

1. Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. – М. : Новая юстиция, 2006. – С. 1099.
2. Комментарий МИД России в связи с задержанием на Мальдивах и насильственным вывозом в США гражданина России // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/mv/-/asset_publisher/9VwpmWyH4msc/content/id/678390 (дата обращения: 01.10.2017).

3. Литвишко П. А. Внедоговорные формы деятельности правоохранительных органов на территории иностранных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6. – С. 291.

4. Методические рекомендации по вопросам передачи уголовного преследования лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации и впоследствии оказавшихся за ее пределами // № 220-5375-15 от 21.09.2015 г. // Сборник материалов по международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации. – М., 2015. – С. 52–62.

5. Нурбеков И. М. Криминалистические аспекты взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 128.

6. Нурбеков И. М. Организация и тактика взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера : монография / под науч. ред. докт. юрид. наук. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 200.

7. Роман Селезнев, приговоренный к 27 годам тюрьмы за кибервзлом, вновь предстал перед судом // ТАСС: информ. порт. 19 мая. 2017. URL: <http://tass.ru/politika/4267271> (дата обращения: 01.10.2017).

8. Тренина Д. В. Проблемы исполнения Россией постановлений Европейского Суда в делах о выдаче и высылке // Международное правосудие. – 2014. – № 3; СПС «КонсультантПлюс».

9. Фролова М. А., Щерба С. П. Основания и процедуры выдворения, депортации и экстрадиции: сходства и различия // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 4. – С. 19–21.

10. Helen Silving. In Re Eichman: A Dilemma of Law and Morality // The American Journal of International Law. – Vol. 55. – № 2 (Apr. 1961). – P. 307–358.

11. Комментарий МИД России в связи с задержанием на Мальдивах и насильственным вывозом в США гражданина России // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/mv//asset_publisher/9VwpmWyH4msc/content/id/678390 (дата обращения: 01.10.2017).

12. Сайт Министерства юстиции Соединенных Штатов Америки / U.S. Attorneys Manual. 9.15.225, 9.15 URL: <https://www.justice.gov/usam/usam-9-15000-international-extradition-and-related-matters> (дата обращения: 01.10.2017).

13. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 23, ст. 2349.

14. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I), ст. 4921.

15. В Москве вынесен приговор матросу, самовольно оставившему место службы более 7 лет назад // Главное военное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://gvsu.gov.ru/?p=2613> (дата обращения: 1 октября 2017 г.).

Анастасия Алексеевна Козлова¹,

адъюнкт третьего года обучения

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ

Международное право исходит из принципа уважения прав человека и декларирует равенство людей в принадлежащих им правах, независимо ни от каких факторов, в том числе характера или степени их уязвимости [1].

Новая форма транснациональной преступности, такая как, незаконный оборот человеческими органами, подрывает самые основополагающие права человека, такие как право на свободу и личную неприкосновенность, а также зачастую саму жизнь людей.

Незаконный оборот человеческими органами является серьезной международной проблемой, его жертвами ежегодно становится большое число людей. Согласно информации, приведенной неправительственной организацией *Organs Watch*, количество незаконных операций по трансплантации достигает 15–20 тысяч ежегодно [2]. В 2011 году было подсчитано, что незаконный оборот человеческих органов приносит незаконной прибыли от 600 млн долл. до 1,2 млрд долл. в год [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения, Америка является одной из многих стран-импортеров органов, и с помощью Интернета пациенты могут получить пакеты трансплантации от 70 до более 160 000 долл. США [4].

¹ © Козлова А. А., 2018.

В настоящее время мы можем встретить различные объявления на веб-сайтах в Интернете, где человеческие органы выставлены на продажу. В начале 2011 года газета *Algemeen Dagblad* сообщила, что, по крайней мере, 24 человека предложили свои почки на продажу в рекламе на таких сайтах как *Marktplaats* и *Speurders*, хотя подобные рекламные объявления, как правило, через некоторое время удаляются с веб-сайтов. В рекламных объявлениях доноры просили вознаграждение и иногда упоминалась конкретная сумма, например, 40 000 или 60 000 евро. Объявления также иногда размещались ищущими почку пациентами [5].

Дефицит человеческих органов является коренной причиной незаконного оборота человеческими органами, что сопряжено с риском эксплуатации доноров и важными проблемами безопасности для реципиентов. Уделяя особое внимание обеспечению защиты уязвимых групп населения, важно соблюдать принцип уважения человеческого достоинства, который подразумевает, что донорство во всех случаях основывается на принятии добровольного и независимого решения на основе полной имеющейся информации, без какого-либо принуждения или неправомерного побудительного мотива [7].

Защита основных прав доноров и получателей является обязательным требованием и единственным способом в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов.

Одним из гарантов защиты прав и свобод человека выступает Совет Европы. История создания Совета Европы берет свое начало с момента открытия одноименного представительного мероприятия – Конгресс Европы [6]. Одной из главных целей Совета Европы является обеспечение и защита прав и достоинства человеческой личности, а так как незаконный оборот человеческих органов представляет собой прямое посягательство на ценности, лежащие в основе Совета Европы, вполне логично, что предупреждение данного преступления является одним из приоритетов Организации.

В своем докладе от 20 апреля 2011 г. Европейский Комитет по проблемам преступности (CDPC), руководящий Комитет по Биоэтике (CDBI) и Европейский Комитет по трансплантации органов (CD-P-TO), подчеркнули, что «незаконный оборот человеческих органов, тканей и клеток» – это проблема глобального масштаба, которая нарушает основные права человека и свободы и представляют собой прямую угрозу для индивидуального и общественного здоровья». Также комитеты отметили, что «несмотря на существование двух международно-правовых обя-

зывающих документов, а именно Протокола «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» от 15.11.2000 г. и Конвенции Совета Европы в противодействии торговли людьми от 16 мая 2005 г., значительные пробелы, которые не получили достаточного внимания в этих международно-правовых актах, продолжают существовать в международном праве» [8].

В марте 2015 г. Совет Европы принял Конвенцию против торговли человеческими органами (далее – Конвенция 2015 г.) [9]. Принятие Конвенции 2015 г. ознаменовало начало нового этапа в противодействии данным общественно опасным деяниям. В Конвенции установлено, что человеческое тело и его органы как таковые не должны быть источником финансовых доходов. Важнейшим аспектом Конвенции является защита жертв, так как жертвы незаконного оборота человеческими органами находятся в уязвимом положении. В пояснительном докладе к данной Конвенции участники переговоров пришли к выводу о том, что было обоснованно конкретно предусмотреть защиту таких жертв, а также обеспечить, чтобы жертвы преступлений, установленных в соответствии с настоящей Конвенцией, имели доступ к информации, относящейся к их делу, защите их здоровья и других прав, связанных с компетентными национальными органами, и что, при условии соблюдения внутреннего законодательства Сторон, им предоставляется возможность быть заслушанными и представить доказательства [8].

Конвенция 2015 г. призывает государства принимать превентивные меры и защищать жертв торговли человеческими органами, а также предлагает комплекс мер по защите потерпевших и свидетелей. Положения ст. 18 Конвенции включают меры по защите жертв и компенсации им, а также оказанию помощи потерпевшим в их физической, психологической и социальной реабилитации.

Крайне низкий уровень идентификации жертв, в случаях, связанных с незаконным оборотом человеческих органов, означает, что подавляющее большинство лиц, которые претерпели такого рода ущерб, никогда не смогут получить возможность реализовать свое юридическое право на судебную защиту. Поэтому первой и главной обязанностью государств должна являться работа по обеспечению оперативной и точной идентификации жертв такого незаконного оборота. Считаем, что нормы международного права в области прав человека и подходы, основанные на соблюдении прав человека, требуют полного отказа от всех форм

коммерциализации пересадки органов из-за присущих им и, в конечном счете, неконтролируемых рисков эксплуатации.

Таким образом, эффективная борьба с незаконным оборотом человеческих органов возможна только на основе тесного сотрудничества государств в рамках выработанных правовых и организационных механизмов, как на универсальном, так и на региональном уровнях. Важно, чтобы защита всех прав человека находилась в центре всех усилий, направленных на предупреждение незаконного оборота человеческих органов и его прекращение. Поэтому считаем немаловажным аспектом государствам обеспечить комплексную защиту таких жертв от данных деяний, как дополнение к усилиям в предотвращении, предупреждении незаконного оборота человеческих органов.

Библиографический список

1. Алисиевич Е. С. К вопросу о понятии «уязвимая группа» в современном международном праве // Актуальные проблемы современного международного права материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко : в 2 ч. – М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2012.

2. Россия поддержала ЕС в вопросе запрета «серой» трансплантологии. URL: <https://rg.ru/2014/07/18/transplantatsii-site-anons.html>.

3. J. Haken. Transnational Crime in the Developing World. – Washington DC : Global Financial Integrity, 2011.

4. Organ Harvesting, Human Trafficking, and the Black Market. URL: <https://www.decodedscience.org/organ-harvesting-human-trafficking-black-market/56966>.

5. Справочное руководство ОБСЕ по обучению полиции: Торговля людьми. URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/109936?download=true>.

6. Симонова А. Е. Становление механизма защиты прав и свобод человека Европейским Судом по правам человека // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 64–65.

7. Доклад Секретариата от 5 декабря 2014 г. «Кровь и продукция медицинского назначения человеческого происхождения» // Сайт Всемирной Организации Здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/252084/1>.

8. Explanatory Report to the Council of Europe Convention against Trafficking in Human Organs (Пояснительный доклад к Конвенции Совета

Европы против торговли человеческими органами от 25 марта 2015 г.) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/16800d3840>.

9. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (ETS 2015, № 216) от 25.03.2015 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://www.coe.int/ru>.

10. Пузырева Ю. В., Шалягин Д. Д. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие. – М. : МосУ МВД России, 2014.

Валерий Анатольевич Коннов¹,

доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМИССИЙ ПО ЦЕННЫМ БУМАГАМ (IOSCO)

Особое значение для обеспечения международного сотрудничества в сфере противодействия правонарушениям на финансовых рынках имеет деятельность Международной организации комиссий по ценным бумагам (International Organization of Securities Commissions; далее – IOSCO). Данная организация была создана как региональный международный механизм координации деятельности национальных регуляторов государств Северной и Южной Америки в 1974 г. Благодаря широкому признанию ее деятельности государствами других регионов мира, а также общему процессу гармонизации стандартов обращения ценных бумаг в условиях экономической глобализации, IOSCO уже через 10 лет своего существования превратилась, по сути, в универсальную международную организацию.

Деятельность IOSCO, с одной стороны, носит специализированный характер, а с другой – является многопрофильной. В частности, организация осуществляет сотрудничество по таким направлениям, как оптимизация регулирования финансовых рынков на национальном и на международном уровнях, обмен информацией о функционировании национальных финансовых рынков, разработка и внедрение стандартов эф-

¹ © Коннов В. А., 2018.

эффективности международных сделок с ценными бумагами. При этом формой реализации функций IOSCO (так же, как СФС и Базельского комитета) является создание не правовых, а рекомендательных актов – «мягкого» права. В настоящее время организацией разработано более тридцати документов, которые направлены на защиту прав инвесторов на рынке ценных бумаг, обеспечение эффективности и транспарентности рынков, а также на сокращение системных рыночных рисков [4].

Одной из важнейших функций IOSCO, направленных в т. ч. на противодействие правонарушениям на финансовых рынках, является обмен информацией между компетентными органами государств-участников. Он осуществляется на основании Меморандума о взаимопонимании по вопросам консультаций и сотрудничества, а также обмена информацией 2002 г. [5] (далее – Меморандум 2002 г.). Данный документ закрепляет три основных аспекта в сфере обмена сведениями между компетентными органами: общие требования к характеру информации и субъектам, которые имеют право ее запрашивать; виды незаконной финансовой деятельности, по которым осуществляется обмен информацией; формы оказания правовой помощи в рамках компетенции IOSCO.

Общие требования к характеру информации и субъектам, которые имеют право ее запрашивать. В части таких требований Меморандум 2002 г. закрепляет особенности правоспособности субъектов, который имеют право запрашивать и предоставлять запрашиваемую информацию. Их определяют государства в соответствии с внутренним правом. В случае реорганизации таких органов организация должна быть оповещена и государство должно уведомить о правопреемстве функций, предусмотренных Меморандумом. Также в рамках рассматриваемой группы требований закрепляются критерии допустимости использования информации и ее конфиденциальности. Документ устанавливает гарантии того, что ни банковская тайна, ни национальное законодательство не могут служить препятствием для регуляторов в обмене информацией.

Виды незаконной финансовой деятельности, по которым осуществляется обмен информацией. Меморандумом 2002 г. (п. 4) устанавливается, что информационные запросы могут быть сделаны в том случае, если компетентные органы государств осуществляют расследование преступлений, связанных с такими видами деятельности, как сделки на внутреннем рынке ценных бумаг и производных финансовых инструментов; манипулирование рынком и мошеннические практики; искажение существенной информации для инвесторов и регуляторов; вымогательство и обращение с инвесторами средств и заказов от покупателей; регистраци-

онная деятельность на рынке ценных бумаг и деривативов; деятельность рыночных посредников, операции на биржах в рамках клиринговых и расчетных организаций.

Формы оказания правовой помощи в рамках компетенции IOSCO. В соответствии с Меморандумом 2002 г. (п. 7), регуляторы рынка ценных бумаг могут предоставлять в порядке правовой помощи информацию о любых сделках с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами, в том числе отчеты о движении по банковским и брокерским счетам. Кроме того, указанная помощь может касаться предоставления записей по счетам, которые позволяют идентифицировать бенефициаров сделок и лиц, под контролем которых такие сделки были проведены, а также владельцев счетов. Отдельным аспектом правовой помощи выступает обмен информацией о лицах, которые, будучи добросовестными участниками финансового рынка, тем не менее, представляют интересы недобросовестных клиентов.

Следует отметить, что в настоящее время (на 2017 г.) участниками меморандума являются 105 государств в лице отдельных национальных регулирующих органов. 11 февраля 2015 г. уполномоченный орган IOSCO одобрил заявку Банка Российской Федерации на присоединение к Меморандуму 2002 г.¹ [1]. Таким образом, наша страна получает доступ к инструментам информационного обмена, который позволяет оперативно отслеживать сделки и правонарушения, способные вызвать угрозы стабильности финансовых рынков. Невозможность более раннего присоединения России к документу была вызвана неполным соответствием отечественного законодательства требованиям, предъявляемым IOSCO. В частности это касалось отсутствия полноценной законодательной базы по вопросам противодействия манипулированию рынком, регулированию использования инсайдерской информации, а также в части права регулятора на получение информации о банковских счетах и операциях. В настоящее время данные требования Российской Федерацией выполнены как в законодательной плоскости, так и в плане предоставления полномочий регулятору. Присоединение к документу дает не только возможность бороться с неправомерными деяниями на национальном финансовом рынке и отслеживать рискованные операции, но и открывает возможность российским эмитентам проходить размещение на отдельных международных биржах. К примеру, Гонконгская биржа в своих регламентах напрямую связывает проведение IPO с присоеди-

¹ Информация Банка России. URL: http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=120-22015_162833sbrfr2015-02-12T16_23_12.htm (дата обращения: 02.05.2017).

нием государства к Меморандуму и выполнением требований IOSCO, в том числе в части противодействия противоправным действиям и рискованным операциям на финансовом рынке.

Указанные выше аспекты в отношении международного сотрудничества в сфере противодействия правонарушениям на финансовых рынках на универсальном уровне показывают, что оно, в основном, осуществляется на основе неправовых актов, но в рамках международных организаций, функционирующих на договорной основе. Вместе с тем прогресс сотрудничества очевиден. К примеру, динамика обмена информацией между национальными регуляторами на основе Меморандума 2002 г. за весь период его действия неукоснительно растет. Если в 2003 г. было реализовано только 56 информационных запросов, то через 10 лет этот показатель составил уже 2 658 [7]. Также следует отметить динамику имплементации других профильных рекомендательных документов (разработанных в рамках СФС, Базельского комитета). Таким образом, неправовая основа сотрудничества на универсальном уровне в целом эффективна. Однако правовым обеспечением такого сотрудничества, как правило, служат уставные документы международных организаций, в рамках которых стандарты и рекомендации разрабатываются и одобряются.

Библиографический список

1. Коннов В. А. Международно-правовые основы организации и деятельности Совета по финансовой стабильности (FSB) как субъекта международного экономического антикризисного регулирования // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 10.
2. Коннов В. А. Правовые аспекты международного сотрудничества в сфере противодействия правонарушениям на финансовых рынках (универсальный уровень) // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 12. – С. 52–56.
3. Лифшиц И. М. Проблемы и перспективы международно-правового регулирования финансовых рынков в Едином Экономическом Пространстве ЕврАзЭС // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12.
4. Принципы инфраструктуры финансовых рынков 2012 г. URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD396.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).
5. Multilateral memorandum of understanding concerning consultation and co-operation and the exchange of information (2012). URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD386.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

Иван Иванович Котляров¹,

профессор кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Международные преступления – это тягчайшие, общественно опасные противоправные деяния, которые нарушают основополагающие нормы международного права, затрагивают интересы всего международного сообщества, посягают на международный правопорядок в целом (из доклада Комиссии международного права).

Как на нормативном, так и доктринальном уровне отсутствует единообразие в вопросе о применимой терминологии, когда речь идет о международных преступлениях. В научной литературе встречаются следующие термины: «международные преступления», «преступления против международного права», «преступления по международному праву», «преступления, вызывающие озабоченность всего мирового сообщества» и др. Комиссия международного права ООН официально использует в своих документах термин «преступления против мира и безопасности человечества».

В качестве международных преступлений традиционно рассматриваются следующие: агрессия, военные преступления, преступление геноцида, преступление против человечности.

Совершение международного преступления влечет два вида ответственности:

- международно-правовую ответственность государств;
- уголовную ответственность физических лиц, выступающих от его имени и конкретно совершивших эти деяния.

В научной литературе высказываются позиции, что впервые мысли о необходимости привлечения к ответственности физических лиц за преступления, посягающие на международный мир и безопасность, и соответственно создания для этих целей специальных судебных органов с международным статусом принадлежат основателю Международного Комитета Красного Креста Г. Муанье [1, 11]. В 1872 г. после окончания франко-прусской войны Г. Муанье разработал проект Конвенции об учреждении судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об

¹ © Котляров И. И., 2018.

улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях 1864 г. [12, 1], предусматривающей порядок формирования и деятельности такого суда.

Вместе с тем первым реальным шагом в направлении установления индивидуальной ответственности по международному праву явился Версальский договор 1919 г., положения которого предусматривали создание:

- специального международного суда над Вильгельмом II;
- военных судов государств, в юрисдикцию которых входило рассмотрение дел о нарушениях законов и обычаев войны, направленных против их граждан;
- смешанных военных судов, состоящих из представителей нескольких заинтересованных государств по делам о военных преступлениях [3].

Положения Версальского мирного договора на практике реализованы не были. Но, по существу, данное соглашение явилось первым международно-правовым документом, в котором содержались нормы об уголовном преследовании главы государства по международному уголовному праву специально созданным международным судом.

Ключевым событием в рамках развития вопроса об ответственности индивидов за совершение международных преступлений явилось учреждение после Второй мировой войны международных военных трибуналов для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а также главных японских военных преступников¹.

Первым из них стал *Международный Военный Трибунал* (далее – МВТ). Он был учрежден на основе Соглашения от 08 августа 1945 г. между Правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондонское соглашение) [10, с. 163–165]. К юрисдикции МВТ были

¹ Создание Международного Военного Трибунала не умаляло компетенции и не ограничивало прав национальных или оккупационных судов, которые были созданы или их создание предусматривалось на территории любого союзного государства или в Германии для суда над военными преступниками. И, действительно, судебные процессы над военными преступниками за совершенные ими злодеяния на территории СССР в годы Великой Отечественной войны были проведены советскими судами в Харькове, Краснодаре, Киеве, Минске, Ленинграде, Хабаровске и других городах.

отнесены преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Устав МВТ закреплял нормы об ответственности высших политических и военных руководителей государств за совершенные преступления, а также о действиях конкретных исполнителей, выполняющих распоряжения правительства или приказы начальников. Ссылка на то, что преступник выполнял приказ, не являлась основанием для смягчения приговора¹.

Решение об учреждении *Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ)* было принято на Потсдамской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в 1945 г. и закреплено в Заявлении, определяющем условия капитуляции Японии от 26 июля 1945 г. Юридически он был создан особым документом – Специальной прокламацией, учреждающей Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока, от 19 января 1946 г., изданной Главнокомандующим оккупационными войсками в Японии генералом Д. Макартуром, к которой прилагался его Устав [10, с. 79–86]. Содержание этого документа во многом соответствовало Уставу МВТ от 8 августа 1945 г.²

Анализ положений Уставов Международных Военных Трибуналов показывает, что в них нашли отражение следующие принципы деятельности международных судебных органов: 1) *принцип индивидуальной ответственности лиц, за преступления, подпадающие под юрисдикцию МВТ*; 2) *принцип неотвратимости наказания виновных лиц за международные преступления вне зависимости от их роли в процессе совершения преступных деяний*; 3) *должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не является основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания*; 4) *действие подсудимого по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как повод для смягчения наказания*; 5) *право Трибунала на признание преступной группы или организации,*

¹ Трибунал приговорил 12 обвиняемых к смертной казни, 3-х к пожизненному заключению, 4-х – к длительным срокам тюремного заключения, а также объявил преступными организациями руководящий состав фашистской национал-социалистической партии, гестапо (государственной тайной полиции), СС (охранных отрядов), СД (службы безопасности).

² Токийский Международный Военный Трибунал вынес суровый приговор 25 главным японским военным преступникам.

членом которой являлся подсудимый; 6) осуждение виновного лица МВТ не освобождает его от ответственности и наказания за совершение других преступлений, подпадающих под юрисдикцию национальных, военных или оккупационных судов; 7) право Трибунала на рассмотрение дел в отсутствие обвиняемых лиц.

Тут же заметим, что эти же принципы легли в основу создания современных органов международной уголовной юстиции (международных трибуналов по бывшей Югославии (1993 г.) и Руанде (1994 г.), Международного уголовного суда (1998 г.) и Специального суда по Сьерра-Леоне (2002 г.) и др.

Приговор Нюрнбергского Трибунала получил международное одобрение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г., озаглавленной «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала». В ней отмечалось, что Генеральная Ассамблея принимает к сведению Соглашение об учреждении Международного Военного Трибунала для привлечения к ответственности и наказания главных военных преступников стран оси в Европе, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 г., и приложенный к нему Статут, а равно и то обстоятельство, что аналогичные принципы были приняты в Статуте Международного Военного Трибунала для суда над главными преступниками на Дальнем Востоке, провозглашенном в Токио 19 января 1946 г., подтверждает принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала [9].

13 февраля 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 3 (I), касающуюся выдачи и наказания военных преступников, в которой содержится рекомендация членам Объединенных Наций принять немедленно все нужные меры для того, чтобы военные преступники, которые несут ответственность за преступления или приняли в них непосредственное участие, были арестованы и высланы в те страны, где они совершили свои ужасные деяния, для суда и наказания согласно законам этих стран.

Кроме того, в рамках ООН 26 ноября 1968 г. была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. В ней закреплено положение о том, что никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: а) военным преступлениям, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного Трибуна-

ла от 8 августа 1945 г.; б) преступлениям против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время.

В современной интерпретации нормы об уголовной ответственности индивидов за совершение международных преступлений можно рассмотреть на примере положений Римского статута Международного уголовного суда, закрепляющих индивидуальную уголовную ответственность лиц за международные преступления (ст. 25). Статут применяется в равной мере ко всем лицам вне зависимости от занимаемой ими должности: главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства (ст. 27).

В Статуте закрепляется также положение о неприменимости срока давности в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда.

Несмотря на то, что многолетними усилиями мирового сообщества в XX веке созданы международно-правовые основы, определяющие ответственность индивидов, постоянный международный судебный орган, обладающий юрисдикцией в отношении международных преступлений, в мире продолжают вестись войны, в процессе которых совершаются самые серьезные нарушения норм МГП (1999 г. – агрессия НАТО против Югославии; 2003 г. – агрессия США, Великобритании¹ и других государств против Ирака; 2006 г. – военное вторжение Израиля в Ливан). Однако международное право в данных случаях, к сожалению, безмолвствует.

¹ Как известно, вооруженное нападение на Ирак в марте 2003 г. США и их союзники объясняли необходимостью разоружения Ирака, уничтожением на его территории оружия массового поражения. Но ОМП в Ираке не оказалось. Посол Великобритании в России в интервью «Аргументам и фактам» сказал, что «мы до сих пор не исключаем возможности того, что оно (ОМП (прим. наше – И. К.) там есть, тщательно запрятанное». На вопрос корреспондента «АиФ», – Вы сами верите в то, что говорите, – последний сослался на компетентного представителя американской разведки, который по поводу ОМП в Ираке сказал: «В том, что такое оружие в Ираке есть, мы были убеждены абсолютно. А кроме того, когда речь идет об обороне, лучше допустить такую ошибку, чем страдать от ошибки обратного рода» (См.: АиФ. – 2006. – № 38. – С. 15). Ответ американского разведчика красноречиво подтверждает воинственную политику США, игнорирование ими норм и принципов международного права, нарушение которых привело к огромным жертвам среди мирного населения и разрушению инфраструктуры иракских городов. Ответственности за преступления в Ираке политические и военные деятели США, Великобритании не понесли.

Думается, что для предотвращения этих злодеяний государства должны проявить политическую волю с тем, чтобы принципы неотвратимости ответственности за совершенные преступления и равенства перед судом (национальным или международным) применялись бы не избирательно, а к виновным лицам любого государства вне зависимости от экономической и военной мощи последнего.

Библиографический список

1. Богаевский П. М. Красный Крест в развитии международного права. – Киев, 1913. – Ч. 1, ч. 2.
2. Ковалев А. А. От Нюрнберга до Международного уголовного суда (проблемы международной уголовной юстиции) // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2007. – С. 307.
3. Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика) : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013.
4. Котляров И. И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 13–21.
5. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Преступный характер войны Третьего рейха против Советского Союза (к 75-летию начала Великой Отечественной войны) // Московский журнал международного права. – 2016. – № 2 (102). – С. 17–34.
6. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. 10 лет Международному уголовному суду // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 6. – С. 141–14.
7. Международное гуманитарное право : учебник / под общ. ред. И. И. Котлярова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012.
8. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. – М. : МосУ МВД России, 2014.
9. Нюрнбергский процесс. Т. 7. – М. : Госюриздат, 1961. С. 550.
10. Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Политиздат, 1955. – № 11.
11. Трикоз Е. Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал Российского права. – 2005. – № 3. – С. 34.

12. Moynier. Note sur la creation d'une institution judiciaire internationale propre a prevenir et a reprimer les infractions a la convention de Geneve, lue au comite international de secours aux militaires blesses dans sa seance du 3 janvier 1872. – Revue, 1872. – P. 325.

Олег Валерьевич Кулик¹,

ведущий эксперт отдела нормативно-правового обеспечения
ДГСК МВД России капитан внутренней службы,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Тема противодействия коррупции уже давно прочно вошла в повестку дня общества и государства и является своего рода лейтмотивом при определении основных направлений их развития. В конце XIX – начале XX века коррупция перестала восприниматься как проблема одного государства, а стала рассматриваться в качестве проблемы международной, требующей кооперации усилий мирового сообщества, что вполне логично и объяснимо. Уровень коррупции в отдельных государствах можно рассматривать в качестве условия, влияющего на распространение транснациональных преступлений, что затрагивает интересы всех участников международных отношений. Кроме того, развитие международных связей само по себе предполагает, то что в коррупционные схемы могут включаться представители различных государств, что требует выработки универсальных стандартов и правил взаимодействия по выявлению и предотвращению коррупционных правонарушений и приведение санкций за их совершение к единому знаменателю.

Несмотря на то, что в целом механизм противодействия коррупции сегодня продвинулся далеко вперед, а его анализу посвящены многочисленные исследования в различных отраслях отечественной и зарубежной науки, комплексное решение проблемы еще далеко от идеала. Фигурантами дел о совершении коррупционных правонарушений становятся как российские, так и иностранные высокопоставленные чиновники, средства массовой информации и сеть Интернет пестрят разоблачительными

¹ © Кулик О. В., 2018.

сюжетами, доводящими коррупционные скандалы до широкой аудитории. Подобное положение дел, с одной стороны, актуализирует тему противодействия коррупции и не позволяет ее замалчивать, с другой – в условиях официально намеченного курса на минимизацию коррупционных проявлений явно не добавляет авторитета и престижа государственным органам. При этом от уровня коррупции и ее влияния на работу государственного аппарата зависит не только эффективность политической системы, экономическое и социальное благосостояние, но и качество правовой системы общества.

Все это свидетельствует о том, что подобрать универсальное решение проблемы коррупции, как социального явления, достаточно сложно. Вместо этого представляется более целесообразным в рамках сложившихся тенденций и предпринимаемых мер выявить ту положительную практику, которая складывается в сфере противодействия коррупции, а также проанализировать возможные пути распространения такой практики и ее использования. Одной из форм такого использования является легализация, под которой предлагается понимать учет и отражения практики в сфере противодействия коррупции в соответствующих источниках (формах) права.

Наиболее объемный и интересный в плане последующей легализации пласт правовой практики в сфере противодействия коррупции формируется в ходе международного сотрудничества. Под практикой международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции предлагается понимать всю деятельность, осуществляемую государствами, международными организациями и иными акторами, направленную на предупреждение коррупции, выявление и устранению ее причин, а также борьбу с коррупционными правонарушениями. В зависимости от субъектов сотрудничества и содержания такая деятельность может носить политический, экономический, организационный, методический или иной характер, в том числе, правовой.

По территориальному признаку международную практику в сфере противодействия коррупции можно подразделить на глобальную и региональную. В глобальном масштабе практика в сфере противодействия коррупции формируется Организацией Объединенных Наций (ООН), ее органами и специальными учреждениями. Документы, издаваемые в рамках ООН, являются результатом международного сотрудничества и выступают для него в качестве последующего ориентира, а также своего рода эталона для формирования источников (форм) права национальных правовых систем. Анализ каждого из этих документов и практики,

предшествующей их изданию, является самостоятельным предметом для изучения [8]. Основным документом, принятым ООН с целью противодействия коррупции является Конвенцию ООН против коррупции 2003 г. [6]. Региональная международная практика в сфере противодействия коррупции формируется за счет деятельности других международных организаций и блоков сотрудничества государств. К ним можно отнести Совет Европы, Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международную организации высших органов финансового контроля ((ИНТОСАИ), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Содружество независимых государств (СНГ) и многие другие [1].

Отдельно можно выделить международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции в интеграционных объединения, например, в Европейском Союзе (ЕС) и Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [5]. Для этих акторов международных отношений противодействие коррупции приобретает особую актуальность, поскольку в основе их создания и существования лежат именно экономические интересы. И если в ЕС к вопросам противодействия коррупции сформировался основанный на богатом опыте комплексный подход [7], то в ЕАЭС такой опыт еще только накапливается.

Отличительной чертой международной правовой практики является то, что международных отношениях нормы и правила изначально, да и зачастую в последующем создаются не специально уполномоченными органами, а признаются государствами и народами, поскольку являются результатом их непосредственной деятельности. В контексте легализации международной практики в сфере противодействия коррупции следует учитывать, что такая практика может выступать как предпосылкой и первоосновой для последующего ее юридического оформления (первичная практика), так и проистекать из применения уже действующих международных правовых документов (производная практика). Оба вида практики в таком случае являются правовыми.

Если первичная международная правовая практика в сфере противодействия коррупции легализуется безусловно путем составления и подписания международных договоров, то вторичная правовая практика гораздо реже становится предметом отражения в источниках (формах) международного права. Объяснить это можно тем, что вторичная правовая практика большей частью складывается за счет правоприменения. Поскольку нормы международного права в значительной своей части носят конвенционный характер [3] и, как отмечалось

выше, возникают непосредственно из практики, правоприменение и складывающаяся в его процессе правовая практика мало когда расходится со смыслом и содержанием правовых предписаний. Одним из видов применения, находящим свое отражение в источниках (формах) международного права является международное правосудие. Решения соответствующих судов не только исполняются международным сообществом и государствами, но и влияют на развитие национальных правовых систем.

Но легализация международной правовой практики в сфере противодействия коррупции не ограничивается ее воплощением исключительно в международном праве. Международные принципы и нормы находят свое отражение в правовых системах суверенных государств. Кроме того, международное сотрудничество вообще, и в сфере противодействия коррупции в частности, существенно влияет на работу государственных органов, в первую очередь, правоохранительных, которые в процессе сотрудничества перенимают опыт и стиль работы друг друга, а также ориентируются на складывающуюся практику [4]. Такая практика, отсутствующая в национальных правовых системах, не обязательно переходит в национальное законодательство. Тем не менее, она может быть учтена и отражена в документах, регламентирующих внутреннюю организацию правоохранительных органов, их процессуальную деятельность и порядок взаимодействия с иностранными партнерами. Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, а если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В этом случае международная правовая практика включается в российскую правовую систему после ратификации соответствующих международных договоров. Достаточно недавно российские правоохранительные органы включились в международную борьбу с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных некоммерческих сделок, что потребовало имплементации в российскую правовую систему соответствующих правовых норм [2]. Примером легализации правовой практики через взаимодействие правоохранительных органов может служить сотрудничество России и ЕС в сфере внутренних дел и юстиции.

Таким образом, практика международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции в основном имеет правовое измерение, что

обуславливает гармоничность ее легализации. Практика международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции легализуется, во-первых, в источниках (формах) международного права – договорах и иных документах, во-вторых, в правовых системах отдельных государств. Во втором случае легализация происходит либо за счет имплементации в национальное право международных правил и стандартов либо за счет самостоятельного отражения в нем практики международного сотрудничества. Для противодействия коррупции указанные обстоятельства имеют несомненную ценность, так как позволяют сформировать общий взгляд и оценку проблемы, а также способствуют координации и объединению усилий не только международных организаций, но и государств и их соответствующих органов.

Поскольку легализация предполагает придание юридической формы и статуса не всей правовой практике, а действительно полезной и применимой, ей должно уделяться значительное внимание при формировании организационных и правовых основ противодействия коррупции. Одновременно необходимо учитывать, что легализация правовой практики – это только один из элементов правового регулирования, в связи с чем ее роль для решения вопросов противодействия коррупции не стоит абсолютизировать.

Библиографический список

1. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.
2. Федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 6, ст. 622.
3. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. – М. : Норма, 2017.
4. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. – М. : МосУ МВД России, 2014.
5. Морозов А. Н. Противодействие коррупции в государствах – членах Евразийского экономического союза: международно-правовое и внутригосударственное регулирование // Журнал российского права. – 2016. – № 7 (235). – С. 129–140.

6. Охотский Е. В., Охотский И. Е. Международно-правовые стандарты противодействия коррупции и их имплементация в российскую практику // Публичное и частное право. – 2015. – № 3. – С. 64–77.

7. Пузырев С. А. Механизмы противодействия коррупции и легализации преступных доходов в Европейском союзе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2013. – № 6. – С. 97–100.

8. Симон А. Л. Правовые основы международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 4 (4). – С. 92–100.

Денис Анатольевич Кунев¹,
аспирант МГИМО МИД России,
руководитель отдела

Следственного комитета Российской Федерации

ОБ УЧАСТИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ АНТИКОРРУПЦИОННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Совершенствование и углубление международного сотрудничества в борьбе с преступностью являются важной сферой приложения усилий со стороны российских правоохранительных органов с учетом ежегодно возрастающей транснациональной организованной экономической преступности, непрекращающегося перемещения за рубеж преступных активов, сложностей их возврата, а также проблем правового и организационного характера, связанных с розыском преступников и их выдачей.

К компетенции Следственного комитета Российской Федерации относится расследование значительного числа коррупционных преступлений, связанных с ними случаев легализации (отмывания) преступных доходов, другие тяжкие экономические преступления, а также все преступления, совершенные публичными должностными лицами.

В этой связи сотрудники ведомства наделены широкими полномочиями по уголовному преследованию виновных лиц, включая меры по аресту их доходов, полученных преступным путем, в ходе расследования таких опасных преступлений, как взяточничество, хищение бюджетных средств, их отмывание в России и иностранных юрисдикциях.

¹ © Кунев Д. А., 2018.

В сфере расследования коррупционных преступлений ведется достаточно интенсивная работа. Только в 2016 г. и первом полугодии 2017 г. в Следственном комитете Российской Федерации возбуждено более 33,5 тысяч уголовных дел коррупционной направленности. Расследования по многим из них успешно завершены.

Например, в июле 2017 года постановлен приговор в отношении бывшего члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Ц. за получение взятки в особо крупном размере, которым он признан виновным и ему назначено наказание в виде длительного срока лишения свободы и крупного денежного штрафа

Серьезное внимание уделяется противодействию легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, в том числе в иностранных юрисдикциях.

С 2014 по 2017 гг. почти в два раза увеличилось количество возбужденных в Следственном комитете Российской Федерации уголовных дел о легализации (отмывании) преступных доходов, в два с половиной раза увеличилось количество расследованных преступлений данной категории, в три с лишним раза увеличилось количество дел, направленных в суды для рассмотрения по существу.

Так, в Тюменской области привлечены к уголовной ответственности двое руководителей и шесть членов организованного преступного сообщества, которые занимались незаконным выводом денежных средств в Китайскую Народную Республику. Членами преступной организации через кредитные учреждения Екатеринбурга и Тюмени на основании подложных документов была совершена серия валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте на общую сумму порядка 600 млн рублей на зарегистрированные в Китае счета. Членам преступного сообщества были предъявлены обвинения в легализации преступных доходов.

В настоящее время Следственный комитет Российской Федерации является компетентным органом, ответственным за реализацию 64 межгосударственных и межправительственных договоров, ведется активное международное сотрудничество путем направления и исполнения запросов о международной правовой помощи.

В период с 2015 по 2017 гг. в Следственный комитет Российской Федерации поступило 349 таких запросов, 95 % из которых исполнены в установленные законом сроки, остальные находятся в работе.

Стоит отметить, что успешному расследованию уголовных дел, в ходе производства по которым требуется поддержка компетентных органов

иностранных государств, способствует надлежащая и слаженная организация межведомственного взаимодействия внутри Российской Федерации между органами прокуратуры, внутренних дел, органами финансовой разведки и другими заинтересованными министерствами и ведомствами.

Например, поступающая из подразделений финансовой разведки информация, которая получается по линии группы «Эгмонт», в соответствии с ее целевым назначением способствует ориентированию расследования по оптимальным векторам поиска доказательств совершенного преступления, в том числе в случаях осуществления проверяемых финансовых операций за пределами Российской Федерации.

Так, Следственным комитетом Российской Федерации расследовано уголовное дело по обвинению двух лиц в совершении хищений, принадлежащих ряду коммерческих организаций и банку с государственным участием. По данному уголовному делу в целях проверки версии о совершении обвиняемыми мнимых сделок и незаконного транзита денежных средств с целью их последующего обналичивания в территориальное подразделение Росфинмониторинга направлялся соответствующий запрос. В поступившем ответе содержались сведения, подтверждающие фиктивный характер товарно-денежных отношений между коммерческими организациями, аффилированными с обвиняемыми, установлен механизм обналичивания похищенных ими денежных средств, конечный этап которого произошел на территории Европейского Союза. Данная информация существенным образом облегчила процесс доказывания вины обвиняемых в совершении инкриминируемых им преступлений и позволила привлечь их к уголовной ответственности.

Особое внимание при расследовании уголовных дел коррупционной направленности уделяется вопросам возмещения причиненного преступлениями ущерба.

Так, в ходе расследования соответствующих уголовных дел следователи Следственного комитета Российской Федерации в первом полугодии 2017 года возместили 1,6 млрд рублей и наложили арест на денежные средства в размере 4,3 млрд рублей.

Успешному продвижению международного сотрудничества ведомств способствует и то, что Следственный комитет Российской Федерации является активным участником реализации на территории страны целого ряда международных договоров, обязательство о выполнении которых государство взяло на себя путем их ратификации парламентом.

Среди таких актов следует выделить Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности [1], Конвенцию ООН против коррупции [2], Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [3], Конвенцию Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности [4], Конвенцию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [5].

Существенный перечень содержащихся в них международно-правовых норм, имплементированных в национальное законодательство, касается компетенции и полномочий Следственного комитета Российской Федерации, как например, взятое на себя Россией обязательство бороться с подкупом иностранных чиновников в сфере предпринимательства или участие страны во взаимном возврате преступных активов, легализованных в иностранных юрисдикциях.

С целью проверки выполнения тем или иным государством взятых на себя обязательств международные организации (ООН, Совет Европы, ОЭСР, ФАТФ, МАНИВЭЛ и другие) создают так называемые мониторинговые механизмы, призванные оценивать полноту и степень внедрения международных норм в национальное законодательство, их практическую реализацию, правовую осведомленность населения о международных требованиях и другие факторы.

Следственный комитет Российской Федерации принимает участие во всех этапах такой оценки как ведомство, в компетенцию которого входит практическое применение имплементированных норм. Такое участие заключается в подготовке соответствующих отчетов о результатах работы, издании необходимых для реализации международных требований внутриведомственных актов, обучении следователей и повышении их квалификации, встречах с иностранными правительственными экспертами-оценщиками с целью представления и отстаивания позиции Российской Федерации.

Например, по вопросам применения положений международных договоров в сфере противодействия коррупции Следственный комитет Российской Федерации осуществляет такую работу на площадках ООН, Совета Европы и ОЭСР практически с момента своего создания.

В Следственном комитете Российской Федерации введена и поддерживается специализация следователей по расследованию коррупционных преступлений и постоянная система повышения их квалификации на базе Московской и Санкт-Петербургской академий ведомства, в кото-

рых тематике возмещения ущерба от коррупции уделяется особое внимание, приняты ведомственные нормативные акты, касающиеся расследования преступлений коррупционной направленности.

Особое значение придается организации эффективной работы по возврату преступных активов из иностранных юрисдикций. Следственный комитет Российской Федерации в рамках предоставленных ему полномочий в полной мере реализует положения Конвенции ООН против коррупции, в том числе ее пятой главы, и предусмотренные названным договором конкретные механизмы взаимодействия с компетентными органами других стран.

Принимая во внимание, что нормы международного права, касающиеся возврата преступных активов, содержат рамочные стандарты на базе правового принципа *ad hoc*, представляется крайне важным налаживать межведомственное сотрудничество при проведении уголовных расследований, в том числе путем использования различных региональных международных сетей и совместных информационных ресурсов с целью быстрого и эффективного реагирования на коррупционные угрозы трансграничного масштаба.

Перспективным видится установление прочных прямых контактов уполномоченных лиц правоохранительных органов, интенсивное использование линий прямой связи для решения острых вопросов практики возврата активов.

Например, в Следственном комитете Российской Федерации действует национальный контактный пункт, созданный в рамках Региональной антикоррупционной сети правоохранительных органов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который оказывает содействие в установлении контактов и получении информации, в том числе необходимой при процедурах розыска, ареста и конфискации преступных активов, выявления и расследования фактов иностранного подкупа и других актуальных направлений борьбы с преступностью.

Возлагаются большие надежды на реализацию проекта Интерпола «уведомление с серебряным углом», который будет способствовать активизации общих усилий на данном направлении.

В некоторых случаях результаты по розыску и возврату преступных активов могут быть достигнуты за счет хорошей подготовки и осведомленности следователей о технологиях работы по розыску и аресту активов за рубежом и национальных особенностях соответствующих процедур, в связи с чем участие сотрудников Следственного комитета Российской Федерации в различного рода обучающих мероприятиях, в том

числе на базе Международной антикоррупционной академии является регулярным.

Для эффективной работы на этом направлении внедряются технологии информирования и обучения следователей в субъектах Российской Федерации об актуальных типологиях легализации преступных доходов и схемах коррупционных преступлений, передовых методах их выявления и расследования, в том числе на основе материалов ООН, ОЭСР, АТЭС и других международных форматов, размещаемых на их официальных интернет-ресурсах, а также иных обучающих семинаров в сфере борьбы с коррупцией и возврата преступных активов.

В 2017 г. сотрудники Следственного комитета Российской Федерации приняли участие в 7-й Ежегодной конференции по возврату активов, организованной Интерполом при поддержке Инициативы по возврату похищенных активов Всемирного банка и УНП ООН (Инициатива СтАР) в Канаде, в семинаре высокого уровня по возврату активов в рамках Экспертной рабочей группы АТЭС по борьбе с коррупцией и обеспечению транспарентности во Вьетнаме, заседаниях Рабочей группы открытого состава по возврату активов УНП ООН в г. Вене и других мероприятиях.

Участие Следственного комитета Российской Федерации в подобного рода международных встречах на экспертном уровне ежегодно расширяется, что представляется оправданным в условиях возрастающей преступности транснационального характера, необходимости расследования сложных межнациональных финансовых преступных схем, выработки новых методов следственной работы, а, следовательно, укрепления взаимодействия заинтересованных структур, как внутри страны, так и на международной арене.

На проводимых международными организациями и отдельными странами учебных мероприятиях происходит обмен опытом и положительными следственными практиками, выработка оптимальных способов взаимодействия и сокращения сроков предоставления необходимой информации, согласуются общие подходы к решению конкретных задач, направленных на противодействие коррупции.

Указанное позволяет не только использовать полученные сведения для совершенствования следственной работы и процессуального контроля, но и инициировать необходимые изменения и дополнения в действующее национальное законодательство.

Полученная на международных межведомственных встречах информация о практике возмещения ущерба, причиненного в результате совершения коррупционных преступлений, используется и при подготовке

организационно-распорядительных документов Следственного комитета Российской Федерации в указанной сфере, например новой редакции Указания главы ведомства об организации следственной работы и процессуального контроля в сфере противодействия коррупции, полученный опыт распространяется, используется при расследованиях и осуществлении контрольных полномочий.

В связи с этим участие, как Следственного комитета Российской Федерации, так и других правоохранительных органов, в международных мероприятиях антикоррупционной направленности представляется важным и необходимым. Вместе с тем, международное сотрудничество в указанной сфере должно соответствовать ряду требований, отвечающих современному уровню международного взаимодействия. Среди них следует выделить надлежащую подготовку сотрудников правоохранительных структур, их профессиональную компетенцию и осведомленность. В связи с этим проработку международных вопросов в сфере противодействия коррупции целесообразно поручать должностным лицам, специализирующимся на антикоррупционной работе, владеющим отличными теоретическими знаниями, имеющим возможность пользоваться аналитическими обобщениями в этой области и обладающим практическим опытом по расследованию уголовных дел коррупционной направленности. Кроме того, важным является навык владения английским и другими иностранными языками, достаточный для свободного участия в дискуссиях на профессиональные темы.

Таким образом, укрепление международного межведомственного сотрудничества является важнейшим фактором успешной реализации государственной антикоррупционной политики и требует своего дальнейшего совершенствования и развития, что, в свою очередь, диктует необходимость непрерывного повышения профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 40, ст. 3882.
2. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 26, ст. 2780.
3. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 20, ст. 2394.

4. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 3, ст. 203.

5. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 19 ноября 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 6, ст. 622.

Руслан Равильевич Мазитов¹,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Складывающаяся в настоящее время криминальная обстановка в стране и в мире настоятельно указывает на необходимость международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, в том числе и с трансграничной. С данной проблемой сталкиваются большинство государств, находящихся в различных уголках мира.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика имеют общую протяженную границу. Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось установлением контактов и партнерских отношений правоохранительных органов наших стран, что дало заметные успехи в совместной борьбе с транснациональными преступлениями, поддержании общественного порядка и обеспечении экономического развития в приграничных районах двух стран.

Сотрудничество МОБ КНР и МВД СССР началось еще в середине XX века, однако в силу определенных исторических причин сотрудничество было прервано, однако по мере улучшения двусторонних отношений с 1983 года стороны вновь участвовали в экономических, торговых и культурных обменах.

Происходящие в последнее десятилетие события ведут к большему сближению правоохранительных органов Российской Федерации и Китайской Народной Республики, чему способствуют общие полити-

¹ © Мазитов Р. Р., 2018.

ческие, экономические и культурные интересы. Можно согласиться с профессором Чжао Хуашэн, выразившим мнение о том что: «Наиболее важные показатели при оценке китайско-российских отношений – их качество и качественное развитие. К критериям качественного развития относятся уровень взаимного доверия, а также степень углубления всестороннего и систематического сближения в области практического сотрудничества» [7].

Первостепенную роль в процессе сближения играет расширение экономических взаимоотношений между нашими странами, увеличение товарооборота и туристический обмен. Естественно развитие экономических связей порождает интерес преступных элементов к обогащению за счет хищения отдельных видов природных ресурсов (рыба, морепродукты, лес, пушнина, дикоросы), в том числе и в Дальневосточном регионе.

Современная преступная среда имеет свойство видоизменяться и приспособливаться к новым для нее условиям построения и развития общественных и экономических отношений. В связи с чем, в значительной степени возрастает количество преступлений, совершенных международными преступными группировками, членами которых являются, как российские, так и китайские граждане. Для осуществления борьбы с которыми, наши государства разрабатывают и внедряют различные формы и методы взаимодействия, постоянно совершенствуя правовую базу совместных действий. Россия, как член мирового сообщества ведет активную борьбу с международной и в том числе с трансграничной преступностью. В этих целях Российская Федерация подписала ряд важных международных правовых соглашений, в сфере обеспечения национальной безопасности, определяющих вопросы взаимодействия правоохранительных органов и основные параметры оказания правовой помощи в противодействии преступным элементам.

Вопросы развития и совершенствования сотрудничества в области борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе являются актуальными и востребованными в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и Китайской Народной Республики, что невозможно без совершенствования законодательной базы, форм, способов и методов совместных действий среди которых постоянный информационный обмен является одним из наиболее важных факторов. Поэтому основной целью сотрудничества является, с одной стороны, совершенствование законодательства в этой области, с другой – достижение единства действий государств в лице национальных правоохранительных органов при расследовании преступлений [6].

В настоящее время к основным формам международного сотрудничества в правоохранительной сфере относят:

- правовое взаимодействие, основанное на мерах и способах противодействия транснациональным преступлениям, получившим наибольшее распространение в конкретном регионе;
- учет специфики деятельности местных этнических и интернациональных преступных групп и присущих им способов совершения преступлений;
- установление тесных контактов с правоохранительными органами сопредельных государств.

Необходимо отметить, что деятельность правоохранительных органов Российской Федерации не ограничивается взаимодействием только на федеральном уровне, а также осуществляется на уровне приграничных регионов – ряда краев и областей Дальнего Востока, так как каждому из них присуща географическая и национальная специфика. В этом случае участие субъектов Российской Федерации необходимо для эффективной реализации международных обязательств России и требует непосредственного участия правоохранительных органов субъектов Федерации. Так, в Соглашении между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности КНР о сотрудничестве органов внутренних дел и органов общественной безопасности приграничных регионов обоих государств от 26 июня 2002 г. [4] предусмотрено, что «стороны уполномочивают реализовывать настоящее Соглашение следующие органы внутренних дел и органы общественной безопасности приграничных регионов:

- а) с Российской стороны: Министерство внутренних дел – Республики Алтай, Управления внутренних дел Приморского и Хабаровского краев. Амурской и Читинской областей. Еврейской автономной области;
- б) с Китайской Стороны: Управления общественной безопасности провинций Хэйлунцзян и Цзилинь, Автономного района Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурского автономного района» [5].

Очевидно, что сотрудничество с правоохранительными органами Китая по противодействию транснациональным преступлениям ввиду географического расположения Дальневосточного федерального округа, а также значительного числа проживающих в регионе граждан КНР представляется особенно актуальным. Основными документами, регулирующими отношения в данной сфере, являются Договор между Российской Федерацией и КНР о правовой помощи по гражданским и уголовным делам [1] и Договор между Российской Федерацией и КНР о

выдаче [2]. Первый документ закрепил необходимость осуществления на основе уважения суверенитета и взаимности сотрудничества двух государств в области правовых отношений. Порядок их взаимоотношений при оказании правовой помощи в соответствии с Договором установлен через центральные учреждения обеих сторон.

При оказании правовой помощи по уголовным делам стороны обязуются: исполнять поручения о допросе свидетелей, потерпевших, экспертов, обвиняемых; производстве обыска, экспертизы, осмотра и о других процессуальных действиях, связанных со сбором доказательств; передаче вещественных доказательств и документов, ценностей, полученных в результате преступления, а также о вручении документов, связанных с производством по уголовному делу; информировать о результатах производства по уголовному делу. Данный документ также предусматривает возможность взаимного обмена информацией о действующем или действовавшем законодательстве и судебной практике его применения.

Договор о выдаче вменяет в обязанность России и КНР выдавать по просьбе друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение. Преступлениями, влекущими такую выдачу, являются деяния, которые являются преступными согласно законодательству обеих стран и за совершение которых предусматривается тюремное заключение (лишение свободы) на срок не менее одного года или более тяжкое наказание по законодательству КНР или России.

В ноябре 2001 г. в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности КНР [3] в соответствии с которым «... Стороны будут осуществлять сотрудничество в формах обмена информацией о готовящихся или совершенных преступлениях; исполнения запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; розыска лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора; обмена информацией о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте, о технологиях их изготовления и используемых при этом веществах ...». В след за вышеуказанным документом в Пекине 26 июня 2002 г. подписано Соглашение о сотрудничестве указанных ведомств в приграничных регионах обеих государств. В соответствии с которым «... Органы внутренних дел и органы общественной безопасности приграничных регио-

нов обоих государств обмениваются оперативно-розыскной, криминалистической и иной информацией ...» [4].

Указанные документы закрепили взаимное стремление сторон укреплять взаимодействие в противодействии трансграничной преступности путем обмена информацией, опытом работы, исполнения запросов об оказании международной правовой помощи и др.

В настоящее время взаимодействие на региональном уровне осуществляется путем проведения двусторонних встреч, заключения соглашений о взаимной помощи и т. д. При этом встречи носят регулярный характер, причем наиболее тесное сотрудничество в противодействии трансграничной преступности налажено между Управлениями субъектов МВД России Дальневосточного федерального округа и Управлением Общественной Безопасности провинции Хэйлунцзян.

В марте 2017 года в Пекине состоялась встреча министра внутренних дел России Владимира Колокольцева и министра общественной безопасности КНР Го Шэнкунь, которые подписали Протокол о сотрудничестве в правоохранительной сфере на 2017–2018 годы. В рамках проведения встречи Министерству общественной безопасности КНР было предложено усилить обмен информацией о лицах, причастных к производству и распространению наркотических и психотропных веществ. Так как, для многих стран одной из глобальных угроз безопасности является незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и запрещенных сильнодействующих препаратов.

В заключении хотелось отметить, что как отметил глава МВД России Владимир Колокольцев, находившийся с официальным визитом в Китайской Народной Республике в марте 2017 года, на встрече с министром общественной безопасности КНР Го Шэнкуном: «Такие встречи призваны способствовать дальнейшему развитию взаимодействия наших приграничных подразделений в борьбе с организованной преступностью, в том числе терроризмом, экстремизмом, нелегальной миграцией, экономическими преступлениями, незаконным оборотом наркотиков».

Библиографический список

1. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам. Пекин, 19 июня 1992 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 7, ст. 612.

2. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче. Москва, 26 июня 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 14, ст. 1668.

3. Соглашение о сотрудничестве между Министерством Внутренних Дел Российской Федерации и Министерством Общественной Безопасности Китайской Народной Республики. Москва, 28 ноября 2001 г.). URL: <http://www.legal-way.ru/agr65.php>.

4. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной республики о сотрудничестве органов внутренних дел и органов общественной безопасности приграничных регионов обоих государств. Заключено в г. Пекине 26.06.2002. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/7038>.

5. Морозов А. Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания // Журнал российского права. – 2009. – № 2.

6. Феоктистова Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты : монография. – М. : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2010.

7. Чжао Хуашэн. Россия и Китай укрепляют взаимное доверие. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7889#top-content.

Мадина Муссаевна Макаренко¹,

доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

С развитием химических технологий наркотики растительного происхождения уходят в прошлое, и на рынке наркобизнеса их активно вытесняют наркотики синтетического происхождения, в том числе наркотические курительные смеси, условно называемые «спайс», и порошки

¹ © Макаренко М. М., 2018.

амфетамин, больше известные под названием «спиды» или «скорость». В начале XXI столетия именно это множество аналогов наркотических средств (MDMC, 4-ММС, ММСАТ и др.) становятся неотъемлемыми элементами молодежной субкультуры во всем мире, что неизбежно приводит к массовым отравлениям в этой среде и высоким показателям летальных исходов. Как свидетельствуют специалисты, действие новых потенциально опасных психоактивных веществ на организм человека во много раз превышает воздействие от традиционных наркотических средств [2]. При употреблении таких наркогенов сосуды головного мозга резко сужаются, наступает острое кислородное голодание. У человека развивается устойчивое чувство страха, паники, безысходности, галлюцинации. Нередко потребители «спайсов» становятся пациентами психиатрических клиник [1].

Указанные обстоятельства потребовали рассмотрения проблемы распространения новых потенциально опасных психоактивных веществ с участием всего мирового сообщества, и в во многих странах стали приниматься антинаркотические нормы, ограничивающие или запрещающие их оборот. Государственные мероприятия по контролю курительных смесей за последние 10 лет были активно разработаны и реализованы в Австрии, Германии, Франции, Люксембурге, Польше, Литве, Швеции, Эстонии и находятся в стадии рассмотрения в других государствах – членах Евросоюза.

Среди исследователей нет единства мнений о том, где и как происходит фактическое производство травяных смесей, синтетических каннабиноидов и их добавление к травяным смесям. Одни исследователи полагают, что миксы производятся на территории Северной Ирландии компанией The Psyche Deli и позиционируются как легальные смеси для курения растительного происхождения, не дающие положительного результата на наркотические пробы. Другие считают, что продукты спайс могут быть произведены в странах Азии, например в Китае, в то время как синтетические каннабиноиды – в странах, где наличествует дешевый органический синтез.

Стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и насыщение наркорынка новыми видами психоактивных веществ представляют прямую угрозу национальной и экономической безопасности Российской Федерации, здоровью населения, культурному и нравственному потенциалу страны. Так, например, в результате мониторинга Роскомнадзором сети Интернет установлено, что пользователями только одного региона России ежемесячно запрашивается информация со словами: «наркотик»

– 10 000, «спайс» – 7 000, «марихуана» – 1 150, «гашиш» – 1 000, «героин» – 850. По запросу «как приготовить амфетамин в домашних условиях» – интернет выдает 32 тыс. сайтов, которые содержат информацию о способах изготовления наркотиков в домашних условиях. При запросе в поисковой системе «Yandex» слова «наркотик» выдает 46 млн сайтов, «марихуана» – 9 млн, «героин» – 8 млн, «спайс» – 6 млн, «курительные смеси» – 1 млн., «дезоморфин» – 578 тыс. [3].

Сложившаяся ситуация диктует необходимость создания новой системы противодействия данной угрозе на государственном уровне. Одним из направлений этой деятельности, безусловно, является совершенствование законодательства и правоприменительной практики в указанной в сфере.

За последние пять лет в России ликвидировано 50 тысяч наркопритонов и мест производства наркотиков, из незаконного оборота изъято 26 тонн опиатов, в том числе 11,5 тонн афганского героина, 18 тонн синтетических наркотиков, 121 тонна марихуаны и 10 тонн гашиша, выявлено свыше 700 видов новых потенциально опасных психоактивных веществ. В 2014 году объем изъятых синтетических наркотиков в 160 раз превысил количественный показатель десятилетней давности. За последние пять лет к уголовной и административной ответственности привлечено 1 млн 200 тыс. человек, пресечена деятельность 26 тыс. организованных преступных групп и преступных сообществ.

Рабочая группа по противодействию незаконному обороту наркотических средств, распространяемых под видом курительных смесей действует при Главном управлении России по городу Москве. Аналогичные подразделения существуют также в низовых подразделениях по округам. Их усилиями на постоянной основе с 2014 года осуществляется оперативно-профилактическое мероприятие «Спайс». Подобные рабочие группы действуют и во многих субъектах Российской Федерации.

Правоохранительные органы Российской Федерации изымают новые виды психоактивных веществ, поступающие из разных государств: Ирландии, Италии, США, Великобритании, Нидерландов, Чехии, Германии, Испании, Финляндии, Бельгии, Литвы, Латвии, Украины. Вместе с тем необходимо отметить, что из этих государств в Россию поступают небольшие партии наркотиков. Наиболее же крупные партии поступают в Россию из Китая. Средний вес одного изъятия, поступившего из КНР, составляет 480 граммов, из других государств – 16 граммов.

Анализ сложившейся ситуации констатировать опасную тенденцию, имеющую место на протяжении последних лет, которая выража-

ется в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Меняются схемы и способы сбыта наркотиков. С 2008 года на территории Российской Федерации все большую популярность начал набирать бесконтактный способ сбыта наркогенов. Для таких целей раньше использовались средства сотовой телефонной связи, обеспечивавшие обмен информацией о времени, месте и способе сбыта наркотиков, путем голосовых переговоров и коротких SMS-сообщений, а в настоящее время возможности сети Интернет.

Вместе с тем, результативность проводимой работы остается по-прежнему низкой из-за ряда объективных и субъективных причин, некоторые из которых будут раскрыты ниже.

В Российской Федерации установлена административная (ст.ст. 6.9, 6.9.1, 6.10 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 234.1 УК РФ) за противоправные действия конкретных лиц, которые, преследуя корыстные цели, наносили и наносят существенный вред здоровью населения путем незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Следует отметить, что к обязательным признакам образцов, которые претендуют на отнесение их к новым потенциально-опасным психоактивным веществам относится их запрещенность для оборота в Российской Федерации. Это условие предполагает, что в установленном законом порядке, после проведения необходимых исследований принято решение о запрете оборота соответствующих веществ. Либо, исходя из потенциальной опасности данных предметов, устанавливается запрет или ограничение свободного доступа к ним.

Однако легального официально-опубликованного списка новых потенциально-опасных психоактивных веществ в Российской Федерации не существует. С момента внесения изменений в Закон № 3-ФЗ, формирование указанного Реестра было возложено на ФСКН. В этом направлении проводилась активная работа по сбору и обобщению сведений о новых потенциально-опасных психоактивных веществах, находящихся в обороте на территории Российской Федерации. Однако в связи с реорганизацией ФСКН 5 апреля 2016 г. функции и полномочия данной службы переданы МВД России. До настоящего времени процедура формирования указанного Реестра не налажена. А поскольку официально запрещенных к обороту на государственном (законодательном) уровне новых потенциально опасных психоактивных веществ нет, то и введенная в уголовное законодательство норма, преду-

смотренная ст. 234.1 УК РФ до настоящего времени на практике не применяется вообще.

Поскольку российское законодательство не содержит перечня подобных веществ, включенных в соответствующий Реестр, это приводит к формулированию следующей коллизии: получается, что законодатель допускает привлечение к уголовной ответственности за указанные действия в случае их осуществления с некими предметами, опасность которых доподлинно не определена, и они не включены в соответствующие перечни запрещенных или ограниченных к обороту. То есть, сталкиваясь с термином «новые потенциально-опасные психоактивные вещества», правоприменитель не представляет, о каких веществах идет речь. Отмеченная неопределенность предопределяет необходимость скорейшего активного формирования Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, что, безусловно, будет способствовать единообразной правоприменительной практике по противодействию их незаконному обороту. Кроме того, это имеет большое значение в повышении эффективности борьбы не только с указанным, но и другими преступлениями, совершаемыми под воздействием наркотических средств, сильнодействующих и новых потенциально опасных веществ.

Следует так же обратить внимание и на то обстоятельство, что у «спайса», или синтетического канабиоида, много формул. В результате чего, как только правоохранительные органы запрещают одну формулу, тут же появляется другая. Токсикологическая идентификация компонентов спайс затруднительна, так как продукт имеет сложный химический дизайн; кроме того в него добавляют большое количество непсихотропных веществ, таких, например, как токоферол, которые маскируют активные компоненты. Именно по этим причинам синтетические добавки трудно обнаружить и идентифицировать [4]. По этой причине научной классификации курительных смесей в Российской Федерации не существует, так как своевременно систематизировать столь быстро пополняющийся ассортимент продукта, появившегося на отечественном рынке, специалисты не успевают.

Таким образом, огромное количество доступных и вместе с тем потенциально опасных психотропных синтетических каннабиноидов означает, что мероприятия, осуществляемые государствами во всем мире по их контролю, являются пока неэффективными. Процесс же выработки новых более результативных мер противодействия этому опасному явлению должен носить международный характер и осуществ-

ляться на постоянной основе. Считаем, что совместные исследования химиков, медиков, психологов, криминалистов, государственных органов контроля помогут сформировать эффективную систему профилактики нежелательных последствий, возможных в результате употребления дизайнерских наркотиков.

Библиографический список

1. Влияние спайса на организм человека. URL: http://www.vredno-vsyu.ru/vred_narkotikov/139-vliyanie-spajsa-na-organizm-cheloveka.html (дата обращения: 27.11.2016).
2. Иваноженко Н. Д., Волчкова А. Н. Нарушения психики при употреблении курительных смесей // Тюменский медицинский журнал. – 2010. – № 1. – С. 25.
3. Пропаганда наркотических средств. URL: <http://rehab-centrs.ru/stati> (дата обращения: 4.12.2016).
4. Курдиль Н. В. Актуальные вопросы таксикологии и лабораторной идентификации синтетических каннабиноидов (подготовлено по материалам Европейского Центра наркотиков и наркомании EMCDDA) // Медицина неотложных состояний. – 2015. – № 2(65). – С. 9–18.

Дмитрий Олегович Моргун¹,

соискатель кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

В современном мире сформированная и развитая в XX–XI вв. система органов международной уголовной юстиции играет ключевую роль в борьбе с наиболее тяжкими видами преступлений, совершаемых государствами вопреки основным принципам международного права закрепленным в Уставе Организации Объединенных Наций (далее ООН). Вне

¹ © Моргун Д. О., 2018.

всякого сомнения, данные постулаты являются ключевой основой поддержания международного мира и безопасности во благо всех народов¹.

Международные уголовные трибуналы, созданные после Второй мировой войны, – Международный Военный Трибунал (Нюрнбергский трибунал) 1945 г. и Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока (Токийский трибунал) 1946 г. – явились не только первыми судебными инстанциями в системе *органов международной уголовной юстиции*, но и заложили начало формированию системы основополагающих принципов осуществления международного уголовного правосудия и развития всей международной уголовной юстиции [3], идеи о которой вынашивались в умах юристов-международников с середины XIX в.

В течение длительного времени опыт Нюрнбергского и Токийского трибуналов не был востребован и лишь в 1993 г. Резолюцией Совета Безопасности ООН 827 от 25 мая 1993 г. был учрежден Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), деятельность которого сосредоточена на судебном преследовании и предании суду высших руководителей, подозреваемых в преступлениях, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г. Позднее, используя аналогичный правовой механизм создания международных судебных органов, Совет Безопасности ООН своей Резолюцией № 955 от 8 ноября 1994 г. учредил Международный трибунал по Руанде для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.

Современная система органов международной уголовной юстиции представлена различными видами международных судебных органов, созданных при поддержке Организации Объединенных Наций в виде самостоятельных инстанций либо в рамках существующих судебных систем государств, с целями судебного преследования и наказания лиц, ответственных за серьезные нарушения международного права, или ответственных за совершение деяний, представляющих собой угрозу для

¹ Геноцид в Руанде (1994 г.), вооруженный конфликт на территории бывшей Югославии (1991-2001 гг.), гражданская война в Сьерра-Леоне (1991–2002 гг.), вооруженный конфликт в Йемене (2014–2015 гг.), вооруженный конфликт на территории Южной Осетии и Абхазии (2008 г.), война в Дарфуре (2001–2007 гг.), война на территории Демократической Республики Конго (1998–2002 гг.), вооруженный конфликт в Ливии (2011 г.), вооруженного конфликта в Кот-д'Ивуаре (2010–2011 гг.) и др.

международного мира и безопасности. Таких судов в настоящее время много и все они разнообразны, несмотря на учрежденный в 1998 г. постоянный Международный уголовный суд: Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде, Специальный суд по Сьерра-Леоне, Специальный трибунал по Ливану, Отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи и др.

В настоящее время в виду совершения тяжких преступных деяний, угрожающих международному миру и безопасности, совершения широкомасштабных и систематичных преступлений против человечности, военных преступлений, наблюдается тенденция развития системы органов международного уголовного правосудия и создания новых судов *ad hoc* (Трибунала по Косово, Трибунала по Украине).

Безусловно, успешное функционирование любого международного органа юстиции зависит от многосторонней помощи и поддержки, оказываемой судам со стороны государств, международных организаций, институтов гражданского общества, так называемых «негосударственных субъектов» [2], заинтересованных в достижении целей создания таких международных судебных органов.

Как справедливо отмечает выдающийся ученый-юрист, профессор международного права, судья Специального трибунала по Ливану Антонио Кассезе, характеризуя специфику взаимоотношений субъектов международного права с органами международной уголовной юстиции: «В отличие от национальных судов международные трибуналы не имеют принудительных органов: без посредничества национальных властей они не в состоянии собирать доказательственный материал, получать свидетельские показания, обнаруживать места, где предположительно были совершены преступления, либо исполнять ордера на арест... Это справедливо для всех международных учреждений, которые нуждаются в поддержке государств для того, чтобы быть в состоянии действовать. Однако международные трибуналы более всего нуждаются в подобной поддержке, поскольку их действие прямо направлено на индивидов, проживающих на территориях суверенных государств и находящихся под юрисдикцией последних» [8].

Вместе с тем, следует понимать, что проецировать межгосударственные отношения в области раскрытия и расследования преступлений и оказания правовой помощи по уголовным делам на отношения «органы международной уголовной юстиции – субъекты международного права» не представляется возможным. Это привело бы к появлению особого режима сотрудничества между указанными сторонами путем применением специфических механизмов взаимодействия.

Практический опыт создания и функционирования международных уголовных судов и трибуналов определил, что их сотрудничество с субъектами международного права не ограничивается исключительно разрешением вопросов по расследованию и судебному преследованию лиц, виновных в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию органов юстиции, взаимоотношения носят многогранный характер. Это связано с тем, что эффективность деятельности органов международного уголовного правосудия напрямую зависит от многосторонней помощи государств, международных организаций и, в том числе, институтов гражданского общества, в различных сферах: финансовой (формирование бюджета и иных денежных фондов органов), технической (предоставление транспортных средств для доставки свидетелей, потерпевших к месту расположения ОМУЮ и др.), информационной (проведение различных кампаний по поддержке ОМУЮ), кадровой (предоставление компетентных должностных лиц для участия в расследовании и привлечению к ответственности виновных лиц) и др. Данный перечень сфер взаимодействия не является исчерпывающим.

Накопленный опыт деятельности органов международной уголовной юстиции позволяет утверждать о выработанных специфических механизмах взаимоотношений субъектов международного права с данными инстанциями, которые, в своей совокупности, позволяют вносить неоценимый вклад в дело борьбы с международными преступлениями и привлечению к ответственности виновных лиц.

Библиографический список

1. Грицаев С. А. Органы международной уголовной юстиции в механизме правосудия переходного периода // В сб.: Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сборник материалов конференции. – М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – С. 93–101.
2. Глухенький С. Х. Негосударственные субъекты в современном международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
3. Международное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. – М. : Статут, 2010. – С. 591–596.
4. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. – М. : МосУ МВД России, 2014.
5. Моргун Д. О. Актуальные вопросы сотрудничества органов международной уголовной юстиции и Международной организации уголовной полиции (Интерпола) // Армия и общество. – 2014. – № 2(39). – С. 51–55.

6. Моргун Д. О. К вопросу о моделях сотрудничества органов международной уголовной юстиции с государствами как субъектами международного права // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 2. – С. 143–145.

7. Пузырева Ю. В. Актуальные вопросы взаимодействия Европейского Союза и его государств-членов с Международным уголовным судом // Российский ежегодник международного права. – 2012. – № 5. – С. 320–328.

8. Cassese A. International Criminal Law // Oxford University Press. – 2003. – P. 355.

Анатолий Семенович Прудников¹,

Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫДВОРЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН С ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Каждое государство устанавливает режим пребывания и проживания в стране иностранных граждан исходя из своей социально-политической природы и определяемой ею своей внутренней и внешней политики [7].

Российская Федерация руководствуется тем, что иностранные граждане и лица без гражданства должны иметь равные между собой права и обязанности независимо от пола, расовой, национальной принадлежности, имущественного положения и т. д.

Иностранный гражданин считается законно находящимся на территории Российской Федерации, если он имеет действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные, предусмотренные международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации [2].

Реализация института административной ответственности возможна только при наличии соответствующих оснований. Основание приме-

¹ © Прудников А. С., 2018.

ния мер административной ответственности является административное правонарушение, совершаемое иностранным гражданином.

Административное выдворение за пределы Российской Федерации как мера административного наказания устанавливается в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства и назначается судьей, а в случае совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию – соответствующими должностными лицами [3].

Административное выдворение за пределы Российской Федерации применяется к иностранным гражданам или лицам без гражданства за совершение ими таких правонарушений, как нарушение режима Государственной границы Российской Федерации, нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, нарушение режима пребывания в России.

Суть административного выдворения за пределы Российской Федерации заключается в принудительном и контролируемом перемещении иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, – в контролируемом самостоятельном выезде иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

Применение данной меры влечет для иностранных граждан и лиц без гражданства официальное прекращение дальнейшего пребывания на территории Российской Федерации.

Административное выдворение за пределы Российской Федерации является одной из эффективных мер воздействия, определенной реакцией со стороны органов государственной власти на совершаемые административные правонарушения иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации.

Административно выдворяемые за пределы Российской Федерации иностранные граждане подлежат учету в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации.

На основании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, участником которых является Российская Федерация, при исполнении постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина необходимо учитывать, что [10]:

– коллективное выдворение иностранных граждан запрещено без индивидуального принятия решения о выдворении в отношении каждого иностранного гражданина;

– иностранный гражданин не высылается в иностранное государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток;

– иностранный гражданин, признанный беженцем, не высылается или не возвращается в иностранное государство, из которого он прибыл, где его жизни или свободе угрожает опасность вследствие его расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Следует отметить, что при осуществлении данной процедуры происходит координация и взаимодействие различных органов государственной власти – Федеральной службы судебных приставов, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности Российской Федерации [6].

Взаимодействие данных органов осуществляется через их центральные аппараты, территориальные органы и структурные подразделения посредством обмена информацией, предоставляемой на бумажном носителе и в электронной форме, с использованием средств факсимильной, электронной, телеграфной и специальной связи, а в необходимых случаях – путем направления запросов и предоставления запрашиваемых сведений и документов.

При наличии документов, необходимых для выезда иностранного гражданина, лица без гражданства за пределы Российской Федерации, судебный пристав-исполнитель совместно с пограничным органом определяет дату, время и пункт пропуска через Государственную границу Российской Федерации, на котором иностранный гражданин, лицо без гражданства будет передано пограничному органу, после чего выносит постановление о препровождении иностранного гражданина, лица без гражданства до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации [11].

В пункте пропуска через Государственную границу Российской Федерации судебный пристав по передат иностранный гражданин, лицо без гражданства, подлежащих административному выдворению, пограничному органу, о чем составляется двусторонний акт о передаче иностранного гражданина (лица без гражданства).

Несмотря на схожесть процедуры реализации административного выдворения за пределы Российской Федерации и депортации как мер государственного воздействия, данные процедуры отличаются по своей целевой направленности и по основаниям применения.

Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации применяется в связи с совершением указанными лицами административных правонарушений на

территории Российской Федерации, депортация представляет собой принудительную высылку иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Разница у этих двух процедур заключается и в разных сроках обжалования: решение о депортации иностранный гражданин может обжаловать через суд в **период трех месяцев** с того момента, когда ему стало о нем известно, в то время, как обжаловать постановление об административном выдворении из России можно только **в период десяти суток**.

Причины отмены судом решения о выдворения или депортации также различны. Суд может снять административное выдворение на въезд в Российскую Федерацию по таким причинам, как:

- истек срок привлечения иностранного гражданина к административной ответственности;
- вина иностранного гражданина не была доказана;
- выявлены нарушения со стороны органов государственной власти и должностных лиц, которые занимались данным правонарушением иностранного гражданина.

Депортация может быть отменена, если:

- нарушен процесс принятия решения или нет оснований того что иностранный гражданин не может находиться на территории России;
- депортация влечет за собой нарушение личных прав человека.

В административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина было внесено в 2017 году ряд изменений.

Административное выдворение за пределы Российской Федерации может быть назначено только судом и только по одной из статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Особенность обжалования административного выдворения за пределы Российской Федерации в 2017 году состоит в том, что производится оно может только по действующему законодательству, исключительно в судебном порядке.

Административное выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации осуществляется за счет средств выдворяемого иностранного гражданина, а в случае отсутствия таких средств либо в случае, если иностранный работник принят на работу с нарушением установленного настоящим порядка привлечения и использования иностранных работников, – за счет средств пригласившего его органа, дипломатического представительства или консульского учреждения иностранного государства, гражданином которого является выдворяемый иностранный гражданин, международной организации либо ее представительства, физического или юридического лица.

Иностранные граждане, подлежащие административному выдворению за пределы Российской Федерации, по решению суда содержатся в специально отведенных помещениях либо в специальных учреждениях до исполнения решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации.

Единственный законный способ отменить административное выдворение и, соответственно, примененный на его основе запрет въезда – это процедура обжалования.

Вернуться в Россию до окончания пяти лет запрета нельзя – что дает право государственным контролирующим органам применить статью 322 Уголовного Кодекса Российской Федерации и привлечь иностранного гражданина уже к уголовной ответственности.

Не назначить административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранному гражданину, даже если оно есть в статье КоАП РФ, суд вправе в случае наличия у иностранца в России брака с гражданами Российской Федерации, детей – граждан России, близких родственников – граждан Российской Федерации, очного обучения в России, необходимости экстренного лечения в Российской Федерации.

В заключении хотелось бы отметить статистику по данной процедуре за 2016 год.

По материалам подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России выдворено в административном порядке за пределы Российской Федерации 55,2 тыс. иностранных граждан, из них треть – 16,9 тыс. человек – в форме принудительного перемещения через государственную границу Российской Федерации [2].

Вынесено 5,7 тыс. решений о депортации, в том числе 5,1 тыс. или 89,9 % – по материалам Минюста России о нежелательности пребывания (проживания). Депортировано 4,9 тыс. иностранных граждан [2].

В 76 субъектах Российской Федерации функционируют специальные учреждения для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии.

В 2016 году в специальные учреждения поступило почти 42,5 тыс. иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии, убыло 42 тыс. человек. По состоянию на конец 2016 года в них содержалось 4,5 тыс. мигрантов [2].

Наибольшее количество представлений направлено на основании решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации, в связи с превышением срока пребывания 90 суток.

Подводя итоги следует сказать, что административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации представляет собой осуществляемую органами государственной власти меру административного принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства за совершение ими административных правонарушений, направленную на регулирование миграционных процессов на территории Российской Федерации и отметить положительную динамику по реализации данной процедуры территориальных органов МВД Российской Федерации по вопросам миграции.

Библиографический список

1. Акимова С. А., Прудников А. С. Исполнительная власть в Российской Федерации и проблемы ее формирования // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9.
2. Акимова С. А. Особенности конституционного закрепления принципов регулирования отношений, связанных с гражданством // Вестник Московского университета МВД России. Юбилейный выпуск. – 2013. – № 6. – С. 37.
3. КоАП РФ. URL: www.garant.ru.
4. Официальный сайт ГУВМ МВД России. URL: www.mvd.ru.
5. Прудников А. С. Организационно-правовые основы предоставления временного убежища в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 8. – С. 28.
6. Прудников А. С. Административная ответственность за нарушения правил режима государственной границы и других пограничных территорий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 16.
7. Прудникова Т. А. и др. Административное право России : учебник для студентов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 104.
8. Прудникова Т. А. Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (на примере России и государств – членов Европейского Союза) : монография. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – С. 184.
9. Прудникова Т. А. Организационно-правовой механизм реализации прав соотечественников, проживающих за рубежом / Международный журнал «Конституционного и государственного права». – 2017. – № 2. – С. 60.

10. Приказ ФСБ России от 23 декабря 2008 г. № 631 «Об утверждении Инструкции об организации деятельности пограничных органов по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства». URL: www.garant.ru.

11. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федеральной миграционной службы, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 19 мая 2014 г. № 100/7509/375/271 г. Москва «Об утверждении Порядка организации взаимодействия Федеральной службы судебных приставов, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федеральной миграционной службы и Федеральной службы безопасности Российской Федерации по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в форме принудительного и контролируемого перемещения через Государственную границу Российской Федерации». URL: www.garant.ru.

Татьяна Анатольевна Прудникова¹,

старший преподаватель кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук

ДЕПОРТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, СОВЕРШИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Российской Федерации депортация, то есть принудительная высылка иностранного гражданина с территории страны, проводится в случае нарушения в сфере миграционного законодательства. Закон определяет депортацию как метод государственного воздействия на человека. Для депортации достаточно всего одного условия: нет законных оснований для нахождения иностранного гражданина в России.

Если обратиться к статистике, то в январе-августе 2017 года в Российскую Федерацию въехало 12,6 млн иностранных граждан [4].

Основной миграционный поток образуют граждане государств-участников СНГ – 67,6 %. Доля граждан государств Европейского союза

¹ © Прудникова Т. А., 2018.

составляет 11,2 % [4]. На граждан других стран приходится 21,2 % всего миграционного потока.

Наибольшая доля (51,8 %) в числе прибывших мигрантов принадлежит гражданам Украины, Узбекистана, Казахстана и Китая.

За этот же период с территории Российской Федерации выехало 10,3 млн иностранных граждан.

За восемь месяцев 2017 года иностранные граждане вставали на миграционный учет 10,5 млн раз, в том числе зарегистрировано по месту жительства – 392,6 тыс., поставлено на учет по месту пребывания – 10,1 млн человек.

На 1 сентября 2017 года иностранные граждане имели 566,7 тыс. действительных разрешений на временное проживание и 543,5 тыс. видов на жительство [4].

Доля иностранных граждан, имеющих действительные разрешения на временное проживание и виды на жительство, составляет 0,8 % от постоянного населения Российской Федерации¹.

Наибольшая доля действительных документов, дающих право иностранным гражданам временно и постоянно проживать в Российской Федерации, от общего числа постоянно проживающих в субъекте Российской Федерации отмечается в Чукотском автономном округе (2,6 %), Белгородской (2,1 %) и Калужской (2,0 %) областях.

Иностранные граждане, прибывшие на территорию Российской Федерации с целью «работа найму», на 1 сентября 2017 года имели более 144,1 тыс. действительных разрешений на работу.

В рамках реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, за 8 месяцев 2017 года принято 58,7 тыс. заявлений. За данный период на учете состояло 656,7 тыс. участников Государственной программы с членами их семей [9].

За август-сентябрь 2017 года по материалам подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России с территории Российской Федерации депортировано 3,5 тыс. иностранных граждан.

Вместе с тем следует отметить, что количество преступлений, совершаемый мигрантами за год, составляет 18–25 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

Мигранты сознают, что перемещаются в пространстве, нарушая уголовно-правовые нормы или с намерением совершить это в обозримом будущем [7].

¹ Данные Росстата по состоянию на 1 января 2017 года.

Собственно говоря, сам характер преступной деятельности предполагает необходимость территориальных перемещений правонарушителей.

Мотивация криминальных миграций расположена достаточно в широком диапазоне. Стремление овладеть новым криминологическим пространством, расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными формированиями, – все это присутствует в феномене «криминальная миграция».

Потоки криминальных миграций имеют различную направленность. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что с ростом напряженности криминологической обстановки эти потоки утрачивают стихийность, становятся более управляемыми и организуемыми со стороны криминалитета. Здесь просматриваются разновекторные тенденции, связанные, с одной стороны, с конкурентной борьбой преступных образований, а с другой – с монополизацией криминального бизнеса [6].

Криминальные миграции можно рассматривать в контексте различных явлений: социально-экономических, политических, национально-этнических, демографических. Такие подходы ориентированы на выделение сущностных сторон процессов перемещения мигрантов, позволяют понять их истоки и глубже познать их содержание.

В силу федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1], принудительное выдворение иностранца за пределы страны, то есть депортация из России, допускается исключительно по решению суда при наличии следующих оснований:

- окончание срока пребывания иностранного гражданина в России (депортация возможна, если иностранец не выехал из страны сам в течение трех суток);
- установление незаконности въезда и пребывания на территории Российской Федерации;
- прекращение действия или аннулирование разрешения на пребывания в России (в этом случае у иностранца есть 15 дней, чтобы самостоятельно покинуть страну).

Сама по себе депортация не влечет за собой серьезных юридических последствий. Исключением может стать категорический отказ мигранта покинуть пределы страны. Тогда его отправка происходит после судебного решения уже в принудительном порядке, когда сотрудники МВД Российской Федерации под конвоем сопровождают иностранца до транспортного средства заграничного следования.

Решение о депортации может быть обжаловано иностранцем в течение 3 месяцев с момента, когда ему стало об этом известно. Если дело дошло до суда и вынесено судебное решение о принудительной высылке иностранца из Российской Федерации, на обжалование отводится 10 дней.

Аннулировать решение о депортации можно, если у депортируемого есть основания:

- заключен брак с гражданином Российской Федерации, есть ребенок или родственники – граждане России;
- мигрант трудится в России на легальных основаниях, есть патент или разрешение на работу, подписан трудовой договор;
- иностранец является студентом российского вуза или другого образовательного учреждения;
- иностранный гость проходит курс лечения в Российской Федерации;
- на момент депортации у мигранта были разрешительные документы (ВНЖ или РВП).

Очень важно отметить, что под депортацию не попадают консульские и дипломатические сотрудники, а также лица, обратившиеся за получением статуса беженца, временным или политическим убежищем, или которые утратили статус беженца, но не могут вернуться на родину по независящим от них причинам: в их стране голод, эпидемия, идут военные действия.

Актуальным вопросом сейчас является депортация граждан без какого-либо гражданства.

Также следует отметить, что одним из важных вопросов в рамках процедуры депортации является порядок высылки иностранных граждан по истечению их легального пребывания в Российской Федерации, но которые до истечения их срока пребывания, не покинули территорию государства.

Депортация (как добровольная, так и принудительная) осуществляется исключительно после вступления в силу судебного решения и иностранный гражданин, до реализации этой процедуры, должен содержаться в специально отведенном помещении.

Также любой иностранный гражданин имеет право подать заявление на обжалование решения суда. Сделать это необходимо не позднее 10 суток после оглашения решения суда и получения соответствующего уведомления.

Актуальной проблемой также является финансирование данной процедуры. Депортация может осуществляться на средства как самого де-

портируемого, так и за деньги организации, физических лиц или дипломатических служб той страны, которая должна принять депортируемого. В отдельных случаях процедура выселения может быть оплачена из бюджета Российской Федерации (при условии, если вышеописанные варианты не представляются возможными).

После принудительной депортации въезд иностранного гражданина через границу на территорию России будет под запретом. Срок запрета на въезд может колебаться от 3 до 5 лет. Следует отметить и актуальную проблему отмены даты депортации, которая возможна для всех лиц, которые не успели или не смогли по независящим от них обстоятельствам получить гражданство на основании Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (ст. 41, часть 4 (а, б, в); ст. 16, ч. 1).

Важным вопросом является также депортация граждан иных государств, которые заражены вирусом иммунодефицита человека (сокращенно ВИЧ).

Решение этих и других проблем будет способствовать реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ». URL: www.garant.ru.
2. Акимова С. А., Прудников А. С. Исполнительная власть в Российской Федерации и проблемы ее формирования // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 9.
3. Акимова С. А. Особенности конституционного закрепления принципов регулирования отношений, связанных с гражданством // Вестник Московского университета МВД России. Юбилейный выпуск. – 2013. – № 6. – С. 37.
4. Официальный сайт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. URL: <http://www.mvd.ru>.
5. Прудников А. С. Организационно-правовые основы предоставления временного убежища в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 8. – С. 28.
6. Прудников А. С. Административная ответственность за нарушения правил режима государственной границы и других пограничных территорий // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 16.

7. Прудникова Т. А. Конституция как основа реализации и защиты прав соотечественников в России // Вестник Московского университета МВД России. Юбилейный выпуск. – 2013. – № 6.

8. Прудникова Т. А. Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (на примере России и государств-членов Европейского Союза): монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 184.

9. Прудникова Т. А. Организационно-правовой механизм реализации прав соотечественников, проживающих за рубежом / Международный журнал «Конституционного и государственного права». – 2017. – № 2. – С. 60.

Сергей Александрович Пузырев¹,

доцент кафедры экономической безопасности, финансов
и экономического анализа Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат экономических наук подполковник полиции

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА БЮДЖЕТНУЮ ПОЛИТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В современном мире вопросы миграции являются актуальной проблемой, давно вышедшей за границы одного государства, региона и ставшей международной проблематикой. По мнению ученых, миграция несет в себе как положительные моменты (экономический рост стран исхода и приема мигрантов, изменения показателей демографии, социально-культурное обогащение и др.), так и отрицательные (рост транснациональной организованной преступности), что определяет важность глобального управления миграционными процессами с вовлечением государств «происхождения» миграции, транзита и принимающими странами, а также государственных и негосударственных структур [2, 6].

Европейский Союз (далее ЕС) стремится выстраивать свою политику в сфере миграции в тандеме с универсальным подходом к данному вопросу, разработанным в рамках Организации Объединенных Наций (далее ООН), развивая и поддерживая Цели устойчивого развития тысячелетия. Справедливо отметить, что поддержание и развитие этих целей будет служить устранению коренных причин миграции.

¹ © Пузырев С. А., 2018.

Актуальность миграционной тематики особо остро проявилась для ЕС в 2015 г. в рамках массового перемещения людей на территорию государств-членов ЕС. Сложившаяся ситуация миграционного кризиса определила незамедлительную реакцию институтов и органов ЕС, выразившуюся в разработке 13 мая 2015 г. Европейской программы по миграции, представляющей собой комплекс мер, необходимых для регулирования текущих, среднесрочных и долгосрочных задач в области миграции, которые должны были обеспечить структурное решение эффективного управления миграционным кризисом в ЕС.

Данные оперативные мероприятия определили необходимость внесения поправок в годовой бюджет ЕС на 2015 г., а именно в его расходную часть, в рамках которой потребовалось экстренно заимствовать денежные средства на реализацию отдельных концепций миграционной стратегии [13]. Данная программа заложила основы увеличения расходной части бюджета ЕС в 2016 г. и 2017 г. в рамках реализации различных стратегий и программ в сфере пространства свободы, безопасности и законности. Именно к данной расходной части относятся вопросы внутренних дел и юстиции, охраны границ, миграции и политики предоставления убежища.

Указанные тенденции отчетливо видны в следующих бюджетных показателях (см. нижеследующую табл.).

Указанная статистика роста расходной части бюджета ЕС в сфере обеспечения мероприятий, направленных на эффективное решение проблем, связанных с потоками беженцев, на преодоление коренных причин миграции и укрепления безопасности в границах Европы позволяет утверждать о прямом влиянии миграционного кризиса ЕС, начавшегося в 2015 г., на формирование расходов Союза и определение приоритетов его развития на ближайшие годы.

Год /критерий	2015 [12]	2016 [7]	2017 [11]
Общий бюджет – доход	146.027 млрд евро	155.004, 2	157, 9 млрд евро
Общий бюджет – расход	145.243.2 млн евро	153.529 млн евро	—
Сфера пространства свободы, безопасности и законности – расход	1,5 % – 1,935 млн евро	2,61 % – 4,052 млн евро	3,4 % – 6 млрд евро

Анализ источников, размещенных на сайте Европейской комиссии относительно бюджета ЕС за последние три года (2015–2017 гг.) позволяет прийти к следующим выводам: бюджет ЕС увеличился, расходы

бюджета на обеспечение проектов и программ, реализуемых в рамках пространства свободы, безопасности и законности увеличились практически в 2,5 раза.

Не спадающие тенденции потока беженцев определяют дальнейшее интенсивное управление миграцией в ЕС в краткосрочных и долгосрочных перспективах. В 2017 г. запланировано выделение 6 млрд евро на эффективное решение проблем, связанных с потоками беженцев, на преодоление коренных причин миграции и укрепления безопасности в границах Европы. На данную сферу определено 34 % от общего бюджета – 6 млрд евро.

Добавим, что эти денежные средства запланировано потратить из следующего расчета:

- 3 млрд евро на укрепление внешних границ ЕС и повышения уровня безопасности; реализацию пограничной и береговой охраны ЕС, а также разработку новой системы въезда/выезда в/из ЕС; реформирование системы предоставления убежища и «Дублинских механизмов» о предоставлении международной защиты гражданину третьей страны или лицу без гражданства; создание Агентства ЕС по вопросам убежища и укрепления сотрудничества государств-членов Союза в борьбе с преступностью и терроризмом;

- 3 млрд евро на реализацию Механизма поддержки беженцев в Турции, осуществления процедур рамочного партнерства в Африке, для оказания гуманитарной помощи в районе ЕС [11].

Более подробное распределение этих сумм выглядит следующим образом. В рамках продолжения переселения мигрантов с целями снижения миграционных потоков в Италии и Греции государствам-членам ЕС требуется продолжить свое многостороннее сотрудничество. Государства – члены обеспечили безопасное и законное размещение для 14,422 человек – это более половины от согласованных 22,504 человек по схеме переселения в ЕС [5]. Это включает в себя переселение 3565 сирийцев по договоренности «ЕС–Турция». Государства – члены ЕС настроены на проведение дальнейших операций по перемещению мигрантов сирийцев из Турции в общем количестве 34 000 человек в том числе через переселение «один к одному» и национальных программ.

Как следствие, Комиссия пересмотрела программы финансирования соответствующих государств – членов и включить 213 млн евро для финансовой поддержки переселения.

Европейская Комиссия продолжает реализовывать финансирование в рамках фонда для беженцев в Турции, 220 млн евро в рекордно короткие сроки были реализованы в актуальные программы, проекты, контракты. Общий транш составил 3 евро.

Продолжается выделение средств на проведение операций под эгидой Фронтекс в отношении охраны береговых границ и выявления незаконно перемещаемых лиц на территории Греции и Италии (Посейдон, Тритон и др.). В 2017 г. был проведен очередной транш в адрес Фронеткс со стороны Европейской комиссии на проведение этих двух морских операций.

Осуществляется финансирование проектов и программ в рамках целевых фондов ЕС. В частности, в рамках Целевого фонда помощи государствам Африки в апреле 2017 г. ЕС запланировал 4 крупномасштабных мероприятия на сумму 59 млн евро для улучшения стабильности и устранения коренных причин незаконной миграции и принудительного перемещения в регионе Африканского Рога [8].

Как отмечает Комиссар ЕС по вопросам международного сотрудничества и развития Н. Мимика: «Этот новый пакет показывает, как Целевой фонд ЕС по Африке обеспечивает устойчивые решения для устранения нестабильности и отсутствия экономических возможностей в государствах Африки, являющиеся основными причинами вынужденного перемещения в районе Африканского Рога. Представляется, запускаемые проекты по обеспечению мира, стабильности и создания рабочих мест будут способствовать созданию альтернативы для людей. Благодаря этим проектам появятся возможности улучшить свою жизнь и обеспечить подходы к миграции как вариантам выбора, а не вынужденной необходимости» [8].

Немаловажным направлением расходования денежных средств из рассматриваемого европейского фонда по Африке являются программы по миграции, реализуемые в рамках управления непосредственно миграционными процессами. Так в апреле 2017 г. Европейская Комиссия одобрила выделение дополнительных средств в размере 90 млн евро по программе защиты мигрантов и улучшению управления миграцией в Ливии [10].

Новая программа рассчитана на реализацию таких направлений, как: защита мигрантов и беженцев, в том числе наиболее уязвимых групп населения, в Ливии; улучшение условий размещения беженцев в Ливии с учетом сложной социально-экономической обстановки в этом государстве; содействие добровольному возвращению мигрантов из

Ливии в страны их происхождения. Программа мероприятия будет осуществляться в основных районах расселения или транзита мигрантов и беженцев (ливийская южная граница, муниципалитеты вдоль миграционных путей и вдоль прибрежной зоны) и в районах перемещения ливийцев и мест, к которым внутренне перемещенные лица возвращаются.

Аналогичный проект на сумму 100 млн евро был инициирован в начале апреля 2017 г. в отношении Республики Чад [14].

Из аналитического доклада Европейской комиссии относительно текущего года и будущих перспектив выделения бюджета на различные проекты и программы по управлению миграцией следует отметить следующее [9].

1. Решение проблем беженцев и управление нашими внешними границами – главные приоритеты для ЕС. Это привело к тенденции увеличения практически вдвое финансирования этих вопросов в 2015, 2016 и 2017 гг.

2. В общей сложности с 2015 г. по 2017 г. на решение миграционных вопросов было потрачено 17,7 млн евро.

3. Указанные средства были распределены следующим образом:

3.1. Финансирования программ внутри ЕС:

– финансирование чрезвычайных ситуаций и долгосрочных проектов – 6,5 млн евро;

– поддержка агентств и их деятельности – 0,9 млн евро.

Итого: 7,4 млн евро.

3.2. Финансирование программ, реализуемых ЕС за пределами его границ:

– гуманитарная деятельность – 2,7 млн евро;

– поддержка управления границами и миграционными потоками в Турции и на Западных Балканах – 0,3 млн евро;

– поддержка программ и проектов по образованию беженцев, обеспечению их здоровья и существования – 0,7 млн евро;

– возвращение беженцев и перемещенных лиц, помощь и поддержка мигрантов, борьба с основными причинами миграции – 1,3 млн евро;

– борьба с терроризмом и радикализацией, поддержка стабилизации и мира, безопасности и управление третьими странами – 0,3 млн евро;

– организация Лондонской встречи по вопросам миграции – 1 млн евро;

– поддержка механизма перемещения беженцев по проекту ЕС – Турция – 1 млн евро;

- финансирование целевого фонда по Сирии – 0,6 млн евро;
- финансирование целевого фонда по Африке – 2,4 млн евро.

Итого: 10,3 млн евро.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что не спадающие тенденции потока беженцев определяют дальнейшее интенсивное управление миграцией в ЕС в краткосрочных и долгосрочных перспективах.

Библиографический список

1. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. – М. : МосУ МВД России, 2014.
2. Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии // Аналитическая записка. – 2016. – № 10. – С. 4.
3. Пузырева Ю. В. К вопросу о регулировании правового статуса «политических» мигрантов в Европейском союзе // Миграционное право. – 2017. – № 4. – С. 17–20.
4. Пузырев С. А. Экономико-математическое моделирование деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью : монография. – М. : Граница, 2015.
5. Commission calls for renewed efforts in implementing solidarity measures under the European Agenda on Migration. Brussels, 2 March 2017. Press releases database // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-348_en.htm (дата обращения: 17.03.2018).
6. Dr. Shamshad Akhtar, Under-Secretary General and Executive Secretary, Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP). Well-managed Migration Benefits Us All. September 2016 // Addressing Large Movements of Refugees and Migrants. United Nations. URL: <http://refugeesmigrants.un.org/well-managed-migration-benefits-us-all> (дата обращения: 25.12.2017).
7. EU annual budget life-cycle: figures. 2016. Annual Budget // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/annual/index_en.cfm?year=2016 (дата обращения: 17.12.2017).
8. EU approves €59 million to support peace, stability and job creation in the Horn of Africa. Brussels, 28 April 2017. Press releases // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1151_en.htm (дата обращения: 19.04.2018).

9. EU budget for the refugee crisis and improving migration management. Budget // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170302_eu_budget_for_the_refugee_crisis_en.pdf (дата обращения: 19.04.2018).

10. EU Trust Fund for Africa adopts €90 million programme on protection of migrants and improved migration management in Libya. Brussels, 12 April 2017. Pressreleases // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-951_en.htm (дата обращения: 19.04.2018).

11. Factsheet on EU budget 2017. Publications. Budget // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/library/biblio/documents/2016/factsheet-on-eu%20budget-2017_en.pdf (дата обращения: 17.03.2018).

12. Financial Report 2015. Budget // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/financialreport/2015/revenue/index_en.html (дата обращения: 17.12.2017).

13. Security and citizenship. Budget. Financial Report 2015 // European Commission. URL: http://ec.europa.eu/budget/financialreport/2015/expenditure/security/index_en.html#note1 (дата обращения: 20.12.2017).

14. The European Union increases its support for Chad. Brussels, 10 April 2017. Pressreleases // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP17-889_en.htm (дата обращения: 19.04.2018).

Юлия Владимировна Пузырева¹,

доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент подполковник полиции

ИНСТИТУТЫ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Одним из действенных международно-правовых инструментов в борьбе с преступностью является институт выдачи лиц (экстрадиции) («extradition»). *Экстрадиция* – основанная на нормах международного права и национальном законодательстве юридическая процедура, состоящая в процессе доставки лица, совершившего преступление, под

¹ © Пузырева Ю. В., 2018.

юрисдикцию запрашивающего государства для целей привлечения его к уголовной ответственности или исполнения наказания.

Выдача лица, совершившего преступление, предполагает наличие договорно-правовой базы; при отсутствии соответствующего международного договора государства не обязано экстрадировать преступника.

Положения о выдаче обвиняемых или осужденных лиц содержатся в двух блоках международно-правовых актов. К первому следует отнести двусторонние и многосторонние международные договоры о выдаче, оказании правовой помощи по уголовным делам (Европейская Конвенция об экстрадиции 1957 г., Межамериканская конвенция об экстрадиции 1981 г., Конвенция СНГ 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам). Ко второму – международные договоры, нацеленные на борьбу с конкретными видами преступлений, посягающих на международный правопорядок (Конвенция 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом. Конвенция 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания и др.). В рамках ООН в 1990 г. были выработаны Типовой договор о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия и Типовой договор об экстрадиции.

Государство, принимающее на себя договорное обязательство осуществлять выдачу, на уровне национального законодательства регламентирует этот процесс, в том числе определяет круг государственных органов (должностных лиц), компетентных принимать решение об экстрадиции. Это может быть прерогативой судебных органов (Швейцария, Аргентина), органов исполнительной власти (Бельгия, Австрия); в Российской Федерации решение о выдаче принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель.

Положения национального законодательства ряда государств могут обуславливать выдачу лица конкретному государству наличием «принципа взаимности». В российском законодательстве такое условие предусмотрено, в частности, п. 4.1 ст. 462 УПК РФ.

Реализация института экстрадиции увязана с наличием определенных условий:

- выдаче подлежит только лицо, совершившее преступление (но не гражданское, административное правонарушение)
- в отношении экстрадируемого лица должно быть вынесено решение о возбуждении уголовного дела или вынесен приговор, предусматривающий меру наказания в виде лишения свободы;
- совершенное деяние должно быть квалифицировано в качестве преступного как в законодательстве запрашиваемого государства, так и

государства, требующего выдачи (правило «двойного вменения» («double criminality»);

– отсутствие в законодательстве двух государств существенных различий в определении меры наказания за конкретное преступление (например, данное условие в ст. 2 Европейской Конвенции об экстрадиции сформулировано следующим образом: выдача применяется к преступлениям, за совершение которых по законодательству запрашивающей и запрашиваемой стороны предусматривается лишение свободы на срок не менее одного года или другое, более суровое наказание; в отношении осужденных – лишение свободы, к которому приговорено данное лицо, должно составлять не менее четырех месяцев);

– осуществление уголовного преследования лица только за то преступление, которое послужило основанием запроса об экстрадиции («правило специализации»);

– совершенное лицом преступление не относится к разряду политических; например, ст. 3 Европейской Конвенции 1957 г. об экстрадиции предусматривает, что выдача не осуществляется за преступление, рассматриваемое запрашиваемым государством в качестве политического или связанного с ним [5].

При возникновении коллизии запросов об экстрадиции, т. е. в случае, когда выдачи одного лица добиваются несколько государств, решение в пользу того или иного запроса принимает государство, на территории которого пребывает обвиняемый или осужденный. В качестве критерия могут быть приняты:

- место совершения преступления,
- гражданство экстрадируемого лица,
- гражданство потерпевшего (потерпевших),
- хронологическая последовательность поступления запросов о выдаче;

- территориальная юрисдикция предполагает осуществление уголовного преследования государством, на территории которого было совершено преступление вне зависимости от гражданства виновных и потерпевших лиц [5].

Осуществление государством территориальной юрисдикции может быть основанием для отказа в выдаче лица (ст. 7 Европейской Конвенции 1957 г. об экстрадиции).

Универсальная юрисдикция предполагает возможность осуществления уголовного преследования любым государством вне зависимости от места совершения преступления, гражданской принадлежности виновных и потерпевших лиц; определяющим в данном контексте будет ха-

рактер преступного деяния. Данная концепция основана на признании определенной категории преступлений, совершение которых, безотносительно их конкретной направленности, затрагивает интересы всего международного сообщества, посягает на международный правопорядок в целом. Данная категория охватывает, бесспорно, международные преступления. В ряде случаев это применимо и к преступлениям международного характера.

Государство обязано выдать лицо, совершившее преступление, или осуществить в отношении него уголовное преследование (принцип «или выдай, или суди»). Данное положение предусмотрено, в частности, ст. 9 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.; ст. 10 Конвенции 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма; Женевских конвенциях 1949 г. и др.

Различают два вида универсальной юрисдикции: полную (абсолютную) и условную (относительную). Осуществление первого вида юрисдикции предполагает инициирование уголовного преследования лица в случае его отсутствия на территории соответствующего государства (*in abstentia*); осуществление относительной юрисдикции обусловлено фактическим присутствием лица на территории государства.

В международных договорах и законодательстве ряда государств предусмотрено положение о недопустимости выдачи собственных граждан.

Это положение закреплено в ч. 1 ст. 61 Конституции Российской Федерации. Некоторые государства, однако, с учетом принципа взаимности предусматривают возможность экстрадиции собственных граждан.

От института экстрадиции следует отличать институт *передачи лица органам международной уголовной юстиции*.

Порядок передачи лица в распоряжение судебного органа был предусмотрен Уставами международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Вопросы передачи лица Международному уголовному суду регулируются ст. 89–91 Римского статута.

Значение этих различных терминов содержится в ст. 102 Статута Суда: выдача означает «доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства»; «предоставление в распоряжение» означает доставку лица государством в Суд в соответствии с настоящим Статутом.

Следовательно, в отличие от выдачи имеются в виду не взаимоотношения одного государства с другим государством, что регламентировано

в Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 61), УК РФ (ст. 13), УПК РФ (гл. 54), а принципиально иные межсубъектные отношения – государства с международным судебным органом, что предполагает особую регламентацию.

Разграничение данных юридических процедур имеет существенное практическое значение, поскольку большинство государств не признает допустимым выдачу собственных граждан; данное обстоятельство явилось бы значительным препятствием для нормального функционирования Международного уголовного суда. Согласие на экстрадицию лица, совершившего преступление, является правом государства, передача требуемого лица Суду – обязанностью государства – участника Римского статута. Применительно к институту экстрадиции предусмотрен ряд условий, когда в выдаче лица может быть отказано (отсутствие условия «двойного вменения», политический характер преступления, несоразмерность мер наказания, др.); Римский статут не предусматривает условий отказа в передаче (в ст. 98 Статута предусмотрены случаи, когда непосредственно Суд не может обращаться к государству с запросом о передаче лица). Таким образом, правовое разграничение процедуры экстрадиции и передачи лица судебному органу способствует эффективной деятельности Суда, а также позволяет устранить коллизию положений Римского статута с нормами национального законодательства в части регулирования вопроса выдачи собственных граждан.

Библиографический список

1. Международное право : учебник : в 2 т. – 4-е изд., пер. и доп. Сер. 58/ Бакалавр. Академический курс. – М. : Юрайт, 2016.
2. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие / Д. Д. Шалягин, Ю. В. Пузырева. – М. : МосУ МВД России, 2014.
3. Пузырев С. А. Роль подразделений финансовых разведок в борьбе с легализацией преступных доходов // В сб.: Обеспечение финансовой безопасности России. – М., 2013. – С. 74–77.
4. Пузырев С. А. Экономико-математическое моделирование деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью : монография. – М. : ИД «Граница», 2015.
5. Скуратова А. Ю., Иванов Д. В., Кулебякин В. Н. Международное право : учебник для академического бакалавриата : в 2 т. / под ред. А. Н. Вылегжанина. – М. : Юрайт, 2015. Т. 2. – С. 148–180.

6. Скуратова А. Ю. Развитие концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 79–88.

Надежда Владимировна Сидорьяк¹,

заместитель начальника отдела международных
договоров со странами СНГ международно-правового управления
Договорно-правового департамента МВД России
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВМЕСТНЫХ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Интеграционные процессы на пространстве СНГ, направленные на развитие единого экономического пространства, углубление межнациональных культурных и информационных связей, одновременно выступают и криминогенными факторами, определяющими вектор более тесного сотрудничества правоохранительных органов государств – участников СНГ.

Взаимодействие между правоохранительными органами разных стран – важнейшая составная часть международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, которая осуществляется путем принятия согласованных между странами мер по установлению наказуемости в уголовном порядке определенных общественно-опасных деяний (криминализации) и унификации на этой основе уголовного законодательства; пресечению готовящихся или совершенных преступлений, в том числе и путем проведения в необходимых случаях оперативно-разыскных действий [4].

В научной литературе международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства традиционно разграничивают на правовую помощь, выдачу и сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности [8].

Расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации или гражданами России в соучастии с иностранными гражданами, нередко происходит в условиях нахождения подозреваемых в разных государствах.

¹ © Сидорьяк Н. В., 2018.

В этой связи приобретает актуальность создание совместных межгосударственных органов расследования.

Проведение расследования в формате совместных следственно-оперативных групп является одной из форм международного сотрудничества.

Анализ европейской практики проведения совместных расследований позволяет выделить две основных формы их проведения:

- совместное расследование, при котором параллельно на территории каждого государства создаются национальные следственно-оперативные группы, действующие в пределах территории своего государства и взаимодействующие посредством обмена информацией (доказательствами);

- совместное расследование в рамках совместной международной следственно-оперативной группы, состоящей из представителей нескольких государств.

Как отмечает П. А. Литвишко [5], назначение самого института совместной группы составляют:

- оптимизация собирания доказательств по уголовному делу на территории двух и более государств;

- выведение собирания доказательств за рамки длительной и усложненной процедуры обращения с запросами о правовой помощи;

- обеспечение допустимости добытых в таком режиме доказательств.

Нормы, устанавливающие возможность такого рода расследований закреплены в ратифицированной Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г.

В частности в соответствии со статьей 19 указанной Конвенции государства – участники рассматривают возможность заключения двусторонних или многосторонних соглашений или договоренностей, в силу которых в связи с делами, являющимися предметом расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства в одном или нескольких государствах, заинтересованные компетентные органы могут создавать органы по проведению совместных расследований. В отсутствие таких соглашений или договоренностей совместные расследования могут проводиться по соглашению в каждом отдельном случае.

Аналогичные нормы содержатся в статье 49 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., участницей которой является Российская Федерация.

Рассматриваемая форма сотрудничества правоохранительных органов не получила широкого распространения на пространстве СНГ.

Как отмечает Ю. А. Матвейчев, если такие группы и создаются, то это явление исключительно редкое. Взаимодействие осуществляется на основе разовых поручений об оказании правовой помощи. Причин сложившейся ситуации можно выделить несколько:

- инертность практических работников в использовании новых форм сотрудничества с правоохранительными органами других государств;

- отсутствие методических рекомендаций, научных разработок по вопросам организации деятельности межгосударственных следственно-оперативных групп;

- несовершенство правовых норм, регламентирующих деятельность совместных следственно-оперативных групп [6].

В многостороннем формате на пространстве СНГ нормы, предусматривающие возможность создания совместных следственно-оперативных групп для расследования преступлений на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств, содержатся в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.

Статья 63 данной Конвенции определяет порядок создания межгосударственных следственно-оперативных групп, допуская не только присутствие, но и участие членов межгосударственной следственно-оперативной группы в проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий на территории другого государства.

Вместе с тем перспективы ратификации в ближайшем будущем Российской Федерацией указанной Конвенции не прослеживаются.

Возможность направления сотрудников правоохранительных органов одной Стороны на основании соответствующих запросов и после получения разрешения другой Стороны на ее территорию для выполнения служебных заданий, оказания содействия в проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, предусмотрена Договором о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств от 4 июня 1999 г.

Российская Федерация подписала данный Договор, но в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2006 г. 1804-р Исполнительному комитету Содружества Независимых Государств направлено уведомление о намерении Российской Федерации не стать участником Договора.

Отдельные нормы об оказании содействия в исполнении запросов и просьб, а также в проведении процессуальных действий по уголовным делам предусмотрены в Соглашении о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью от 24 апреля 1992 года.

Единственным двусторонним международным договором Российской Федерации, содержащим нормы относительно создания совместных оперативно-следственных групп, является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 года.

В соответствии со статьей 8 данного Соглашения правоохранительные органы Российской Федерации и правоохранительные органы Республики Казахстан по взаимной договоренности могут создавать совместные оперативно-следственные группы (бригады) для расследования отдельных преступлений. При этом применяется уголовно-процессуальное законодательство государства, в производстве правоохранительных органов которого находится конкретное уголовное дело.

Таким образом, следует констатировать отсутствие достаточной правовой базы сотрудничества правоохранительных органов, в частности органов предварительного расследования государств – участников СНГ, при проведении расследования по уголовным делам.

Вместе с тем, раскрытие преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств, требует эффективного взаимодействия их правоохранительных органов, что, в свою очередь, предполагает совершенствование правовых основ такого взаимодействия, развитие его форм и направлений.

В целях создания действенной системы борьбы с преступностью в международном формате государства – участники СНГ вырабатывают формы и методы взаимодействия, стремятся к совершенствованию соответствующей правовой базы.

Подтверждением этому стало, в частности, утверждение 10 сентября 2013 г. в г. Астане Советом министров внутренних дел госу-

дарств – участников СНГ Концепции развития сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ на период до 2020 г.

В соответствии с пунктом 5 главы 2 данной Концепции к основным формам сотрудничества министерств внутренних дел государств – участников СНГ относится, в частности, создание совместных следственно-оперативных групп для раскрытия и расследования преступлений.

Правовое же закрепление данная форма сотрудничества получила в Соглашении о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – Соглашение), подписанном 16 октября 2015 г.

Соглашение имеет целью регламентировать отношения государств – участников СНГ по вопросам создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников СНГ для раскрытия и расследования взаимосвязанных преступлений по уголовным делам.

Соглашение вводит понятие «взаимосвязанные преступления», то есть преступления, совершенные одним или несколькими лицами на территориях двух или более сторон или затрагивающие их интересы.

Данным Соглашением определяются основные задачи совместных следственно-оперативных групп, формы и порядок оформления запросов для создания данных групп, регламентируется деятельность компетентных органов Сторон по созданию, прекращению деятельности совместных следственно-оперативных групп, определяется порядок создания и задачи руководящих органов совместных следственно-оперативных групп, формы взаимодействия внутри них, порядок документооборота с учетом конфиденциальности в деятельности групп.

В соответствии с положениями Соглашения Стороны оказывают друг другу правовую помощь по уголовным делам путем создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп. Предложение о создании совместной следственно-оперативной группы оформляется запросом. Решения о создании совместной следственно-оперативной группы, назначении ее руководителя и прекращении ее деятельности принимаются руководителями центральных компетентных органов Сторон.

Согласно статье 4 Соглашения основными задачами совместных следственно-оперативных групп являются:

- а) согласованная деятельность компетентных органов Сторон по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел;
- б) организация упрощенного порядка взаимодействия (сношения);
- в) создание условий для оперативного обмена информацией;
- г) взаимное информирование о ходе выполнения согласованных действий по раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел;
- д) планирование действий по выдвинутым версиям и их проверка на территориях Сторон;
- е) организация проведения исследований и экспертиз;
- ж) решение вопросов, связанных с хранением и передачей вещественных доказательств;
- з) выполнение поручений о проведении процессуальных действий и (или) оперативно-разыскных мероприятий в соответствии с законодательством запрашиваемой Стороны. По просьбе компетентного органа запрашивающей Стороны может быть применено законодательство запрашивающей Стороны, если это не противоречит законодательству и (или) международным обязательствам запрашиваемой Стороны;
- и) координация и взаимодействие при проведении процессуальных действий и (или) оперативно-разыскных мероприятий на территориях Сторон.

Новацией в международной правовой практике СНГ является включенное в Соглашение положение об упрощенном порядке взаимодействия совместных следственно-оперативных групп, что в значительной степени усиливает координацию и взаимодействие компетентных органов Содружества в борьбе с преступностью.

Уполномоченные представители запрашивающей Стороны с согласия компетентного органа запрашиваемой Стороны присутствуют при исполнении поручения, а также принимают участие в проведении процессуальных действий и (или) оперативно-разыскных мероприятий, если это не противоречит законодательству запрашиваемой Стороны.

Соглашение закрепляет не менее важное положение о взаимном признании доказательств, полученных в ходе проведения процессуальных и оперативно-разыскных мероприятий, как имеющих юридическое доказательное значение.

Следует подчеркнуть, что как в Российской Федерации, так в других государствах – участниках СНГ упомянутые группы уголовно-процессуальным статусом не обладают, а, по сути, лишь координируют совме-

стное расследование. Самостоятельный уголовно-процессуальный статус имеют входящие в совместную группу национальные группы.

Таким образом, осуществление данной формы сотрудничества не требует внесения изменений в российское законодательство.

Поскольку создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп, упрощенный порядок взаимодействия при оказании правовой помощи по уголовным делам не предусмотрены законодательством Российской Федерации (часть третья ст. 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), Соглашение согласно подпункту «а» п. 1 ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» подлежало ратификации.

Федеральным законом от 22 февраля 2017 года № 15-ФЗ Соглашение ратифицировано. При этом в отношении статьи 13 Соглашения сделана оговорка о том, что, если другим международным договором Российской Федерации установлены условия сотрудничества менее благоприятные, чем те, которые предусмотрены Соглашением, Российская Федерация на основе взаимности будет применять положения Соглашения. Данная оговорка необходима, поскольку Соглашение предусматривает упрощенный порядок взаимодействия и буквальное применение статьи 13 Соглашения будет препятствовать его применению.

В настоящее время Соглашение не вступило в силу для Российской Федерации, поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 11 Соглашения Стороны определяют перечень своих центральных компетентных органов и компетентных органов, ответственных за выполнение Соглашения, и передают его депозитарию при сдаче на хранение уведомления о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления Соглашения в силу.

В этой связи Министерством внутренних дел Российской Федерации совместно с заинтересованными российскими ведомствами проводится работа в части определения указанных органов от Российской Федерации в рамках соответствующего Указа Президента Российской Федерации.

Проектом Указа Президента Российской Федерации «О центральных компетентных органах и компетентных органах Российской Федерации, уполномоченных на осуществление взаимодействия с центральными компетентными органами и компетентными органами государств – участников Соглашения о порядке создания и деятельности

совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств» предусмотрены в числе центральных компетентных органов: Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации.

При этом в качестве компетентных органов рассматриваются следующие: следственные органы Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации и приравненные к ним специализированные (в том числе военные) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, Следственный департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации, органы предварительного следствия территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на окружном, межрегиональном и региональном уровнях; Следственное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Полагаем, что реализация рассматриваемого международного договора позволит его участникам более эффективно оказывать друг другу правовую помощь в расследовании различных преступлений, которые затрагивают интересы нескольких государств. При этом с учетом анализа правоприменительной практики в данной сфере, в перспективе представляется целесообразным рассмотреть вопрос формирования внутригосударственного регулирования, в том числе методического обеспечения, совместных расследований.

Библиографический список

1. Быкова Е. В., Выскуб В. С., Хайруллина Г. А. Развитие института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в рамках СНГ. – М., 2012.
2. Ализаде Ф. Э. Международно-правовое регулирование совместных (международных) расследований по уголовным делам // Библиотека криминалиста // Научный журнал. – 2014. – № 2. – С. 294–306.
3. Волеводз А. Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста // Научный журнал. – 2014. – № 3. – С. 311–327.
4. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002. – С. 56.

5. Литвишко П. А. Создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп // Российский следователь. – 2010. – № 4. – С. 34–38.

6. Матвейчев Ю. А. Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами : монография. М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев : Институт МВД, 2016.

7. Попов И. А. Международная следственная группа как одна из форм коллективного метода раскрытия и расследования преступлений: современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 184–192.

8. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности: правовое регулирование, уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество. – СПб., 2002. – С. 286.

9. Румянцев А. Ю. Межведомственное и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и другими особо опасными преступлениями // Пробелы в Российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 247–252.

Александр Михайлович Солнцев¹,

заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов (РУДН),
доцент, кандидат юридических наук;

Букуру Ж.-Б.²,

ассистент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов (РУДН)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Сегодня сотрудничество государств в рамках Международного уголовного суда (МУС) претерпевает существенные изменения.

Во-первых, «кампальские поправки» к Римскому Статуту о Международном уголовном суде, которые в том числе содержат определение преступления агрессии, набрали необходимое количество ратифи-

¹ © Солнцев А. М., 2018.

² © Букуру Ж.-Б., 2018.

каций (по данным на октябрь 2017 г. их ратифицировали уже 34 государства-члена Римского Статута при 30 необходимых [9]). На декабрьской конференции сторон Римского статута в 2017 г. будет проходить голосование и при голосовании «за» вступление в силу более 2/3 всех государств-членов, эти поправки станут юридически обязательными. Итоги этого голосования будут важными для международного сообщества. В случае положительного голосования по вопросу вступления в силу поправок об определении понятия агрессии, можно будет говорить об углублении фрагментации в международном праве. Напомним, что согласно ст. 39 Устава ООН исключительно Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. О фрагментации можно будет говорить в ситуации, когда Римский Статут из 5 постоянных членов Совета Безопасности ООН ратифицировали только 2 (Великобритания и Франция), США подписали 31 декабря 2000 г. (6 мая 2002 г. уже вышли), Китай даже не подписал, а Российская Федерация подписала 13 сентября 2000 г., но 30 ноября 2016 г. было принято Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» [17]. Получается, что представители трех из пяти государств не участвуют в Римском Статуте и не принимали участия в выработке определения преступления агрессии.

Во-вторых, можно говорить о неудовлетворении государствами деятельностью Международным уголовным судом, что, в частности, проявляется в вышеуказанной деятельности России и поведении африканских государств. 27 октября 2016 г. Бурунди уведомила о своем выходе из Римского Статута и согласно ст. 127 (1) Римского Статута официально перестала быть стороной данного международного договора с 27 октября 2017 г. Также ЮАР (19 октября 2016 г.) и Гамбия (10 ноября 2016 г.) заявили о выходе из Римского Статута, но в силу политических мотивов в 2017 г. уведомили Генерального секретаря ООН о том, что они остаются сторонами Римского статута.

Поведение африканских государств более чем объяснимо, поскольку среди дел, рассматриваемых или находящихся в предварительной стадии МУС, абсолютное большинство связано с африканскими государствами.

В Римском статуте МУС участвует 123 государств, 33 из которых являются африканскими. Таким образом, африканские государства составляют самую большую региональную группу государств-участников Римского статута (19 азиатско-тихоокеанских государств, 18 восточно-европейских государств, 28 государств Латинской Америки и Карибских государств, 25 государств Западной Европы и других государств).

Африканские государства позитивно отреагировали на создание МУС в 90-х годах XX в. В феврале 1998 года представители 25 африканских государств проводили встречу в Дакаре (Сенегал), в ходе которой была принята «Дакарская декларация об учреждении Международного уголовного суда» [3]. В рамках данной встречи африканские государства призвали к созданию эффективного и независимого Международного уголовного суда. В Дакарской декларации африканские государства закрепили положения о том, что МУС должен быть независимым, постоянным, беспристрастным, справедливым и эффективным. Была подчеркнута необходимость закрепления принципа взаимодополняемости Международного уголовного суда и национальных и региональных судов, когда последние неэффективны и явно отсутствует политическая воля.

Организация африканского единства (ОАЕ), которая была преобразована в Африканский союз в 2001 г., в своих резолюциях неоднократно призывала все государства-члены поддержать и ратифицировать Римский статут МУС.

Представители 47 африканских стран приняли участие в Римской конференции по подготовке и принятию Римского статута в июле 1998 года. Большинство африканских государств проголосовали за принятие Римского статута на Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН по вопросу об учреждении Международного уголовного суда и некоторые из африканских стран приняли соответствующие национальные законы об имплементации Римского статута МУС [8].

Это означает, что африканские государства внесли большой вклад в развитие международного уголовного права и борьбу с наиболее серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества.

Отношения африканских стран к МУС изменились после того, как данный Суд начал проводить преследования на африканском континенте. Соответственно, политические аспекты этих отношений по-

влияти на легитимность деятельности МУС в Африке, что в основном может быть выявлено в реакции Африканского союза и африканских государств.

Как было отмечено выше, отношения между африканскими странами и МУС изменились, в связи с тем, что МУС в основном проводит преследования по ситуациям в африканских странах, и в некоторых случаях в отношении действующих африканских глав государств и других официальных лиц. Данные обстоятельства и тот факт, что, несмотря на то, что 3 из 5 постоянных членов Совет Безопасности ООН не ратифицировали Римский статут, СБ ООН имеет полномочия направлять на рассмотрение ситуации в МУС в отношении государств, не являющихся участниками Римского статута, представляют собой одни из главных проблем обеспечения принципа комплементарности МУС и его сотрудничества с государствами. После того как в 2009 г. был выдан ордер на арест против действующего Судана, Африканский союз (АС) обратился к СБ ООН с тем, чтобы он принимал соответствующие меры, чтобы МУС приостановил преследования данного президента в соответствии со ст. 16 Римского статута [5], так как его преследование могло бы препятствовать достигнутым усилиям по мирному процессу в регионе.

Совет Безопасности не принял мер по просьбе Африканского союза об отложении судебного преследования в отношении президента Судана Аль-Башира на основании ст. 16 Римского статута МУС. В ответ на отказ Совета Безопасности ООН, Африканский союз представил предложение о поправке к статье 16 Римского статута, чтобы наделять Генеральной Ассамблее ООН полномочиями откладывать преследование в том случае если Совет Безопасности ООН не будет действовать по такой просьбе в течение шести месяцев. Предлагаемая поправка к этой статье Римского статута, к сожалению, не была принята.

Отметим, что одним из фундаментальных принципов деятельности МУС является принцип комплементарности, согласно которому МУС дополняет национальные уголовные системы и действует только тогда, когда государство не может либо не желает провести расследования и уголовного преследования в отношении предполагаемых международных преступлений. Возникает вопрос об объективном характере установления Судом факта нежелания или неспособности государства осуществлять преследования, что затрудняет обеспечение реализации принципа комплементарности, являющегося основным компонентом

сотрудничества между МУС и государствами – участниками Римского статута.

Как отмечает Каюмова А. Р., «главная проблема несовершенства юридических формулировок и свободной интерпретации принципа комплементарности МУС состоит в том, что она неизбежно влечет за собой возможность применения «двойных» стандартов и, как следствие, приобретает политический характер» [13].

А. Б. Мезяев отмечает, что международные судебные учреждения принимают решения по политическим мотивам и что действующее международное право меняют, чтобы принудительно привести неугодных государственных лидеров в МУС и призывал Россию «поддержать те государства, которые готовы бороться с произволом Международного уголовного суда, прежде всего, страны Африки» [14].

Следует отметить, что с учетом этих обстоятельств, АС намерен установить альтернативный механизм международной уголовной юрисдикции на африканском континенте путем учреждения Международной уголовной палаты в рамках Африканского суда справедливости и по правам человека (*African court of Justice and Human Rights*), которая будет расследовать и привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений, которые предусмотрены в Протоколе (2014 г.) [16] о внесении изменений в Протокол (2008 г.) [15] об Африканском суде справедливости и по правам человека. В данном Протоколе 2014 г. содержатся следующие преступления, в отношении которых Африканский суд справедливости и по правам человека будет иметь юрисдикцию: «преступление геноцида, преступление против человечности, военные преступления, пиратство, терроризм, вербовка, коррупция, отмывание денег, торговля людьми, продажа наркотиков, ввоз токсических отходов, незаконная добыча природных ресурсов и преступление агрессии» [12], тогда как МУС имеет юрисдикцию в отношении только четырех международных преступлений: «военные преступления, преступления против человечности, преступления геноцида и преступления агрессии» [12]. Существуют различные мнения о причинах создания Международной уголовной палаты в рамках Африканского суда справедливости и прав человека. С одной точки зрения считается, что создание такой палаты не является реакцией африканских стран на деятельность МУС и не направлено против него [6]. С другой точки зрения полагается, что, наоборот, Международная уголовная палата Африканского суда справедливости и прав человека имеет целью заменить МУС на африканском континенте [7].

Сторонники первой точки зрения утверждают, что идея придавать международную уголовную юрисдикцию Африканскому суду возникла давно до возникновения конфликта между МУС и африканскими странами и что данная идея была предложена учеными, а не главами государств и правительств (т. е. политиками) в связи с необходимостью привлечения бывшего президента Чада Хисена Хабре [1].

Сторонники второй точки зрения считают, что идея создания данной палаты стала актуальной после того, как были предъявлены обвинения против президента Судана, т. е. является реакцией на деятельность МУС и Совета Безопасности ООН.

На 28-м Саммите Африканского союза, который состоялся с 30 по 31 января 2017 г. в Аддис-Абебе, Эфиопия, была принята резолюция АС о Международном уголовном суде, в которой говорится о поддержке заявлений трех африканских государств (Бурунди, ЮАР, Гамбия) о выходе из Римского статута. В данной резолюции АС призывает все государства реализовать его заявления о массовом выходе африканских государств из МУС [2]. При этом, некоторые государства-члены АС, такие как Нигерия, Сенегал, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар не поддержали идею о срочном массовом выходе из МУС.

В заключение можно отметить, что африканские государства участвовали в создании МУС, и нет никаких сомнений в легитимности происхождения данного Суда, поскольку государства-участники выразили свое согласие на его создание путем принятия Римского статута.

Некоторые африканские государства недавно объявили о своем намерении выйти из Римского статута МУС, а АС призывает их к массовому выходу из него. В связи с этим АС намеревается создать международную уголовную палату в рамках Африканского суда справедливости и по правам человека для преследования обвиняемых в совершении международных преступлений. В этой связи, Международный уголовный суд находится в критической ситуации в отношениях с африканскими государствами, участниками Римского статута. Важно отметить, что главы африканских государств демонстрируют растущее недоверие к МУС, и это влияет на его легитимность деятельности. С учетом того, что принято считать, что международные преступления совершают не абстрактные лица, а конкретные физические лица [11], официальные лица, обвиняемые в совершении таких преступлений не могут пользоваться иммунитетом согласно Римскому статуту. Данное обстоятельство также влияет на отношения между МУС и государст-

вами, поскольку он может преследовать даже действующих глав государств и других официальных лиц.

Необходимо реформировать Международный уголовный суд в целях обеспечения его независимости и беспристрастности при выполнении своих функций по предупреждению совершения международных преступлений и привлечению к ответственности виновных. Как отмечает Т. Хансен, «для того, чтобы укреплять свою легитимность в Африке и в других регионах, кажется очевидным, что Суд должен показать, что он не ограничивается преследованиями преступлений, совершаемых в менее сильных государствах» [4]. Следует отметить, что необходимо в определенной степени учитывать традиционные способы привлечения к ответственности, разрешения конфликтов и борьбы с безнаказанностью, к которым привыкли народы данного региона. Эффективная работа МУС в значительной степени зависит от позитивного сотрудничества с государствами, которые имеют преимущество преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений, для обеспечения принципа взаимодополняемости.

Библиографический список

1. Abebe Z. B. The African Court with a Criminal Jurisdiction and the ICC: A Case for Overlapping Jurisdiction? // African Journal of International and Comparative Law. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 418–429.
2. Assembly/AU/Draft/Dec. 1(XXVIII) Rev.2 URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/assembly_au_draft_dec._1_-_19_xxviii_e.pdf (дата обращения: 18.09.2017).
3. Coalition for the International Criminal Court. Dakar Declaration for the Establishment of the International Criminal Court in 1998 // Declaration, 2 February. 1998.
4. Hansen, Thomas Obel. The International Criminal Court and the Legitimacy of Exercise. 2014, At 11.
5. Jalloh Charles Chernor. Africa and the International Criminal Court: collision course or cooperation // NC Cent. L. Rev. – 2011. – 34. – P. 213.
6. Max du Plessis. Implications of the AU Decision to Give the African Court Jurisdiction Over International Crimes, 235 ISS Paper (June 2012), 3.
7. Max du Plessis, T. Maluwa and A. O'Reilly. 'frica and the International Criminal Court. 1 Chatham House International Law (July 2013), 8.
8. Rowland J. V. Africa's Relationship with the International Criminal Court: More political than legal // Melbourne Journal of International Law. – Vol. 14.

9. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10-b&chapter=18&clang=_en (дата обращения: 18.09.2017).

10. URL: <http://www.iccnw.org/documents/DakarDeclarationFeb98Eng.pdf>.

11. Weatherall T. Jus Cogens and Sovereign Immunity: Reconciling Divergence in Contemporary Jurisprudence // *Geo. J. Int'l L.* – 2014. – Т. 46. – С. 1151.

12. Аду Я. Н. Реформа Африканского суда по правам человека и народов Протоколом о пересмотре Протокола о Статуте Африканского суда справедливости и по правам человека от 27 июня 2014 г.: миф и реальность // *Евразийский юридический журнал.* – 2015. – № 7 (86).

13. Каюмова А. Р. Принцип комплементарности МУС как модель соотношения национальной и международной уголовной юстиции: проблемы применения теста о приемлемости // *Современное международное право: глобализация и интеграция. LIBERAMICORUM в честь профессора П. Н. Бирюкова : сборник научных статей.* Воронеж : ИД ВГУ, 2016. С. 115.

14. Мезяев А. Б. Международный уголовный суд: покушение на Россию. URL: https://www.discred.ru/news/mezhdunarodnyj_ugolovnyj_sud_pokushenie_na_rossiju/2014-12-13-9260 (дата обращения: 27.09.2017).

15. Протокол (2008 г.) об Африканском суде справедливости и по правам человека. URL: https://www.au.int/web/sites/default/files/treaties/7792-file-protocol_statute_african_court_justice_and_human_rights.pdf (дата обращения: 19.09.2017).

16. Протокол (2014 г.) о внесении изменений в Протокол (2008 г.) об Африканском суде справедливости и по правам человека. Available from https://www.au.int/web/sites/default/files/treaties/7804-treaty-0045_-_protocol_on_amendments_to_the_protocol_on_the_statute_of_the_african_court_of_justice_and_human_rights_e.pdf (дата обращения: 19.09.2017).

17. Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // *Российская газета. Федеральный выпуск.* – 2016. – № 7130 (262). – 18 нояб.

*Кристина Ивановна Стебенева*¹,
адъюнкт 2-го года обучения ФПНПиНК
по кафедре прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
лейтенант полиции

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОДУКЦИИ КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВОПОРЯДКУ

Анализ результатов изучения исторического аспекта проблемы фальсификации лекарственных средств позволяет утверждать, что первые случаи подделки лекарств были зарегистрированы еще в 40–90 гг. нашей эры [7]. Промышленная революция XIX в. оказала ключевое воздействие на мировой фармацевтический рынок: значительное расширение производства способствовало увеличению числа подделок и выходу «теневого промысла» за рубеж, в результате чего к концу XX в. незаконный оборот медицинской продукции приобрел глобальный характер [8].

По оценкам экспертов теневой фармацевтический рынок в силу своей колоссальной прибыльности на сегодня занимает третье место в мире после незаконной торговли оружием, наркотическими средствами и психотропными веществами [6]. По данным Всемирной Организации Здравоохранения [9] (далее ВОЗ) около 10 % медицинской продукции на современном мировом фармацевтическом рынке является поддельной, а когда речь идет о развивающихся странах, данная цифра достигает 30 %.

Современные масштабы рассматриваемой проблемы не могут не вызывать озабоченности со стороны международного сообщества, так как данный вид преступности обладает высоким уровнем латентности и повышенной степенью общественной опасности, посягая на здоровье и жизни людей.

На универсальном уровне проблема незаконного оборота медицинской продукции впервые была всерьез затронута в **1985 г.** на Конференции экспертов по рациональному использованию лекарственных средств, проходившей в Найроби, после чего ВОЗ при активном сотрудничестве со специализированными межправительственными и неправительственными международными организациями была инициирована работа по сбору информации о состоянии «теневого» транснациональ-

¹ © Стебенева К. И., 2018.

ного фармацевтического рынка с целью дальнейшего информирования государств о серьезности угрозы [10].

В связи с ежегодной тенденцией разрастания и усложнения фармацевтической преступности, а также активизацией торговли фальсифицированной медицинской продукцией через Интернет в начале XXI века ВОЗ, выражая повышенную озабоченность относительно глобального кризиса здоровья, предпринимаются первые шаги по разработке универсального международно-правового механизма по противодействию незаконному обороту медицинской продукции. В целях развития более эффективного международного сотрудничества, в 2006 г. на международной конференции «Борьба с фальсифицированными лекарственными средствами: создание эффективного международного сотрудничества», организованной ВОЗ, была подписана «Римская декларация» и принято решение об учреждении рабочей группы по борьбе с фальсифицированной медицинской продукцией – *IMPACT* [4].

IMPACT представляет собой добровольное объединение национальных правительств, межправительственных и неправительственных международных организаций, учреждений, ассоциаций и агентств, преследующее цель искоренения фальсифицированной медицинской продукции посредством развития разностороннего международного сотрудничества и эффективного обмена информацией в данной сфере. В *IMPACT* представлены все регионы мира, что обеспечивается широким кругом участников: в состав группы входят, к примеру, Всемирная таможенная организация, Всемирная торговая организация, Интерпол, Совет Европы, Европейская Комиссия, Секретариат АСЕАН, Секретариат СНГ, Интерпол, Международная фармацевтическая федерация, Латиноамериканская ассоциация фармацевтической промышленности [5].

Благодаря плодотворной деятельности *IMPACT* к середине 2000-х годов проблема незаконного оборота медицинской продукции стала активно обсуждаться и в рамках многих региональных международных организаций: СНГ, ЕС, АСЕАН, АС. Однако особых успехов в развитии международного сотрудничества в борьбе с фармацевтической преступностью удалось добиться в рамках Совета Европы.

Так, в 2016 г. вступила в силу Конвенция СЕ о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения [11] (далее Конвенция «Медикрим»). Данный договор стал первым в истории кодифицированным международно-правовым актом в области сотрудничества государств по противодейст-

вию незаконному обороту медицинской продукции. Конвенция «Медикрим» содержит нормы, направленные на сближение национальных уголовно-процессуальных мер по обеспечению расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом медицинской продукции, а также уголовно-правовой оценки таких деяний [1]. Необходимо также отметить, что дефинитивные нормы Конвенции являются важным шагом к разрешению вопроса терминологической унификации в данной сфере международного сотрудничества на универсальном уровне.

Особый вклад в разрешение современной проблемы незаконного оборота медицинской продукции вносит деятельность международных полицейских организаций, в особенности, Международной организации уголовной полиции (Интерпола). Фармацевтическая преступность с 2008 г. выступает в качестве одного из приоритетных направлений деятельности Организации.

При тесном сотрудничестве с национальными правоохранительными и таможенными органами государств-участников Интерполом ежегодно проводятся специализированные операции по противодействию фармацевтической преступности в наиболее опасных регионах, таких как юго-восточная Азия и Африка (операции «Кобра», «Дикобраз», «Хеера», «Мамба», «Шторм»), и пресечению торговли фальсифицированными лекарственными средствами через Интернет (операция «Пангея»). В результате проводимых оперативно-розыскных мероприятий регулярно изымаются тонны поддельных лекарств, стоимостью в десятки миллионов долларов США [2].

Интерполом также проводится работа по обучению сотрудников национальных правоохранительных органов государств-участников новым методикам и средствам раскрытия и расследования фармацевтических преступлений с целью повышения качества их служебной деятельности и обмена зарубежным опытом [2], что способствует улучшению ежегодных показателей результатов работы по противодействию незаконному обороту медицинской продукции, как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Таким образом, одним из наиболее злободневных и опасных проявлений современной транснациональной преступности является незаконный оборот медицинской продукции. Осознавая масштаб угрозы, международное сообщество предпринимает активные меры по противодействию данному явлению посредством развития продуктивного двустороннего, регионального и универсального международного сотрудничества. Особая роль в данной сфере, безусловно, отводится специализиро-

ванным межправительственным и неправительственным, а также правоохранительным международным организациям различных уровней, деятельность которых непосредственно направлена на искоренение фармацевтической преступности. Дальнейшее совершенствование их работы и взаимодействия, а также разработка соответствующих универсальных унифицированных уголовно-правовых норм, на наш взгляд, является необходимым условием для достижения международного правопорядка и преодоления обществом глобального кризиса здоровья.

Библиографический список

1. Волеводз А. Г. Международно-правовые основы уголовной ответственности за преступления в сфере производства и оборота фальсифицированной медицинской продукции // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 1. – С. 110.
2. Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпола). URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Operations> (дата обращения: 14.10.2017).
3. Пузырева Ю. В., Шалягин Д. Д. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие. – М. : МосУ МВД России, 2014.
4. Римская декларация. Рим, 2006 // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/medicines/services/counterfeit/RomeDeclaration.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
5. Терехов А. Ю. Актуальные вопросы международно-правового регулирования в области предотвращения оборота фальсифицированных лекарственных средств в деятельности ВОЗ // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 140.
6. Файзрахманов Н. Ф. О совершенствовании международно-правового обеспечения расследования оборота фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции // Вестник МосУ МВД России. – 2011. – № 10. – С. 145.
7. Strobl. S. Counterfeit drugs in industrialized and developing countries – A comparison // Rheinischen Friedrich Wilhelms Universität Bonn. Bonn, 201. URL: http://dgra.de/media/pdf/studium/masterthesis/master_strobl_seb.pdf (дата обращения: 14.10.2017).
8. The fight against medicine counterfeiting: from the origins to the present day // International Institute of research against counterfeit medicines. URL: <http://www.iracm.com/en/historical> (дата обращения: 14.10.2017).

9. The Globalization of Crime: A Transnational Organized Crime Threat Assessment // United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2010. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta/TOCTA_Report_2010_low_res.pdf (дата обращения: 14.10.2017).

10. The rational use of drugs. Report of the Conference of Experts. Nairobi, 1985 // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/medicinedocs/documents/s17054e/s17054e.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

11. Council of Europe Convention on the counterfeiting of medical products and similar crimes involving threats to public health (Moscow, 28.X.2011) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211.htm> (дата обращения: 14.10.2017).

Александр Викторович Угольников¹,

старший преподаватель кафедры организации деятельности
органов внутренних дел центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России
подполковник полиции

УСТАНОВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Борьба с преступностью неотделима от решения таких задач, как выявление, раскрытие, расследование и предотвращение преступлений. Являясь одним из направлений деятельности государства в условиях усугубления криминальной ситуации в России, противодействие преступности требует консолидации усилий органов законодательной, исполнительной и судебной власти, направленных на своевременное и эффективное реагирование на совокупность обстоятельств, ее порождающих.

Происходившие в нашей стране в 90-х годах XX века социально-экономические реформы практически привели к ликвидации сложившейся системы профилактики преступлений. Криминальная обстановка в стране в процессе становления и развития рыночной экономики существенно ухудшилась. Существовавшие на предприятиях и в учреждениях общественные формирования, основной функцией которых было проведение воспитательной и профилактической работы, пре-

¹ © Угольников А. В., 2018.

кратили свою деятельность. В этой связи приобретают особую актуальность проблемы, сложившиеся в сфере профилактики преступлений органами уголовного судопроизводства.

Сформулировав в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6), исключив из приоритетных направлений деятельности органов уголовного судопроизводства такое как предупреждение преступлений, законодатель тем самым подчеркнул, что уголовный процесс является не средством борьбы с преступностью, а лишь технологией производства по конкретному уголовному делу.

Вместе с тем, очевидно, что успешная реализация назначения уголовного судопроизводства связана с необходимостью осуществления деятельности по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

В связи с чем, основной задачей органов предварительного следствия по предупреждению преступлений является выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, принятие мер по их устранению позитивное профилактическое воздействие на лиц с устойчивым антиобщественным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний, а также предотвращение преступлений при строгом соблюдении законодательства Российской Федерации. Своевременность и полнота принимаемых мер по выполнению данной задачи являются одними из обязательных условий результативного противодействия преступности.

Изучение обстоятельств, способствующих совершению преступлений на каждом этапе формирования российского общества, имеет огромное значение для контролируемого снижения их количества [1].

Созданная в органах предварительного следствия система профилактических мер по выявлению, нейтрализации и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, а также по предотвращению противоправных деяний, является одним из обязательных условий результативного противодействия преступности. Применение различных профилактических мер повышает эффективность и целенаправленность работы по расследованию преступлений, является ее логическим завершением.

Так, согласно данным Следственного департамента МВД России в первом полугодии 2017 г. органами предварительного следствия системы МВД России продолжена работа по реализации положений ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Сократилось на 8,2 % количество направленных следователями представлений (с 278 040 до 255 161). Из них на 4,3 % – по оконченным уголовным делам (со 173 681 до 166 210), что составляет 65,1 % от общего количества. В органы власти и местного самоуправления направлено 111 093 представлений (44,0 % от общего количества представлений), руководителям государственных учреждений – 58 429, руководителям коммерческих структур – 45 235, в общеобразовательные учреждения 6 975 соответственно. Уменьшилось на 9,0 % количество полученных ответов на внесенные представления о принятых мерах профилактического характера (с 226 617 до 206 116). Их удельный вес, от внесенных представлений, незначительно сократился на 0,9 % (с 81,5 % до 80,8 %) [6].

Приведенные статистические данные позволяют констатировать тот значимый факт, что органами предварительного расследования ведется масштабная и целенаправленная работа, направленная на установление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Вместе с тем, как показывает практика, отсутствие четкой законодательной регламентации, эффективных механизмов реализации закрепленных в законе требований по установлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, приводит к тому, что они либо вообще не выполняются, либо выполняются формально, не оказывая должного профилактического воздействия.

Отметим, что одним из основных процессуальных средств, специально предназначенных для предупреждения преступлений, является представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона [4].

В соответствии с частью 2 ст. 158 УПК РФ руководитель следственного органа, следователь и дознаватель вправе внести в соответствующую организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона. В представлении указываются материальные, организационные, правовые, воспитательные, технические и иные обстоятельства негативного характера, способствовавшие совершению преступления или облегчившие наступление преступного результата.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляет возможность дознавателю, следователю, руководителю следственного органа вносить представления профилактического характера в любую организацию или должностному лицу независимо от рода их деятельности (ч. 4 ст. 21, ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Данное представление имеет властный характер и обязательно к исполнению всеми без исключения субъектами, оказавшимися в сфере действия уголовно-процессуальных правоотношений.

Однако, относительно формы и содержания представления необходимо отметить, что действующим уголовно-процессуальным законодательством они не предусмотрены. В научной же литературе по данному поводу высказываются полярные мнения. Так, одни авторы выступают против введения единой формы представления, ссылаясь на то, что каждое конкретное преступление имеет свои причины и условия, способствовавшие его совершению [2]. В то время как другие ученые отмечают, что представление должно быть единым по форме, поскольку отсутствие законодательного закрепления формы и содержания представления приводит к тому, что на практике составление этого процессуального документа носит произвольный характер и не соответствует тем требованиям, которые предъявляются к остальным документам [2].

Как и большинство других процессуальных документов и документов делового оборота, данное представление, по мнению многих авторов (А. М. Жуков, В. В. Назаров, М. И. Когамов) [3, 5], должно состоять из следующих частей: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная.

В свою очередь, С. С. Чернова своевременно указывает, что «рассматривая недостатки, допускаемые дознавателями, следователями, руководителями следственных органов при вынесении постановления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходимо оговориться, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве сущность и содержание представления не регламентированы» [10].

В свою очередь, автор обратился к зарубежному опыту и установил, что ряд государств постсоветского пространства в своих уголовно-процессуальных законах предусмотрели отдельные нормы, касающиеся сущности и содержания данного процессуального документа. Так, УПК Республики Казахстан содержит статью 200 «Представление по устранению обстоятельств, способствовавших совершению уголовного правонарушения и других нарушений закона», которая гласит, что устано-

вив при производстве по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению уголовного правонарушения, лицо, осуществляющее досудебное расследование, вправе внести в соответствующие государственные органы, организации или лицам, исполняющим в них управленческие функции, представление о принятии мер по устранению этих обстоятельств или других нарушений закона [7].

В УПК Республики Таджикистан также содержится статья 178 «Представление по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления и других нарушений закона», которая гласит, что установив при производстве по делу обстоятельства, способствующие совершению преступления, следователь вправе внести в соответствующие организации, учреждения, независимо от организационно-правовых форм, или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих обстоятельств или других нарушений закона [8].

В дополнение к выдвинутым нами аргументам в качестве положительного примера можно привести подобную норму, действующую в УПК Республики Узбекистан, в котором четко предусмотрена ответственность за неисполнение подобных предписаний. Так, ч. 2 ст. 299 указанного закона гласит, что «в случае невыполнения или недобросовестного выполнения представлений ... виновные в этом руководители предприятий, учреждений или организаций привлекаются к ответственности, предусмотренной законом» [9].

Диссертант полагает, что разработка и внедрение в действующее российское уголовно-процессуальное законодательство аналогичных положений, регламентирующих сущность и содержание рассматриваемого представления целесообразны и обоснованы по причине предоставления возможности правоприменителю однозначно трактовать понятие вышеуказанного процессуального документа и важность его составления следователем по каждому уголовному делу, находящемуся в его производстве с целью устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Библиографический список

1. Бобринев Р. В. Обстоятельства, способствующие совершению налоговых правонарушений и преступлений // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-5 (62). – С. 256.
2. Дербенев А. П. Деятельность следователя МВД по предупреждению преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1969. – С. 155–156.

3. Жуков А. М. Предупредительная деятельность следователя по уголовному делу. – Саратов, 1990. С. 73.

4. Иванов Д. А., Угольников А. В. Понятие и содержание представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (других нарушений закона) // Российский следователь. – 2011. – № 6. – С. 11–14.

5. Назаров В. В. Процессуальная деятельность следователя по предупреждению преступлений : дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 1980. – С. 110–113.

6. Обзор Следственного департамента МВД России «Об организации работы органов предварительного следствия по профилактике преступлений за 6 месяцев 2017 года» от 22 августа 2017 г. № 17/2-25290.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Утвержден Законом Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // Казахстанская правда. – 2014. – 10 июля.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – № 12, ст. 816.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. Утвержден Законом Республики Узбекистан 22 сентября 1994 г. № 2013 (с последующими изменениями и дополнениями) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1995. – № 2, ст. 4; Ташкент : Узбекистон Республикаси, 2001. – С. 452.

10. Чернова С. С. Анализ типичных недостатков, допускаемых правоприменителями при вынесении постановления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2015. – № 13-1. – С. 232.

Павел Владимирович Фадеев¹,

профессор кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИХ ЭКСТРАДИЦИИ

Исследование вопросов выдачи (экстрадиции) в уголовном судопроизводстве, реализации прав и свобод его участников в соответствии с установленными международными и национальными стандартами и процедурами постоянно находится в центре внимания ученых-юристов и практических работников [21].

Как показывает анализ, уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая при экстрадиции в рамках международного сотрудничества, предполагает взаимную согласованную правоприменительную деятельность двух или более государств в лице их компетентных органов и должностных лиц, осуществляемую на основе принципов и норм международного и национального права в целях расследования преступлений, судебного разбирательства, реализации приговоров и иных решений, прав и законных интересов личности.

Важное значение при экстрадиции отводится вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Как отмечается в п.п. 24 и 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передач лиц для отбывания наказания», в целях повышения эффективности защиты прав и свобод, в том числе права на обжалование решения о выдаче, выдаваемое лицо должно уведомляться о принятом решении с одновременным вручением ему копии указанного решения, которое при необходимости подлежат переводу на родной язык такого лица либо на язык, которым оно владеет, а все не урегулированные главой 54 УПК РФ вопросы подлежат разрешению на основании общих положений УПК РФ с учетом обязательного участия переводчика и защитника [22].

Однако анализ законодательства и правоприменительной практики показывает, что при экстрадиции, выдаваемое лицо не предусматривается в качестве полноценного участника этого процесса, так как в УПК РФ не определен его процессуальный статус [18, 19], право и порядок обжа-

¹ © Фадеев П. В., 2018.

лования требования о выдаче не совершенно [3], что не позволяет данному лицу получить необходимую информацию об основаниях экстрадиции в надлежащие сроки [23], отсутствуют эффективные правовые средства, позволяющие гарантировать доступ к правосудию, оспорить законность экстрадиции и применяемых мер процессуального принуждения [15], не установлен порядок исчисления и продления процессуальных сроков заключения под стражу при передаче обвиняемого, не регламентирован порядок избрания меры пресечения в случае, когда запрос о выдаче от иностранного государства еще не поступил [11], нормы УПК РФ не соответствуют как по своим основания и условиям, так и по целям принудительного воздействия [6].

По нашему мнению, указанные проблемы в правовом регулировании данного правового института связаны, во-первых, с тем, что оценка международно-правового статуса индивидов (физических лиц) рассматривается преимущественно в рамках международного права (или международного публичного права). Под ним понимают «систему исторически изменяющихся договорных и обычных норм и принципов, создаваемых главным образом государствами в процессе их сотрудничества и соперничества, выражающих относительно согласованную волю государств и регулирующих отношения между государствами, созданными ими международными организациями и некоторыми другими субъектами международного общения» [24].

Как показывает анализ, различные определения выдачи в основном сводятся к передаче лиц, совершивших преступление, от одного государства другому для реализации публичных интересов [16]. Так, Г. В. Игнатенко считает, что выдачей называется передача одним государством, находящегося на его территории лиц другому государству для привлечения к уголовной ответственности или для исполнения приговора [9]. Другие же участники уголовного процесса могут реализовать свои права в данной части только через и по решению указанных органов и должностных лиц [7].

Следует отметить, что в юридической литературе такой вид отношений, в зависимости от участвующих в них субъектов, процедуры предоставления международной правовой помощи по уголовным делам, применяемых средств, форм, методов и цели этой деятельности, относится к публичному виду. Как полагает М. П. Глумин, *публичный вид* состоит в том, что «международное взаимодействие возможно и де-юре считается международно-правовой помощью только тогда, когда его субъектами и с ходатайствующей, и с запрашиваемой стороны выступают компетентные государственные органы или должностные

лица национального уголовного процесса, исчерпывающий перечень которых закреплен в соответствующих международно-правовых или внутригосударственных нормах» [7].

Во-вторых, в международных документах и международных соглашениях о правовой помощи, несмотря на их многочисленность и разнообразие, права личности и процедуры их защиты носят рекомендательный характер или определяются только в общих чертах, без указания конкретных механизмов их реализации.

Анализ показывает, что в международных соглашениях о правовой помощи находят свое отражение, как правило, фундаментальные права и основные свободы человека и гражданина. Краткость приведенных норм, общий характер содержащихся в них рекомендаций, отсутствие механизмов реализации обусловлен не их малозначительностью, а тем, что в международном праве «утвердилось правило, согласно которому выбор способов осуществления его норм оставляется на усмотрение государства» [14].

В-третьих, наличием различных уровней правового регулирования и правовых институтов, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности. Необходимость одновременного использования международных договоров и национального законодательства для регламентации действий по оказанию международной правовой помощи по уголовным делам обусловлена как наличием двух уровней правового регулирования, так и наличием некоторых правовых институтов, лежащих в зоне пересечения международного и национального права [13, 17].

Следует согласиться с точкой зрения ученых о том, что международная правовая помощь по уголовным делам имеет *частно-публичный (смешанный) характер*, подчиненный его отраслевому юридическому режиму, хотя имеющему определенное своеобразие при конкуренции норм международных договоров и собственно процессуальных норм [7, 10]. Как показывает анализ положений УПК РФ, основной целью международного сотрудничества является защита прав и законных интересов не только личности (ст. 6 УПК РФ), но и государства и общества (ст.ст. 460–472 части пятой УПК РФ).

Вместе с тем такой подход, в некоторых случаях не учитывает интересы лица, подлежащего выдаче, даже в случаях существенного ограничения его прав. Так, Верховный Суд Российской Федерации, обобщая судебную практику об исчислении срока содержания под стражей в запрашиваемом государстве и России, признал считать началом срока с момента пересечения государственной границы Россий-

ской Федерации и передачи конвойной службе ФСИН России выдаваемого лица [20].

На наш взгляд, выдача – это не только «совокупность действий, осуществляемых конкретными органами государства, направленных на обеспечение принудительной доставки лица органам другого государства» [4], но и деятельность иных участников уголовного процесса, вступающих в уголовно-процессуальные и иные правовые отношения с государственными органами уголовного процесса, а также с лицами, подвергнутыми экстрадиции, в целях их защиты, охраны, оказания правовой помощи.

В связи с этим, представляется целесообразным, во-первых, предусмотреть в главе 54 УПК РФ отдельную статью «Лицо, запрашиваемое к выдаче», в которой должны быть изложены права, обязанности и ответственность такого лица. В указанной статье целесообразно предусмотреть право такого лица: на информирование о его правах, основаниях и условиях выдачи, задержания и избрания меры пресечения, о порядке обжалования требования о выдаче; на доступ к правосудию в кратчайшие сроки, позволяющие обжаловать законность экстрадиции и применяемых мер процессуального принуждения; на защитника, оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь, и момент его допуска; на переводчика, способного информировать об основаниях задержания, ареста, экстрадиции на понятном ему языке; на применение мер государственной защиты при наличии данных указывающих о реальности угрозы убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иных опасных противоправных деяний.

Во-вторых, конкретизировать юридические процедуры, основания, условия и порядок избрания, исчисления и продления процессуальных сроков заключения под стражу при исполнении запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации.

По нашему мнению, ч. 3 ст. 462 УПК РФ, предусматривающую некоторые обстоятельства, применяемые при исполнении запроса о выдаче лица, находящегося на территории Российской Федерации, необходимо согласовать со ст.ст. 12, 16, 18 и 19 Европейской Конвенции о выдаче [8] и ч. 4 и 5 ст. 460 УПК РФ. Для этого предусмотреть в ней положение, в котором предусмотреть выдачу лица, находящегося на территории Российской Федерации, в случае представления: 1) копии постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного заключения или приговора, в которых изложены фактические обстоятельства, с указанием собранных доказательств, подтверждаю-

щих виновность лица, подлежащего выдаче, и правовая квалификация содеянного противоправного деяния этим лицом, с приведением текста закона, предусматривающего ответственность за совершенное деяние, и указанием санкций; 2) копии постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или другого постановления, имеющего ту же силу и выданного в соответствии с процедурой, предусмотренной законом запрашиваемой стороны.

Кроме того, передачу лица сделать исключительно судебной процедурой. Например, Закон Азербайджанской Республики «О выдаче» предписывает принятие решения по запросу иностранного государства только судом (ст. 8.1), УПК Азербайджанской Республики – обращение в апелляционный суд с жалобой на избрание ареста в качестве принудительной меры по обеспечению экстрадиции (ст. 157.6) [21].

В-третьих, предоставить возможность иным лицам, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, оказывать содействие обвиняемому (подозреваемому), подлежащему выдаче, в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 12 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993) [12], должностные лица дипломатических представительств и консульских учреждений имеют право по поручению своих компетентных органов допрашивать собственных граждан. Согласно ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях дает право консульским должностным лицам посещать гражданина представляемого государства, который находится в тюрьме, под стражей или задержан, для беседы с ним, а также осуществлять переписку с ним и принимать меры к обеспечению ему юридического представительства [1].

Поэтому дипломатические учреждения, консульские представительства, а также их руководителей и должностных лиц целесообразно наделить соответствующим правовым статусом и рассматривать в качестве участников уголовного процесса, призванных оказывать в государстве пребывания содействие своим гражданам в целях защиты, охраны и реализации их прав, свобод и законных интересов.

Таким образом, необходимость осмысления и комплексного исследования особенностей международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и основных проблем обеспечения прав и законных интересов лиц, подлежащих выдаче, важно не только с научной, но и с практической точки зрения, поскольку, с одной стороны, способствует пониманию основных механизмов обеспечения, защиты, охраны, реализации прав и законных интересов участников уголовного

судопроизводства, оказания им международной правовой помощи. С другой стороны, – учесть интересы как лиц, подлежащих экстрадиции, так и государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов, а также иных лиц.

Библиографический список

1. Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вена 24.04.1963 г.) : сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. – М., 1991. – С. 124–147 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22.01.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 17, ст. 1472.
3. Баренбойм П. Д. Экстрадиция без защиты // Право и экономика. – 2013. – № 7. – С. 63–67 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бекешев Д. К. Взаимодействие органов дознания и следствия стран СНГ при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – С. 103.
5. Богаткина Р. Ш. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: Актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (18). – С. 62–65.
6. Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 115–125.
7. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005. – С. 27–28.
8. Европейская Конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 23, ст. 2348.
9. Игнатенко Г. В. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. – Свердловск, 1980. – С. 35.
10. Иммунитеты в Российском уголовном процессе : монография / Агаев Ф. А., Галузо В. Н. – М. : ТЕИС, 1998. – С. 17
11. Козловский П. В., Чемерилова Е. Н. Продление срока содержания под стражей обвиняемого при экстрадиции в Российскую Федерацию // Законодательство и практика. – 2015. – № 1. – С. 11–13.

12. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22.01.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 17, ст. 1472.

13. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. – М., 1985. – С. 116–117.

14. Лукашук И. И. Международное право в судах государств. – СПб., 1993. – С. 14.

15. Марченко А. В. Обеспечение процессуальных гарантий в ходе осуществления выдачи (экстрадиции) преступников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 4 (44). – С. 34–38.

16. Международное право. М., 1981. С. 238; Жданов Ю. Н., Костин А. Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – М., 1997. С. 8.

17. Милинчук В. В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. – М. : Юрлитинформ, 2001.

18. Насонов А. А. Основания появления в российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования // Вестник ВГУ. Сер.: Право. – 2016. – № 1. – С. 241–250.

19. Насонова И. А. Лицо, запрашиваемое к выдаче, как субъект уголовно-процессуальной защиты // Вестник КРАГСиУ. Сер.: Государство и право. – 2015. – № 20. – С. 40–44.

20. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. № 18–Д13-104 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

21. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М. : Волтерс Клувер, 2005.

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 03.03.2015 г.) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.

23. Постановление ЕСПЧ от 12 апреля 2005 г. № 36378/02. – § 454, § 458.

24. Российская юридическая энциклопедия. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 520.

Вячеслав Ильич Федулов¹,

доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент
подполковник полиции

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

30 марта 1998 г. на территории Российской Федерации был принят Федеральный закон № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (далее по тексту – Европейская Конвенция), что инициировало кардинальное преобразования всей правоприменительной системы и законодательства Российской Федерации в целом.

В соответствии со ст. 25 Европейской Конвенции Российская Федерация признала компетенцию Европейской комиссии по правам человека получать заявления (жалобы) от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, которые по их утверждению являются жертвами нарушения их прав, изложенных в Конвенции и указанных к ней протоколах со стороны Российской Федерации, а также признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее по тексту – ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Ратификация Европейской Конвенции повлияла на существенные преобразования не только законодательной, но и правоприменительной сферы, главным образом затронув процессуальные отношения и гражданский процесс, в частности. Отличительной особенностью такого влияния является обеспечение подлинной независимости судебных органов в процессе принятия решений, посредством прямого применения положений Европейской Конвенции и протоколов к ней, а также восприятия наднациональной судебной практики по вопросам

¹ © Федулов В. И., 2018.

допущенных нарушений в отношении жертв нарушений со стороны государств-участников данного международного соглашения.

В частности, в своем Постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой Конституционный Суд Российской Федерации указал, что не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения Европейского суда по правам человека – в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая права на доступ к суду и справедливое правосудие, – являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Вместе с тем, проблема эффективности реализации постановлений ЕСПЧ в гражданско-процессуальном законодательстве взаимоувязана не только с проблемой прямого применения положений Европейской Конвенции, но и вопросом соотношения международного и национального правопорядков.

Постановления ЕСПЧ по своему содержанию можно отнести к наднациональному судебному прецеденту, юридическая сила которых обеспечивается Европейской Конвенцией. В силу положения п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Вышеназванная норма Конституции Российской Федерации закрепляет примат международного договора над внутригосударственным законом, вместе с тем, статус самих постановлений ЕСПЧ в национальном законодательстве Российской Федерации однозначно не определен. Постановления ЕСПЧ не обладают юридической силой международного договора, а процесс их легализации в национальном законодательстве осуществляется посредством признания юрисдикции наднационального конвенционного органа ЕСПЧ и ратификации Европейской Конвенции.

Особенно остро проблема реализации постановлений ЕСПЧ проявила себя в вопросе их соответствия Конституции Российской Федерации, что нашло отражение в соответствующих постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

ЕСПЧ в своем постановлении от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05) пришел к выводу, что установленное статьей 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод субъективное право на участие в выборах.

В свою очередь, Министерство юстиции Российской Федерации обратилось в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения данного постановления. Конституционный Суд Российской Федерации выразил следующую правовую позицию о соотношении конвенционного и российского конституционных порядков в вопросе правоприменения постановлений ЕСПЧ.

«Взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейском Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке; признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации» [4].

Из приведенной правовой позиции следует, что именно на Конституционный Суд Российской Федерации возложена функция и обязанность по определению разумного баланса между международными обязательствами Российской Федерации и национальными интересами в случае возникновения противоречия между ними. Решение Конституционного Суда Российской Федерации с одной стороны должно отвечать букве и духу постановления ЕСПЧ, а с другой стороны не вступать в противоречия с основами конституционного строя Российской Федерации.

Наряду с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации в вопросах реализации постановлений ЕСПЧ немаловажная роль принадлежит и Верховному Суду Российской Федерации, который обеспечивает их применения нижестоящими судами.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации может применять позиции Европейского Суда по правам человека при формировании постановлений и обзоров судебной практики. Например, Верховный Суд Российской Федерации указал, что иная оценка имеющих в деле доказательств сама по себе не может являться основания для отмены в порядке надзора решения суда, вступившего в законную силу.

В обоснование своей позиции Верховный Суд Российской Федерации сослался на постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против Российской Федерации» в решении от 24 июля 2003 г., право на судебное разбирательство, гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции, должно толковаться в свете преамбулы к Конвенции, в которой, соответствующей ее части, верховенство права признается частью общего наследия договаривающихся государств. Одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который среди прочего требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло быть оспорено.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что проблема реализации постановлений ЕСПЧ в гражданско-процессуальном законодательстве на территории Российской Федерации обусловлена вопросом соотношения конвенционного (международного) и национального правопорядка. Ее разрешение обеспечивается эффективной правоприменительной практикой Конституционного Суда Российской Федерации и выражается в форме применения позиций ЕСПЧ при толковании законов и Конституции Российской Федерации, а также выполнении постановлений ЕСПЧ в части ликвидации несовершенства законодательства, посредством признания определенных норм не соответствующими Конституции Российской Федерации, либо предписания законода-

телю и правоприменительным органам о необходимости внесения изменений в законодательство и правоприменительную практику.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 14, ст. 1514.

2. Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. – № 3. – 2001.

3. Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой // Российская газета. – 2010. – № 5130 (51). – 12 мар.

4. Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Российская газета. – 2016. – № 6963 (95). – 5 мая.

5. Федулов В. И. Проблемы реализации Постановлений Европейского суда по правам человека в гражданско-процессуальном законодательстве Российской Федерации // В сборнике: Проблемы эффективности права сборник по итогам II Ежегодной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 90–94.

6. Федулов В. И. Проблема эффективности правоприменения международного и европейского права в современных условиях // Закон и право. – 2016. – № 10. – С. 89–91.

*Адель Ильфатович Халиуллин*¹,
Научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ: ДИЛЕММА МЕЖДУ СВОБОДНЫМ ИНТЕРНЕТОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СУВЕРЕНИТЕТОМ

Проникновение информационных технологий в разнообразные сферы жизни людей, общества и деятельности государственных органов обозначили общую тенденцию дрейфа всего мирового сообщества ко взаимодействию на основе единой платформы [9] – в виртуальном пространстве. Парадоксом процесса информатизации стала его крайняя степень неоднородности, во многом опосредованная коммерческой привлекательностью отдельных сфер применения информационных технологий, которые подверглись наиболее разрушительным последствиям криминализации [3]. Изложенное отразилось и в сфере нормативного регулирования, например, нами ранее отмечался достаточно бессистемный характер «информатизации» отечественного уголовного законодательства, а во многих случаях и вопреки устоявшейся логике его развития [13].

Полагаем, что к настоящему времени в практиках государственного регулирования оборота информации в виртуальном пространстве окончательно сложился дисбаланс «должного и необходимого», негативные предпосылки к формированию которого были обозначены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН более 20 лет назад [8]. С одной стороны, современные государства имеют возможность оказывать существенное влияние на участников информационного взаимодействия, находящихся за пределами собственных государственных границ. С другой стороны, попытки одностороннего распространения собственной юрисдикции на отношения в виртуальном пространстве воспринимается другими странами как попытки «колонизации» сети Интернет и его принудительной фрагментации [5]. При этом многие вопросы в процессе расследования киберпреступлений могут быть эффективно и своевременно разрешены лишь посредством дистанционного экстерриториального взаимодействия (допрос свидетеля по видеоконференцсвязи; дистанционное копирование информации с компьютеров; сбор мета-информации и т. д.).

Полагаем, что подобная конкуренция юрисдикций неизбежна в условиях отсутствия общепризнанных подходов относительно применимых норм международного права к правоотношениям в виртуальном про-

¹ © Халиуллин А. И., 2018.

странстве [10] и, особенно границ допустимых действий государств (в том числе ответных на действия других государств) на нарушения либо ограничения прав собственных граждан и их законных интересов. Распространенными стали взаимные обвинения государств в организации кибератак и попытки стигматизации отдельных стран в качестве ключевых источников киберугроз [2].

Возрастающие усилия государств в сфере обеспечения информационной составляющей защиты собственного суверенитета привели к распространению практик нарушения принципа сетевой нейтральности и разнообразных способов дискриминации доступа к информации. При этом обеспечение информационной безопасности неотделимо от необходимости контроля содержания самой информации, поэтому отечественное и зарубежное уголовное законодательство преимущественно исходит из постулата о необходимости криминализации как непосредственного посягательства на информационную безопасность, так и преступлений, при совершении которых информационно-коммуникационные системы используются в качестве средства совершения иных противоправных деяний [7].

Новации в сфере информационных технологий являются прерогативой преимущественно коммерческих компаний, которые в силу особенностей осуществления своей бизнеса действуют на рынках различных государств, и нередко оказываются вопреки своей воле вовлеченными в международные «информационные» конфликты [6]. Ведущие информационно-телекоммуникационные компании заинтересованы в стабильности сетевого пространства, незыблемости и соблюдении прав и свобод человека [4], так как не имея собственных политических интересов в «киберконфликтах» несут репутационные издержки и финансовые потери.

Интернет может быть определен как «публичное пространство, открывающее новые горизонты свободы и служащее инструментами для защиты этой свободы» [12], но следует разграничить технические и юридические аспекты взаимодействия государств в сфере противодействия киберпреступности. Так, научно-технический прогресс повлек изменение способов нанесения значительного ущерба: даже государства, не обладающие крупными вооруженными силами, могут представлять заметную угрозу в киберпространстве. На уровне международных соглашений посягательства в информационном пространстве рассматриваются в качестве «цифрового» аналога военной агрессии [11].

Российская Федерация активно участвует в международном правотворческом процессе, обобщенная позиция Российской Федерации основывается на недопущении милитаризации сетевого пространства, без-

условного уважения «цифрового» суверенитета, разработки новых механизмов международного права применительно к информационным технологиям, запрета создания и использования наступательных технологий в информационном пространстве [1].

В этой связи востребованным представляется осуществление международного сотрудничества в сфере информационной безопасности по следующим направлениям.

Во-первых, определение единых стандартов управления Интернетом и создания без барьерной среды экстерриториального информационного взаимодействия в нем субъектов всех государств мира. Очевидно, что в настоящее время нарушен баланс между попытками контроля государственными органами виртуального пространства и свободой обмена информации на национальном и международном уровне. Прежде всего социальные сети, объединяющие людей из различных стран (Facebook, Twitter, V Kontakte, и т. д.) получают требования от различных государств относительно удаления (ограничения доступа на национальном уровне) к информации, оборот которой ограничен на территории конкретной страны. Технические аспекты безопасности в виртуальном пространстве неотделимы от содержания компьютерной информации, ограничение оборота которой на территории отдельных государств представляется затруднительным без окончательной фрагментации Интернета на слабо взаимодействующие элементы.

Во-вторых, необходима выработка общепризнанной позиции относительно запрета бесконтрольного создания, использования и распространения технологий кибернетического оружия, то есть специализированных вредоносных программ и оборудования предназначенного для причинения значительного вреда. Доступность, относительно не высокая стоимость и высокая вероятность достижения цели, делает специализированные вредоносные программы весьма привлекательными для использования представителями организованных преступных групп, террористических организаций и маргинальным группа различного толка. «Наступательное кибероружие», к сожалению, не всегда обладает избирательным действием и не во всех случаях создатели могут контролировать последствия его применения, что снижает степень доверия к киберпространству, в том числе в целях электронной коммерции, оказания государственных электронных услуг и т. д.

В-третьих, выработка единого подхода в целях противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Ключевыми в данном направле-

нии сотрудничества вопросами следует считать поиск единых подходов в: формировании нормативной и технической терминологии в разных странах; понимании границ юрисдикций в виртуальном пространстве; решении вопросов защиты персональных данных и границ анонимности в виртуальном пространстве, формулировании общих требований по защите критической информационной инфраструктуры, в том числе объектов, представляющих повышенную опасность (атомные и гидроэлектростанции, добывающие и перерабатывающие предприятия и др.), и т. д.

В-четвертых, развитие институтов взаимодействия правоохранительных органов различных государств при выявлении, пресечении, расследовании и предупреждении киберпреступлений. Прежде всего необходимо создание общепризнанного набора правил поведения государств при кибератаках и границ допустимости действий по их пресечению, последствия которых могут затронуть инфраструктуру других государств.

Сотрудничество государств с учетом экстерриториального характера взаимодействия в виртуальном пространстве сотрудничество может развиваться в форме: совместных расследований киберпреступлений; оказания взаимной правовой помощи и обмена информацией; разработки международной процедуры неотложного блокирования (отключения) информационной инфраструктуры, используемой для кибератак на объекты в других государствах; выдачи лиц, совершивших подобные преступления для судебного преследования и т. д. Востребованным представляется формирование единого банка данных о киберпреступлениях как правоохранительными органами государств, так и коммерческими организациями в сфере информационных технологий.

Таким образом, разработка международной (экстерриториальной) системы противодействия киберпреступлениям может вестись только при условии учета национальных законодательств, а также в соответствии с особенностями политических, социальных и экономических реалий всех государств мира.

Библиографический список

1. Выступление Заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации О. В. Храмова на международной конференции ОБСЕ по кибербезопасности, г. Вена, 03.11.2017 г. // Сайт МИД РФ. URL: <https://goo.gl/rnYpcT>.

2. Выступление Заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации О. В. Храмова на Саммите по вопросам кибербезопасности, Тель-Авив, 28.06.2017 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://goo.gl/m63khS>.

3. Доклад Европола «Оценка угрозы организованной преступности в Интернете» (2017 г.) авт. перевод / Internet organised crime threat assessment (IOCTA) 2017 // Сайт Европола. URL: <https://www.europol.europa.eu/iocta/2017/index.html>.

4. Заявление Microsoft о правах человека // Microsoft [site] <https://goo.gl/aiNmJ3>; Лаборатория Касперского: ценности, бизнес, решения и сервисы. URL: <https://goo.gl/e7XBCZ>; Нормы сообщества Facebook // Сайт Facebook. URL: <https://goo.gl/Gf86n>.

5. Заявление ИФЛА по сетевому нейтралитету и нулевому рейтингу // Сайт Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений. URL: <https://goo.gl/WUNmeB>.

6. О запрете использования антивируса «Касперский» в США и Великобритании: DHS Statement on the Issuance of Binding Operational Directive 17-01 / Department of Homeland Security USA [site]. URL: <https://goo.gl/4zt6hk>; UK spying fears spark Russian software ban // Financial Times [site]. URL: <https://goo.gl/R5o5Uy>.

7. Рассолов И. М. Право и кибернетическое пространство. – М., 2016. – С. 98–103.

8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Информация на службе человечества» 5 февраля 1996 г. № A/RES/50/31 // Сайт ООН. URL: <https://goo.gl/jhPDJV>.

9. Резолюция Европейского парламента резолюцию по «Созданию единого цифрового рынка» (2012 г.) авт. перевод / European Parliament resolution. 26.10.2012 г. // Сайт Европейского Союза. URL: <https://goo.gl/t57tpv>.

10. Россия предложит странам БРИКС организовать «независимый» от США Интернет // Nag.Ru – все о телекоме [site]. URL: <https://goo.gl/e1Fo9k>.

11. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» (г. Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) вступило в силу с 05.01.2012 г. // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: <https://goo.gl/9ymnpu>.

12. Совместное заявление делегации европейского Союза на 7-м Международном форуме по вопросам управления (ИФР) в Баку. Авт. пере-

вод / Joint Statement of the Eu Delegation to the 7th International Governance Forum (IGF) in Baku 09.11.2012 г. // Сайт Европейского Союза. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-852_en.htm.

13. Халиуллин А. И. Информационная интервенция в отечественное уголовное законодательство // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 88–90.

Анна Сергеевна Чувальникова¹,

старший преподаватель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

ЛОГИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Преступность – социальное явление, неустранимое из жизни общества, в связи с чем, реально достижимой задачей в сфере борьбы с ним в долгосрочной перспективе можно обоснованно считать лишь снижение показателей преступности до так называемого контролируемого уровня [3, 5, 8]. Сегодня для решения этой задачи используются, в первую очередь, правовые средства. При этом большинство этих средств выступает в качестве способа юридического оформления уголовной политики государства.

Однако современное состояние правового регулирования борьбы с преступностью нередко характеризуется своей непоследовательностью. За принятия решений о криминализации и декриминализации отдельных составов преступлений, изменениями действующего уголовного законодательства все чаще стремятся усмотреть лоббирование определенных интересов или чьи-то политические амбиции, в связи с чем, становится все сложнее говорить о единообразной правовой стратегии государства в сфере борьбы с преступностью. Одним из самых ярких и показательных примеров последних лет здесь является декриминализация в декабре 2011 г. клеветы, которая уже спустя восемь месяцев в июле 2012 г. вновь была возвращена в Уголовный кодекс Российской Федерации [10, 11].

Вместе с тем, несмотря на то, что уголовное право в системе так называемого «развитого» права является отраслью публичного права, отличающегося от частного права с точки зрения исторической ретроспек-

¹ © Чувальникова А. С., 2018.

тивы очень динамичным развитием (включая динамично развивающийся «публичный элемент», присутствующий в системе частного права, в то время как само частное право до сих пор сохраняет в качестве основы институты, известные еще со времен римского права), есть основания полагать, что уголовному праву, в отличие от многих других отраслей публичного права, должно быть присуще достаточно стабильное развитие. Обоснованность такого мнения подтверждает то обстоятельство, что уголовное право появилось в системе отраслевой дифференциации права именно в качестве частного права и лишь в последующем (и, вероятно, безвозвратно) приобрело публичный характер.

Таким образом, являющееся частным по своей природе (происхождению) уголовное право, хотя и функционирует в системе современного развитого права как отрасль публичного права, но так же, как и все другие отрасли частного права, имеет в своей основе устойчивые основания. В качестве последних выступают менее всего подверженные изменениям нравственные принципы и абсолютные нравственные запреты, призванные придавать развитию данной отрасли права известную стабильность.

Все сказанное выше позволяет вести речь о своеобразной «логике» уголовного права, выражающей заложенные в природе этой отрасли права концептуальные (прежде всего, нравственные и социальные) основания правового регулирования борьбы с преступностью как с социальным явлением, неизменно сопровождающим развитие и функционирование общества [1, 6, 7].

Нравственная и социальная природа общественных отношений, обуславливающих саму потребность в правовом регулировании борьбы с преступностью, предопределяет две основные особенности логики уголовного права:

1) нравственная природа общественных отношений, обуславливающих потребность в уголовно-правовом регулировании, привносит в логику уголовного права принцип «незнание закона не освобождает от ответственности», который очерчивает круг тех деяний, которые объективно нуждаются в криминализации, то есть определяет саму логику криминализации соответствующих деяний в уголовном праве;

2) социальная природа отношений, обуславливающих потребность в уголовно-правовом регулировании, предопределяет зависимость уголовной политики государства от уровня легитимности государственного принуждения, которая диктует логике уголовного права условия эффективности реализации института наказания.

При этом в неразрывной связи с нравственной природой отношений, обуславливающих саму потребность в правовом регулировании борьбы с преступностью, находится исторически первое базовое предназначение уголовного права, состоящее в восстановлении нарушенной преступлением справедливости и по логике уголовного права обеспечиваемое посредством реализации карательного (штрафного) и компенсационного (восстановительного) правового механизмов.

В свою очередь, вторым базовым предназначением уголовного права, непосредственно вытекающим из социальной природы общественных отношений, обусловивших формирование отрасли уголовного права в системе базовой отраслевой дифференциации права, является борьба с преступностью как с социальным явлением, что по логике уголовного права обеспечивается посредством реализации превентивного (предупредительного) и воспитательного правовых механизмов.

Кроме того, анализ логики правового регулирования борьбы с преступностью позволяет установить весьма важную особенность отраслевого регулирования в рамках уголовного права, обусловленную, в первую очередь, нравственной природой общественных отношений, возникающих в рассматриваемой сфере, и позволяющую идентифицировать уголовное право в системе отраслевой дифференциации права, отличив данную отрасль от административного права.

Указанная особенность состоит в единственной адекватной для отрасли уголовного права интерпретации субъекта преступления как человека (физического лица), поскольку само осознание преступления как общественно опасного деяния становится возможным лишь при условии его понимания как поступка, глубоко противоречащего нравственной природе человека, выступающей исключительной (исключительно «человеческой») характеристикой последнего, при том, что на виновное совершение подобного поступка оказывается способен только человек, имея свободную волю, дающую ему возможность осознанно поступить против своей нравственной природы («преступить» ее).

Такое понимание природы преступления наглядно демонстрирует этимология слова «уголовный» в русском языке, где это слово происходит от древнерусского слова «голова», «отвечать головой», отсюда убийца — «головник», убийство (преступление) и выкуп (наказание) за него — «головничество». При таком понимании преступление может быть вменено в вину только «тому существу, которому по самой природе принадлежит свободная воля, т. е. единичному лицу» [12].

Ввиду сказанного, с признанием юридического лица субъектом преступления ответственность в уголовном праве перестает быть собственно «уголовной». Она делается неотличимой от административной и других видов юридической ответственности, которые способно нести наряду с физическим и юридическое лицо.

При этом, по мнению противников введения института уголовной ответственности юридических лиц, обеспечить необходимый уровень социально-правового контроля за общественно опасной деятельностью юридических лиц с одной стороны, а с другой – сохранить необходимый уровень правовых гарантий соблюдения прав и свобод человека, оказывается возможным в рамках административного права. Такое мнение высказывает, анализируя немецкий опыт, директор Института им. Макса Планка по зарубежному и международному уголовному праву профессор **Ульрих Зибер** [9].

Своеобразной альтернативой административно-правовому механизму решения рассматриваемой проблемы можно считать институт так называемой «квазиуголовной ответственности» [2], в котором также, как и в инициативе введения института уголовной ответственности юридических лиц можно усмотреть проявление тенденции к усилению межотраслевых связей в системе права и формированию комплексных правовых механизмов. Однако, в отличие от последнего, институт квазиуголовной ответственности отражает стремление к сохранению логики базовых отраслей права и, прежде всего, логики правового регулирования борьбы с преступностью в рамках отрасли уголовного права.

Само же появление в современном праве института уголовной ответственности юридических лиц и стремление его легализовать в уголовном законодательстве Российской Федерации [4], на наш взгляд, может быть рассмотрено не как следствие реагирования на деятельность, вытекающую из природы самих юридических лиц, но как следствие затруднительного в современных условиях доказывания вины физических лиц.

Последнее говорит о том, что затрагивающая концептуальные основания логики уголовного права дискуссия вокруг субъекта преступления, ведущаяся в основном в науке уголовного права, в действительности, вызвана уголовно-процессуальными и криминалистическими проблемами доказывания и привлечения к уголовной ответственности. Перевод этой дискуссии из области процессуального права и прикладных аспектов рассматриваемой проблемы в область материального права (не только на уровне научной дискуссии, но и в правотворческой и правоприменительной практике современных государств) не может не вызы-

вать сомнений в своей обоснованности. Тем сомнительнее выглядит поиск решения рассматриваемой проблемы в области материального права, что уголовное право является отраслью, логика правового регулирования в которой определяется неизменными нравственными принципами и абсолютными нравственными запретами, определяющими достаточно устойчивое направление развития данной отрасли права (при условии сохранения ею своей природы и той роли, которую она в силу этой природы должна играть в системе отраслевой дифференциации права).

Таким образом, анализ логики правового регулирования борьбы с преступностью позволяет установить ряд концептуальных (прежде всего, социальных и нравственных) оснований логики уголовного права, которые, как представляется, могут выступать достаточно прочной основой международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, поскольку носят универсальный характер.

Библиографический список

1. Бабаев В. К. Логика права: основные направления исследований // Проблемы теории социалистического государства и права. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1977. – С. 122–124.
2. Вертлиб Ф. О., Чирков Е. В. К вопросу о квазиуголовной ответственности юридических лиц // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 г.). В 2 ч. Ч. 2. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014.
3. Гилинский Я. И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. – 2014. – № 7. – С. 42–58.
4. Законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6> (дата обращения: 11.10.2017).
5. Иванцов С. В., Лебедев С. Я. Об обеспечении системности в криминологической оценке организованной преступности // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 234–238.
6. Малахов В. П. Природа и логика уголовного права // Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной

юридической теории: монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. – С. 351–357;

7. Маркин А. В. Логика эволюции права и ответственности // Право и образование. – 2012. – № 6. – С. 75–79.

8. Рыбак А. З. Эффективность социального контроля над преступностью: кибернетический аспект // Юрист-Правоведъ. – 2013. – № 1. – С. 24–27.

9. Сайт юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова : материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара на тему «Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц» (26 июня 2012 г., юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова). URL: <http://www.law.msu.ru/node/22854> (дата обращения: 02.09.2017 г.).

10. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 50, ст. 7362.

11. Федеральный закон № 141-ФЗ от 28 июля 2012 г. «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 31, ст. 4330.

12. Чичерин Б. Н. Философия права // Избранные труды. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. – С. 85.

Дмитрий Дмитриевич Шалягин¹,

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
полковник полиции

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА
ДЕЙСТВИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО БОРЬБЕ
С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА 2016-2020 ГОДЫ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ВЫДАЧЕ 1957 ГОДА**

Европейская Конвенция о выдаче, открытая к подписанию 60 лет тому назад 13 декабря 1957 г. в Париже и вступившая в силу 18 апреля 1960 г., по сути положила начало новому направлению общеевропейского сотрудничества – впервые в рамках Совета Европы (далее СЕ, Организация), в тот момент молодой региональной международной организации, был разработан международно-правовой акт, создававший предпосылки для формирования целой системы договоров, актов мягкого права и комплексной системы сотрудничества в борьбе с преступностью. Соотносясь с главными целями СЕ, изложенными в Уставе Организации, борьба с преступностью во всех ее проявлениях рассматривается через призму обеспечения прав и свобод человека и достижение верховенства права².

В целях централизованной координации, начатой в середине 50-х годов работы, в 1958 г. в рамках структуры Организации был учрежден специальный руководящий орган – Европейский комитет по проблемам преступности (ЕКПП), на который Комитетом министров Совета Европы (КМСЕ) была возложена основная ответственность за организацию общеевропейского антикриминального сотрудничества, включающая надзор и координацию деятельности СЕ в области предупреждения и борьбы с преступностью.

ЕКПП определяет приоритеты межправительственного правового сотрудничества, вносит предложения КМСЕ о деятельности в области совершенствования уголовного и уголовно-процессуального права, кри-

¹ © Шалягин Д. Д., 2018.

² URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000-01680306055> (по состоянию на 12.11.2017).

минологии и пенологии, а также впоследствии реализует одобренные Комитетом министров шаги.

На ЕКПП возложены задачи по выявлению наиболее актуальных проблем и угроз в антикриминальной сфере, по разработке и последующему продвижению конвенций, рекомендаций и докладов в области предупреждения и борьбы с преступностью, а также, с одобрения КМСЕ, им учреждаются мониторинговые механизмы исполнения государствами-участниками принятых международно-правовых актов. Для содействия этому ЕКПП организует международные дипломатические и научно-практические конференции, в т. ч. высокого уровня, для обсуждения и принятия мер по наиболее сложным проблемам сотрудничества и гармонизации антикриминального законодательства государств-членов. ЕКПП, как правило, проводит свои заседания дважды в год (в мае/июне и ноябре/декабре) продолжительностью 3–4 дня в штаб-квартире СЕ в Страсбурге (Франция).

За прошедшие десятилетия в рамках Организации был создан целый ряд специализированных комитетов, мониторинговых органов и рабочих групп, осуществляющих под эгидой ЕКПП деятельность по отдельным направлениям сотрудничества и являющихся контрольным механизмом исполнения обязательств по договорам в области борьбы с преступностью¹. Всего за прошедший период было разработано и стало частью международного уголовного права и системы международного сотрудничества в борьбе с преступностью более 160 международных документов, включая 42 международно-правовых акта (в том числе 29 европейских конвенций, 12 дополняющих их протоколов, 1 многостороннее соглашение)² и 120 международных рекомендаций и резолюций³.

¹ Такими органами являются: Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (MONEY-VAL); Группа сотрудничества по борьбе со злоупотреблением и незаконным оборотом наркотиков (Группа Помпиду); Комитет экспертов по вопросам функционирования европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам (PC-OC); Группа государств против коррупции (GRECO); Комитет экспертов по терроризму (CODEXTER); Группа экспертов по борьбе с торговлей людьми (GRETA); Комитет Конвенции по киберпреступности (Т-СУ) и Конференция Сторон Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (COP 198) (прим. авт.).

² URL: <https://www.coe.int/web/cdpc/conventions> (по состоянию на 12.11.2017).

³ URL: <https://www.coe.int/en/web/cdpc/resolutions-recommendations> (по состоянию на 12.11.2017).

Закономерно, что одной из наиболее актуальных и комплексных проблем, являющейся предметом международно-правового сотрудничества в рамках Совета Европы является транснациональная организованная преступность (ТОП), по словам Генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда, «представляющая собой серьезную угрозу верховенству права и грозящую серьезными последствиями для экономики, социального развития и граждан. Согласно некоторым исследованиям, сегодня в Европе активно действует примерно 3600 международных организованных преступных групп. Являясь организацией, призванной защищать демократию, права человека и верховенство права, Совет Европы обязан играть значительную роль в борьбе против ТОП» [3].

В этой связи в 2012 г. Комитетом министров Совета Европы было принято решение о создании специальной рабочей группы по разработке аналитического доклада и на его основе комплекса мер против ТОП, которые Совет Европы и государства-участники Организации, будут готовы реализовать в среднесрочной перспективе с 2016 по 2020 годы.

Указанный доклад, получивший наименование «Белая книга о транснациональной организованной преступности», и подготовленный на его основе План действий по борьбе с ТОП, были разработаны в течение 2013–2015 гг. специальной Рабочей группой *PC-GR-COT*. В декабре 2015 г. План действий был одобрен Европейским комитетом по проблемам преступности, а в марте 2016 г. принят Комитетом министров, став одним из важнейших направлений деятельности как самого Европейского комитета, так и других компетентных комитетов, мониторинговых групп Организации, и Совета Европы в целом [5].

Учитывая, что ТОП представляет собой сложные и многогранные угрозы, которые не могут быть устранены с помощью лишь правоохранительных мер и системы уголовного правосудия, в Белой книге основное внимание уделяется уголовно-правовому реагированию на ТОП и признается, что борьба с ТОП должна осуществляться посредством эффективного применения международных механизмов сотрудничества.

Таким образом, в Белой книге были определены наиболее значительные пробелы и проблемы в отношении пяти ключевых областей, а также были сделаны некоторые рекомендации и предложения относительно будущих действий.

Этими ключевыми областями были признаны следующие вопросы:

- 1) укрепление международного сотрудничества посредством сетей;
- 2) специальные методы расследования;
- 3) защита свидетелей и стимулы для сотрудничества;

4) административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором;

5) возвращение активов.

Основная цель Плана действий – обеспечить структурированный набор конкретных мероприятий, которые будут осуществляться в каждой ключевой области. Таким образом, он был разработан с учетом нескольких целей, а именно:

– укрепить правовую основу в отношении ТОП и сосредоточить внимание на ее согласовании между государствами-членами;

– улучшить реализацию правовых документов для борьбы с ТОП в соответствии с фундаментальными правами человека и при полном соблюдении верховенства права;

– усилить международное полицейское и судебное сотрудничество в области ТОП на общеевропейском уровне.

Для достижения этих целей на скоординированной, рациональной и эффективной основе ЕКПП были определены соответствующие роли и обязанности в зависимости от конкретных характеристик и компетенций каждого актора.

В Пlane действий определены три типа действий в каждой ключевой области:

Во-первых, это принятие прямых мер по возможному повышению практической направленности сотрудничества. В данном случае – это мероприятия, относящиеся к конкретной деятельности, напрямую не связанной ни с правовым регулированием и его применением, ни с укреплением общего потенциала; а относящиеся в основном к определению политики деятельности и, соответственно, необходимости осуществления политических шагов.

Во-вторых, это содействие стандартизации на правовом и практическом уровне, что подразумевает шаги, которые рассматриваются как актуальные для совершенствования нормативно-правовой базы и соответствующей практики. Цель состоит не только в повышении качества, но также в определенной степени способные воздействовать на стандартизацию положений национальных правовых систем, в плане повышения эффективности борьбы с ТОП. Кроме того, в данном разделе рассматриваются действия, направленные на обеспечение или содействие надлежащей имплементации правовых норм.

В-третьих, это наращивание потенциала, что означает меры по распространению передового опыта, повышению квалификации, проведению тематических конференций, семинаров и т. п. меры.

Существенную часть задач было решено возложить на один из профильных органов – Комитет экспертов по вопросам функционирования европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам (*PC-OC*) и на входящую в его состав Группу экспертов по международному сотрудничеству (*PC-OC Mod*), а с учетом участия их представителей в разработке Белой книги и Плана действий по ТОП, то часть предусмотренных Планом мероприятий стала основными приоритетами будущей работы. Этот факт существенно помог быстро начать осуществление Плана действий в 2016 г. после его принятия Комитетом министров.

Таким образом, Комитет *PC-OC*, взяв на себя значительную часть задач Плана действий, приступил к реализации целого ряда шагов. Вот лишь некоторые из них:

1) в целях полноценного информационного обеспечения основных акторов оказания международной правовой помощи по уголовным делам началась работа по совершенствованию интернет-страницы Комитета *PC-OC*¹ с целью сделать ее полноценным информационным ресурсом для потребностей оказания международной правовой помощи по уголовным делам, включая аспекты экстрадиции, связав ее с вопросами ТОП. Конечной целью должно быть создание «единого окна» для поиска всей информации, необходимой для эффективного использования международно-правовых инструментов сотрудничества по уголовным делам;

2) обсудить создание и использование защищенного средства связи для международного правового сотрудничества. Цель заключается в создании защищенной системы связи, аналогичной существующим сетям, которые уже действуют в рамках международного правового сотрудничества, но ограничены органами юстиции, занимающимися ТОП. Это позволит повысить эффективность и безопасность сообщений, связанных с правовым сотрудничеством между государствами-членами Совета Европы в процессе борьбы с этими преступлениями. Создание защищенного канала электронной связи необходимо, чтобы отойти от медленной, громоздкой процедуры традиционных методов коммуникации. Совет Европы планирует организовать мероприятие высокого уровня для обсуждения этого предложения и его осуществимости и доступности на пространстве Совета Европы;

¹ URL: <https://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-pcoc/home> (по состоянию на 12.11.2017).

3) налаживание связей между судебными сетями. Белая книга рассматривает международное сотрудничество посредством организации соответствующих сетей, как основополагающий фактор, но оставляет открытым вопрос о том, «какова должна быть форма такой сети». Будет ли новая судебная сеть играть важную роль в общеевропейском контексте или модель судебной сети ЕС следует расширить до пространства Совета Европы, или соединить существующие сети, или может быть следует начать с создания постоянных контактных пунктов по ТОП во всех государствах-членах, – все эти вопросы требуют дальнейшего изучения. Идея заключается в создании «сети сетей» для борьбы с ТОП. Это повлечет за собой создание контактных пунктов по ТОП в каждом государстве-участнике и укрепление связей между существующими сетями правового сотрудничества. Это будет достигнуто посредством:

- встречи на высоком уровне с лицами, ответственными за наиболее значимые сети правового сотрудничества;
- проведение семинара или иного мероприятия по существующему сотрудничеству между действующими сетями правового сотрудничества с целью выявления способов взаимодействия;
- на основе результатов совещаний и семинаров, необходимо провести консультацию с экспертами для анализа правовых рамок по осуществлению взаимосвязи сетей правового сотрудничества.

Очевидно, что с целью получения институциональной поддержки для развития «сети сетей» потребуются использование политических мер.

Допускается, что предлагаемая мера не может быть полностью осуществлена в течение четырехлетнего периода реализации настоящего Плана действий, но первые предварительные шаги должны быть предприняты в направлении создания судебной сети, охватывающей весь регион Совета Европы;

4) обзор положений о международном сотрудничестве в конвенциях Совета Европы и в соответствующих оговорках и декларациях к ним. Это действие должно быть основано на данных, полученных с помощью Комитета *PC-OC* и других компетентных комитетов, таких как *GRETA* и *COP 198* в рамках их непрерывного оценивания хода реализации подконтрольных конвенций. *PC-OC* заявил, что, заслуживают, возможно, дополнительной оценки имплементация и причины неосуществления ратификации некоторыми государствами-членами Второго дополнительного протокола к Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (*ETS № 182*). Необходимо также осуществить

анализ причин нератификаций и оговорок к ратифицированным конвенциям. Цель этих действий – снять оговорки, препятствующие эффективному международному уголовно-правовому сотрудничеству, подчеркивая при этом важность подписания и ратификации документов по взаимной правовой помощи, устранения устаревших оговорок и содействия подписанию и ратификации конвенций. Следует рассмотреть вопрос и об изменении соответствующих конвенций.

В связи с актуальной сегодня темой оценки эффективности функционирования Европейской Конвенции и выдаче и дополнительных протоколов к ней, вполне закономерным является вопрос о причинах неучастия значительного числа государств-участников Конвенции в Третьем дополнительном протоколе 2010 года, основная цель которого – это дополнение Конвенции в целях упрощения и ускорения процедуры экстрадиции, когда разыскиваемое лицо соглашается на выдачу¹. Полноценными участниками данного Протокола из 50 государств, участвующих в Конвенции 1957 года, в настоящий момент являются лишь 18 государств и еще 13 стран, уже подписав, должны осуществить процедуры ратификации. Девятнадцать же государств, включая Россию, до сих пор воздерживаются от подписания документа. Сообразуясь с целями Плана действий по ТОП, полагаем своевременным вернуться к рассмотрению целесообразности присоединения Российской Федерации к Третьему дополнительному протоколу к Европейской Конвенции о выдаче.

Вот далеко не полный перечень актуальных шагов в направлении совершенствования борьбы с транснациональной организованной преступностью в рамках Совета Европы.

Библиографический список

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», доступно на сайте <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (по состоянию на 14.03.2016).

¹ См.: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/209?coeconventions_WAR_coeconventionsportlet_languageId=ru_RU (по состоянию на 12.11.2017).

3. Белая книга о транснациональной организованной преступности / пер. на рус. Горшенева И. А., Шалягин Д. Д. Совет Европы // White Paper on Transnational Organised Crime. Council of Europe. Strasbourg, 2014. P. 5. URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_EN.pdf (по состоянию на 14.03.2016).

4. Пузырева Ю. В., Шалягин Д. Д. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие. – М. : МосУ МВД России, 2014.

5. План действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью (2016–2020): аналитический обзор / пер. с англ. Горшеневой И. А., Шалягина Д. Д. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. URL: <https://rm.coe.int/168070ab46> (по состоянию на 12.11.2017.).

6. Шалягин Д. Д. Актуальные проблемы борьбы с транснациональной организованной преступностью в контексте деятельности Совета Европы. Статья. Актуальные проблемы современного международного права: материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко : в 2-х ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. – М. : РУДН, 2015. Ч. 2. – С. 350–356.

Анастасия Ильинична Шленкова¹,

слушатель 515 учебного взвода 5 «З» курса
международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

В современных условиях развития общества все больший резонанс приобретают так называемые «*crimes in sport*» – преступления в спорте. Подобного рода деяния носят ярко выраженный транснациональный характер. Преступления в спорте представляют значительную угрозу, поскольку полученные в результате их совершения преступные доходы (ежегодно превышающие сотни миллионов евро) в дальнейшем нередко

¹ © Шленкова А. И., 2018.

становятся источником финансирования иных видов преступной деятельности [3].

В масштабах всего мирового сообщества, например, на уровне международных организаций Интерпол и Организация Объединенных Наций (ООН), эта проблема активно обсуждается наравне с такими негативными явлениями как коррупция и киберпреступность. Однако в российском законодательстве в настоящее время отсутствуют понятия каких-либо спортивных преступлений или деликтов, связанных с данной сферой правового регулирования.

Что касается понятия преступления в спорте – общепризнанной дефиниции на универсальном международном уровне не сформулировано. Прежде всего, это объясняется многогранностью вышеуказанного определения, поскольку оно может включать как преступления международного характера (например, террористические акты во время футбольных матчей), так и частные нарушения правил конкретными участниками соревнований (потребление допинга). С юридической точки зрения – это абсолютно разные правовые явления, однако предмет посягательства идентичен – общественные отношения в спортивной сфере.

Именно предмет посягательства предопределяет систему мер противодействия определенной группе противоправных деяний, и в настоящее время предельно ясно: чтобы обеспечить безопасность общественных отношений в сфере спорта, необходимы специальные, адаптированные к данной проблеме, средства, методы и правовые предписания, способные в полной мере обеспечить состояние защищенности всех участников общественных отношений от спортсменов до болельщиков.

Чтобы разобраться, что же из себя представляют преступления в спорте, необходимо проанализировать положения существующих международных договоров в сфере противодействия подобного рода противоправным деяниям.

Так, например, в рамках ООН действует Международная конвенция против апартеида в спорте, принятая Генеральной ассамблеей 10 декабря 1985 г. (вступила в силу для СССР в 1987 г.). Необходимость принятия данной Конвенции была обусловлена обострением расовой дискриминации в отношении спортсменов. Данный международный договор предусматривает создание Комиссии против апартеида в спорте. Соглашение устанавливает, что апартеид в спорте (как одно из проявлений международной преступности в спортивной сфере) представляет собой осуществление политики и практики системы узаконенной расовой дис-

криминации с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над другой в спортивной деятельности как среди профессионалов, так и среди любителей [4]. Тем самым конвенция определяет круг противоправных деяний, которые можно квалифицировать как апартеид (преступление) в спорте.

Проблема развития международной преступности в спортивной сфере является особенно актуальной для региональных международных организаций, поскольку многие спортивные мероприятия нередко проводятся в рамках конкретного региона. Так, например, под эгидой региональной международной организации Совета Европы в данной сфере приняты такие международные договоры, как Европейская Конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности футбольных матчей 1985 г., Конвенция против применения допинга 1989 г., Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями 2014 г. и Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей 2016 г.

Конвенции Совета Европы, регулирующие общественные отношения в спортивной сфере имеют непосредственное значение для Российской Федерации, поскольку наше государство является членом Совета Европы, участником вышеуказанных конвенций, а также активным участником и организатором международных спортивных мероприятий, например, Зимней олимпиады в Сочи (2014 г.), Кубка конфедерации (2017 г.) и Чемпионата мира по футболу (2018 г.), матчей Лиги чемпионов, Чемпионата мира по хоккею и др.

Что касается противоправных деяний в спортивной сфере предусмотренных международными договорами в рамках Совета Европы, среди них можно выделить следующие. В соответствии с положениями Конвенция против применения допинга 1989 г. «допинг в спорте» означает введение спортсменам или применение ими различных видов фармакологических допинговых препаратов или методов допинга» [5]. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями 2014 г. «манипулирование спортивными соревнованиями» – преднамеренные договоренности, действия или бездействия, направленные на изменение ненадлежащим образом результата или хода спортивного соревнования для полного или частичного устранения присущей указанному спортивному соревнованию непредсказуемости в целях обеспечения неправомерного преимущества для себя или других лиц» [5] и «незакон-

ные ставки на спортивные соревнования» – любая деятельность по размещению ставок на спортивные соревнования, вид или оператор которой не разрешен в пределах юрисдикции, под которой находится потребитель» [5].

Кроме того, вышеуказанные международные договоры содержат ряд мер предупреждения и противодействия преступлениям в спорте, а также негативные последствия, которые могут применяться в отношении нарушителей. Однако ни в одном универсальном или региональном международном договоре в настоящее время не установлено общего понятия преступления в спорте.

Представляется, что в целях достижения единообразия в толковании и применении содержащихся в различных международных договорах правовых норм, необходимо выделить и последующее закрепление на универсальном международном уровне ряда специальных признаков преступления в спорте, сформулированных следующим образом:

- наличие посягательства на общественные отношения в сфере спортивной деятельности (допинг, манипулирование спортивными соревнованиями, незаконные ставки на спортивные соревнования);
- наличие специального субъекта, принимающего участие в спортивной деятельности (например, участник соревнования, арбитр, болельщик и другие) – допинг-участник спортивного соревнования, манипулирование спортивными соревнованиями-организатор спортивных соревнований;
- наличие особой спортивной обстановки совершения преступлений (при которой действует множество различных правил национальных и международных спортивных организаций не правового характера) – различного рода правила поведения болельщиков, правила, устанавливаемые МОК и РФС.

Таким образом, преступления в спорте в целом можно охарактеризовать как совершенные в особой обстановке лицом, принимающим участие в спортивной деятельности, противоправные деяния, посягающие на общественные отношения в сфере спортивной деятельности.

Подводя итоги всему вышеизложенному, необходимо сделать вывод о том, что в настоящее время существует немало проблем, связанных с правовой регламентацией понятийного аппарата противоправных деяний в спортивной деятельности. Существует международно-правовая база, регламентирующая отношения в данной сфере, однако ни в одном соглашении не закреплено единого понятия преступления в спорте. В современных условиях развития общества назревает необходимость

повышения эффективности международного сотрудничества по вопросам противодействия преступности в данной сфере. Что, в свою очередь, обуславливает необходимость унификации правовых терминов, основополагающим среди которых является «преступление в спорте».

Библиографический список

1. Грицаев С. А., Трубицына Ю. Ю. Основные международно-правовые проблемы борьбы с правонарушениями в спорте // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 12. – С. 72–74.
2. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международная организация уголовной полиции: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 8. – С. 120–124.
3. Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/en/Internet/Crime-areas/Crimes-in-sport/Integrity-in-sport> (дата обращения: 20.09.2017).
4. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid_in_sports.shtml (дата обращения: 20.09.2017).
5. Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/215> (дата обращения: 20.09.2017).
6. Пузырев С. А. Экономико-математическое моделирование деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью : монография. – М. : ИД «Граница», 2015.
7. Шленкова А. И., Пузырева Ю. В. Деятельность Организации Объединенных Наций в борьбе с преступлениями международного характера // В сб.: Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 21 декабря 2016 г. : научное электронное издание. 2017. – С. 298–299.
8. Шленкова А. И., Пузырева Ю. В. Актуальные вопросы регионального сотрудничества государств в борьбе с преступлениями международного характера // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (30). – С. 50–52.

*Диана Николаевна Шурухнова*¹,

профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ СНГ ПО ВОПРОСАМ ПОДГОТОВКИ, ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Содружество независимых государств было образовано 8 декабря 1991 г. путем подписания Соглашения о его создании руководителями Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. Образование СНГ было вызвано объективной необходимостью сотрудничества в различных областях внутренней и внешней политики союзных республик после распада СССР. 22 января 1993 г. был подписан Устав Содружества [1], в котором закреплялось, что Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов, служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами.

СНГ в настоящее время является региональной межгосударственной организацией, выступающей формой сотрудничества равноправных суверенных государств. Отличительной особенностью Содружества является ее универсальный характер, взаимодействие осуществляется практически во всех сферах межгосударственного общения. Гибкость существующего в рамках СНГ механизма позволяет участвовать государствам в тех интеграционных проектах, которые отвечают их национальным интересам с учетом готовности к такому сотрудничеству.

Государствами – членами СНГ являются Российская Федерация, Республика Таджикистан, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Республика Узбекистан, Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Молдова. Украина и Туркменистан могут быть отнесены к государствам-участникам СНГ, так как не подписали его Устав. Туркменистан с 2005 г. участвует в СНГ в качестве «ассоциированного члена».

Характеризуя роль и значение СНГ в современных условиях, нельзя не согласиться с мнением Председателя Государственной Думы

¹ © Шурухнова Д. Н., 2018.

Российской Федерации С. Е. Нарышкина, который отмечает, что «спустя двадцать пять лет, можно по-разному оценивать СНГ, отмечать упущенные возможности и неоправдавшиеся ожидания, но бесспорно одно – тогда это был единственный многосторонний международный формат, объединивший постсоветское пространство, причем во всех сферах: политической, экономической, культурно-гуманитарной и военной. СНГ, с одной стороны, обеспечило цивилизованный «развод» советских республик, с другой – противодействовало дезинтеграции, создавая предпосылки для создания нынешнего Евразийского экономического союза» [5].

Концепцией внешней политики Российской Федерации [8] в качестве основного регионального приоритета закрепляется политика дальнейшего развития сотрудничества с государствами – участниками СНГ. Подчеркивается, что Россия и в дальнейшем планирует развивать потенциал СНГ, укреплять Содружество в качестве влиятельной региональной организации, механизма многопланового сотрудничества.

Помимо дальнейшего развития взаимодействия в рамках СНГ в гуманитарной, научно-образовательной, культурной сферах, содействию расширению экономического сотрудничества с государствами – участниками СНГ, Российская Федерация особое внимание уделяет наращиванию сотрудничества в рамках СНГ в сфере обеспечения безопасности, а также правоохранительной сфере.

За годы существования СНГ разработана обширная правовая база, в том числе, по вопросам полицейского сотрудничества. На Интернет-портале СНГ размещен Единый реестр правовых актов и других документов, что способствует формированию единого в рамках Содружества правового пространства.

За более чем 25-летний период существования СНГ государствами – участниками накоплен огромный опыт сотрудничества, в том числе, в рамках полицейского сотрудничества. Отдельным направлением сотрудничества в правоохранительной сфере является взаимодействие в рамках СНГ по вопросам подготовки, переподготовки и повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов.

В мае 2007 г. на Совещании руководителей кадровых аппаратов министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ, было принято решение о создании Ассоциации высших учебных заведений МВД (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподго-

товке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полицей) [6].

Специфика современного ведомственного образования во многом обусловлена тенденцией на интегрированность в международное информационное пространство. Учет этой специфики в совершенствовании профессиональной подготовки руководителей органов внутренних дел определяет деятельность Ассоциации.

Основная цель Ассоциации – повышение качества подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящего состава органов внутренних дел государств – участников СНГ.

Высшим органом управления является Совещание Управляющего Совета Ассоциации, в состав которого входят руководители кадровых аппаратов министерств внутренних дел (полиции) государств-участников СНГ, ВУЗы которых входят в состав Ассоциации.

В рамках деятельности Ассоциации между ВУЗами-участниками осуществляется взаимодействие в образовательном, научно-практическом, культурно-спортивном и информационном направлениях.

В образовательном направлении сотрудничества ведется разработка программ и планов для взаимного обучения участников, проходит обучение в ВУЗах – участниках Ассоциации, организуется стажировка преподавателей для обмена опытом и повышения квалификации, проводятся профессиональные конкурсы.

В научно-практическом направлении осуществляется: обмен планами проведения научно-практических мероприятий; проведение совместных научных исследований; публикации научных статей в сборниках ВУЗов – участников Ассоциации; организация и участие в научно-методических конференциях и семинарах, форумах; направление, прием адъюнктов, слушателей и докторантов для сбора эмпирического и теоретического материала по темам проводимых исследований.

Культурно-спортивное направление работы обеспечено совместной организацией и взаимным участием в мероприятиях культурно – и спортивно-массового характера.

В рамках информационного взаимодействия ведется работа по созданию и развитию общего информационно-аналитического пространства в сфере обмена научной информацией¹.

¹ Официальный сайт Академии управления МВД России. URL: <https://a.mvd.pf/folder/3518901>.

В рамках Ассоциации проводятся ежегодные собрания ректоров вузов – участников Ассоциации высших учебных заведений министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции), последнее из которых прошло в Академии управления МВД России с 16 по 18 ноября 2016 г., в котором приняли участие руководители Образовательного комплекса полиции Республики Армении, Академии МВД Республики Беларусь, Могилевского института МВД Республики Беларусь, Алматинской академии МВД Республики Казахстан, Академии МВД Кыргызской Республики, Академии «Штефан чел Маре» МВД Республики Молдовы, Академии МВД Республики Таджикистан и Академии управления МВД России¹.

Решением Совета глав правительств СНГ от 30 мая 2014 г. [2] федеральному государственному казенному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» был придан статуса базовой организации государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава для органов внутренних дел (полиции).

Академия управления МВД России как базовая образовательная организация в рамках полицейского сотрудничества осуществляет организацию подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящего состава для органов внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ, научное, учебно-методическое, информационное обеспечение, выработку общих подходов по программам подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей органов внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ, а также содействие взаимодействию высших учебных заведений государств – участников СНГ, вовлеченных в процесс подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящего состава для органов внутренних дел (полиции), по внедрению современных, инновационных методов и форм подготовки в учебный процесс.

В целях углубления и развития сотрудничества с органами внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ Правительство Российской Федерации установило ежегодные квоты приема на обучение сотрудников органов внутренних дел (полиции) государств – участников

¹ Официальный сайт Академии управления МВД России. URL: <https://a.mvd.pf/Press-sluzhba/Novosti/item/8961529>.

СНГ в образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования Министерства внутренних дел Российской Федерации (на безвозмездной основе – до 300 человек; на льготной основе – до 400 человек) [7].

Руководство МВД России выражает готовность продолжать обучение специалистов для государств-участников СНГ по программам высшего образования и на курсах повышения квалификации по ключевым направлениям борьбы с преступностью. В рамках реализации государственной политики в области подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях с 2002 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя был образован факультет подготовки иностранных специалистов, на котором обучаются иностранные слушатели из стран СНГ. В целях углубления профиля подготовки сотрудников полиции определяются базовые организации государств-участников СНГ по подготовке кадров для правоохранительных органов. Академия МВД Республики Беларусь имеет статус базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств по подготовке, повышению квалификации, переподготовке кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми [3]. В апреле 2017 г. было принято решение о придании статуса базовой организации в рамках СНГ по подготовке кадров для органов налоговых (финансовых) расследований по образовательным программам высшего образования и дополнительным профессиональным программам Нижегородской академии МВД России [4].

Отметив не так давно свой двадцатипятилетний юбилей СНГ продолжает демонстрировать свою жизнеспособность, оставаясь важной межгосударственной площадкой диалога и сотрудничества на постсоветском пространстве. Важным направлением полицейского сотрудничества в рамках СНГ является подготовка кадров для правоохранительных органов.

Получение профессионального образования на основе унифицированных стандартов, совместная отработка практических навыков, установление межличностных связей сотрудниками правоохранительных органов государств-участников СНГ являются тем прочным фундаментом, на котором может основываться успешное и плодотворное сотрудничество в деле борьбы с преступностью на едином евразийском пространстве.

Библиографический список

1. Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» (Вместе с «Уставом Содружества Независимых Государств») (принято в г. Минске 22 января 1993 г.) (с изм. от 19.09.2003 г.) // Информ. вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1993. – № 1.
2. Решение Совета глав правительств СНГ «О придании федеральному государственному казенному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» статуса базовой организации государств-участников Содружества Независимых Государств по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава для органов внутренних дел (полиции)» (принято в г. Минске 30 мая 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Совета глав правительств СНГ «О придании учреждению образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» статуса базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств по подготовке, повышению квалификации, переподготовке кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми» (принято в г. Минске 23 мая 2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение о базовой организации государств-участников СНГ по подготовке кадров для органов налоговых (финансовых) расследований по образовательным программам высшего образования и дополнительным профессиональным программам. Совет министров иностранных дел СНГ от 7 апреля 2017 г.
5. Нарышкин С. Е. Уроки Содружества // Российская газета. – 2016. – 7 сент.
6. Положение об Ассоциации высших учебных заведений министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции), утв. 11 октября 2007 г. руководителями кадровых аппаратов министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ в г. Кишиневе (Республика Молдова).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2009 г. № 258 «Об установлении ежегодных квот приема на обучение на безвозмездной и льготной основе сотрудников органов внутренних дел (полиции) и военнослужащих внутренних войск государств – участников Содружества Независимых Государств в образовательные учреждения высшего и дополнительного профессионального образования Министерства внутренних дел Российской Федерации и военные образовательные учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 14, ст. 1644.
8. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник статей по итогам Международной
научно-практической конференции
18 октября 2017 года, приуроченной к 60-летию принятия
государствами – членами Совета Европы
Европейской Конвенции о выдаче 1957 года

НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Ермаковой Л. С.*
Усл.-печ. 15,75 л.

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 90,4 МБ; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.
Подписано к изданию 19.10.2018.

ISBN 978-5-9694-0530-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12